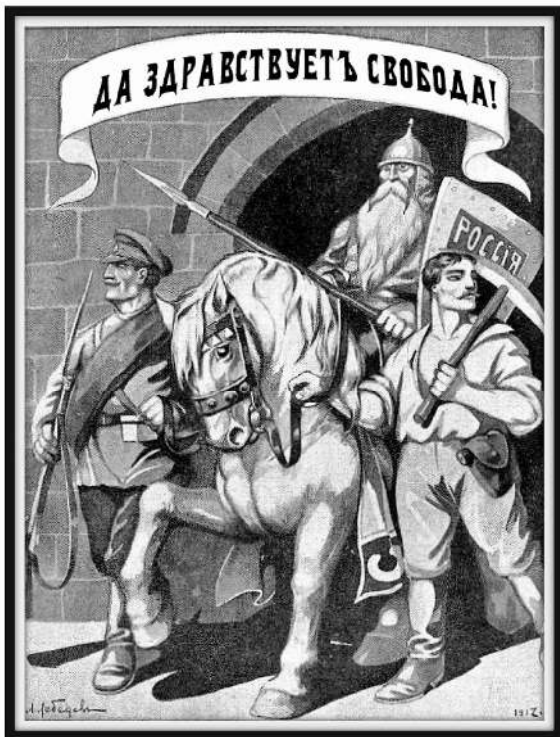

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ.**

Санкт-Петербург, 2014

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2014. 261 с.

ISBN 978-5-904247-93-5

В сборник включены материалы межвузовской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 1 ноября 2013 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

© А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2014.

© Авторы статей, 2014.

© А.А. Иванов, оформление обложки, 2014.

© Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2014.

ISBN 978-5-904247-93-5

От составителя

1 ноября 2013 года кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена провела очередную межвузовскую научную конференцию «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». В ее оргкомитет вошли заведующий кафедрой доктор исторических наук, профессор А.Б. Николаев (председатель), кандидат исторических наук, доцент Д.А. Бажанов и доктор исторических наук, доцент А.А. Иванов. В конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода и Петрозаводска. В связи с этим можно утверждать, что межвузовская конференция приобрела всероссийский характер. В ее программу было включено 26 докладов. Конференция не осталась незамеченной обучающимся сообществом – студенты и аспиранты факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена не только участвовали в обсуждении докладов, но и сами выступали на ней с сообщениями. Как и всегда, первой на конференцию откликнулась студенческая газета ФСН РГПУ «Двадцатый корпус», опубликовавшая статью, в которой сообщалось о ходе конференции и наиболее интересных докладах, прозвучавших на ней. Подводя итог своему рассказу о конференции, студентка 3-го курса ФСН О. Баландина пишет: «Наша конференция дает уникальную возможность опытным историкам и молодым ученым поделиться своими открытиями в кругу единомышленников. И многие из них почли за честь выступить на этом значимом мероприятии. Завершалось заседание в глубоких сумерках. А это значит, что интерес к революционным событиям 1917 г. не иссякает и даже, наоборот, имеет возрастающую тенденцию»¹.

В сборнике представлены не все доклады, заявленные в программе конференции: некоторые из них так и не были прочитаны на конференции, а другие не были переданы для публикации.

Одна статья сборника посвящена периоду, предшествующему Февральской революции. Ф.А. Селезнев, изучая биографию В.С. Завойко до Февральской революции, поднимает вопрос о формировании правой контрэлиты вокруг генерала Л.Г. Корнилова, а точнее – как Завойко оказался в окружении Корнилова. Автор обнаруживает наличие политической связи между А.И. Путиловым и В.С. Завойко

¹ Баландина О. Революция – научная любовь // Двадцатый корпус. 2013. Ноябрь. № 94. С. 4.

и заявляет, что «возвышение Завойко могло быть связано только с поддержкой Путилова.

Несомненно, что сборник «полевел»: дело в том, что в этот раз правым посвящено только две статьи, тогда как в прошлом году таких работ было три. И это вполне оправданно тем положением, которое занимали правые в послефевральской России. А.А. Иванов пишет о требовании правыми сепаратного мира в 1917 г. (по материалам газеты «Гроза»). Автор приходит к выводу о том, что «позиция относительно дальнейшего участия России в Первой мировой войне, занятая после свержения монархии черносотенной «Грозой», оказалась довольно близка к установкам левых партий, также требовавших мира». Д.И. Стогов посвятил свое исследование организатору правомонархического салона князю М.М. Андронику, сосредоточив свое внимание на изучении фактов его биографии после Февральской революции 1917 года. Пожалуй, наиболее интересные страницы в работе Стогова посвящены попыткам прояснить вопрос о службе князя Андроникова в ЧК и его расстреле. Проанализировав различные материалы, автор приходит к выводу о том, что «вопрос о службе М.М. Андроникова в ЧК и о его расстреле остается пока не проясненным». Ценность представляет и следующее замечание Стогова: «<...> как и Андроников, весьма многие правые фактически (по крайней мере, на словах) приняли Февральскую революцию».

О «полевении» сборника говорит и то, что на его страницах публикуется пять статей, посвященных левым: три статьи – большевикам, и две – эсерам. К.А. Тарасов, рассуждая о большевизме «стихийном, шкурном, идейном» на примере политической самоидентификации солдат Петроградского гарнизона в 1917 г., приходит к выводу о том, что «необходимо различать «большевизм» как партийность и как общественное течение». А.В. Островский в своей статье ищет ответ на вопрос, почему предложение о сотрудничестве с партией большевиков генерал-лейтенант, помощник начальника Генерального штаба и генерал-квартирмейстер Н.М. Потапов сделал через видного деятеля Военной организации большевиков М.С. Кедрова? Автор установил, что Потапов и Кедров «находились в крестном родстве». «Это объясняет, – пишет А.В. Островский, – не только то, откуда они были знакомы еще до революции, но и то, каким образом у них еще до революции могли сложиться дружеские отношения, почему именно М.С. Кедрову летом 1917 г. Н.М. Потапов предложил свои услуги Военной организации большевиков». В.В. Калашников в своем исследовании изучает стратегическую концепцию

В.И. Ленина в 1917 году. Он указывает, что «в историографии Русской революции распространен тезис, согласно которому Ленин и большевики в октябре 1917 г. брали власть исключительно для того, чтобы подтолкнуть мировую революцию, и в расчете на ее скорую победу». Опровержению этого тезиса и посвящена статья В.В. Калашникова, который приходит в ней к выводу о том, что «Ленина более всего беспокоили проблемы внутреннего развития, а не мировой революции». В.П. Сапон, рассуждая о деятельности нижегородских эсеров осенью 1917 года, замечает, что они, «опираясь на крестьянство или, точнее, следуя воле этого самого крестьянства, фактически легитимизировали аграрную революцию, которая уже полным ходом шла в губернии». А.М. Кулегин сообщает о создании и деятельности «Петроградского союза защиты Учредительного собрания», во главе которого стоял эсер В.Н. Филипповский. Подчеркнем, что для раскрытия темы исследования автор привлек материалы коллекции Государственного музея политической истории России, которые малодоступны для ученых.

Ряд статей посвящен изучению истории революции в Москве и различных регионах России. П.Н. Гордеев показывает в своей работе «как – прежде всего, с организационной точки зрения – отразилась на московских императорских (после падения монархии – государственных) театрах Февральская революция». А.В. Соколов сообщает о визите делегации Поместного Собора в Московский военно-революционный комитет (ВРК) 2 ноября 1917 года. Региональный компонент представлен в сборнике значительно шире, чем московский, он содержится в пяти статьях, не считая работы В.П. Сапона, которая тоже относится к статьям с региональной составляющей. И.Е. Алексеев, ставя проблему «лекарственного голода» при «новом строе», пишет о Первом Всероссийском съезде по борьбе с лекарственным голодом в Казани. Не касаясь конкретных решений съезда, изложенных автором, приведем лишь его замечание: «<...> в условиях политического «цейтнота», в которых оказался тогдашний либеральный режим, осуществить в полной мере что-либо из задуманного уже не представляло практически никакой возможности». Д.А. Бажанов в своей статье о снабжении экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте-мае 1917 г. приводит интересный материал о том, что «с первых дней существования комитеты, а также Центральный комитет Балтийского флота заняли важное место в снабжении личного состава военных кораблей». Автор в связи с этим предполагает, что «именно это обстоятельство играло не-

маловажную роль в обретении ими авторитета в матросских массах». Е.Ю. Дубровская попыталась «проследить за развитием «солдатской революции» в Финляндии марта – октября 1917 года, показать степень ее изученности и направления возможных будущих исследований». Статья В.И. Мусаева посвящена анализу положения Православной церкви на окраинах России. Автор приходит к выводу о том, что «в 1917 г. возникли предпосылки не только для политической дезинтеграции российского пост-имперского пространства, но и для «нестроений» и расколов внутри единой прежде Православной церкви в России». А.Г. Румянцев изучает восприятие Советской власти и образ революционного Петрограда в российской провинции через призму дневников тихвинского краеведа и историка И.П. Мордвинова. Автор замечает, что Мордвинов, «осознавая факт гибели России как государства, <...> не видел возможности ее возрождения, равно как национальной идеи и той политической силы, которая была бы способна сплотить страну».

В пяти статьях речь идет о событиях, происходивших в Петрограде. Исследование М.А. Канатчикова продолжает изучение темы разгрома правоохранительных учреждений в дни Февральской революции, начало которой положено статьей А.Б. Николаева¹. Канатчиков посвятил свою статью разгрому военно-морских судов Балтийского флота в Кронштадте, Гельсингфорсе и крепости императора Петра Великого. А.Б. Николаев, исследуя различные стороны деятельности Петроградского временного суда, в этот раз пишет о судебном преследовании клубных дельцов, насаждавших в клубах «карточный азарт». Д.В. Надсадный «продолжает исследование противоречивых тенденций развития муниципальной благотворительности Петрограда, наметившихся в период после Февраля 1917 года, которое было начато статьей, опубликованной в прошлогоднем сборнике»². В данной статье он останавливает свое внимание на истории взаимоотношений Петроградских попечительств о бедных в Петрограде и солдатских жен в 1917 году. Автор приводит в своей

¹ Николаев А.Б. К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2009. С. 17 – 38.

² Надсадный Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей / Ред. колл.: А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2013. С. 58 – 67.

работе интересный материал и делает ценные замечания. В частности, он пишет, что «после Февральской революции именно городские попечительства о бедных в Петрограде стали центрами самоорганизации для солдатских жен и первичными ячейками для создания общегородского союза солдаток». Т.Г. Фруменкова публикует в сборнике две статьи, посвященные Петроградскому воспитательно-му дому¹, а Н.В. Кольшницына пишет об учебной жизни Петроградского историко-филологического института в 1917 году.

Закрывает сборник статья Е.А. Лысенко, которую она посвятила еженедельнику «Накануне», первый номер которого вышел 7 апреля 1918 г. Проанализировав публиковавшиеся в «Накануне» материалы, а также отследив дальнейшие судьбы молодых авторов, Лысенко указывает: «Изучение материалов «Накануне» помогает увидеть истоки зарождения особого понимания русской революции представителями нового поколения изначально либеральных политиков, которое зарождалось в России в предреволюционные годы. «Накануне» – начало эволюции их взглядов, которая привела к полному отказу от идей демократии и либерализма».

Надеемся, что и этот сборник найдет своего читателя, как среди уже состоявшихся ученых, так и научной молодежи, будет способствовать росту интереса к истории революции 1917 года в России.

А.Б. Николаев
26 октября 2014 г.

¹ Одна из статей не попала в предыдущий сборник по техническим причинам.

Селезнев Ф.А.

**К вопросу о формировании правой контрэлиты
вокруг генерала Л.Г. Корнилова: биография
ординарца В.С. Завойко до Февральской революции¹**

Одной из самых влиятельных фигур в составе правой контрэлиты, формировавшейся в апреле – августе 1917 г. вокруг Л.Г. Корнилова был его ординарец В.С. Завойко (1875 – 1947). В воспоминаниях современников и трудах историков он, обычно, характеризуется как «авантюрист»². Остается неясным, как он оказался в окружении Корнилова. Р.Ш. Ганелин и Л.Е. Шепелев назвали Завойко «агентом монополий при Корнилове»³. В.Я. Лаверычев также полагал, что «петроградские круги» капиталистов приставили к генералу своего человека – Завойко⁴. Из западных историков эту версию поддержал Дж. Д. Уайт⁵.

Существует и другая концепция. Г.З. Иоффе и А.Я. Рабинович рассматривают Завойко как самостоятельную фигуру, не связанную с петроградским предпринимательским сообществом⁶. Для того, чтобы выявить причины возвышения Завойко обратимся к анализу его дореволюционной биографии.

Завойко – это дворянский род, происходящий из малороссийского казачества. Самый известный его представитель – адмирал Василий Степанович Завойко (1812 – 1898) защитник Петропавловска-Камчатского в Крымскую войну. В.С. Завойко был женат на Юлии Егоровне Врангель – племяннице Ф.П. Врангеля, председателя Главного правления Русско-Американской компании. Их сын Степан (1844 – 1908) в 1865 г. вышел из Петербургского университе-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00032.

² *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 78; *Чуракова О.В.* Проблема политического авантюризма // Россия 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 50 – 53.

³ *Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. К истории буржуазной контрреволюции // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник статей. М.; Л., 1957. С. 310.

⁴ *Лаверычев В.Я.* Русские монополисты и заговор Корнилова // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 35.

⁵ *White J.D.* The Kornilov affair: A study in Counterrevolution // Soviet Studies. 1968. Vol. XX. P. 187 – 188.

⁶ *Рабинович А.Я.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 356; *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 46.

та кандидатом физико-математических наук. Начал службу помощником ревизора Киевской контрольной палаты. В 1872 г. – старший ревизор Киевской контрольной палаты. Член Юго-Западного отдела Русского географического общества. С 1881 г. жил в Петербурге, был помощником генерал-контролера Департамента Военной и Морской отчетности. Женат первым браком на дочери дворянина Черниговской губернии Екатерине Ивановне Драгневич.

Их сын Василий, названный в честь деда-адмирала, родился в Киеве. Образование получил в знаменитом Александровском лицее – кузнице кадров высшей российской бюрократии. После его окончания, с 1895 по 1898 г., был причислен к Парижскому и Лондонскому посольствам¹. Затем в двадцать три года ушел в отставку и уехал в Подольскую губернию, где получил наследство от деда-адмирала.

Здесь нужно исправить одну неточность, закрепившуюся в литературе. В свое время биограф Л.Г. Корнилова, генерал Мартынов, написал, что на имя Василия Завойко приобретались подлежащие обязательной продаже польские имения, которые после вырубки в них леса распродавались мелкими участками окрестным крестьянам. Благодаря этому Завойко нажил значительное состояние и сделался собственником крупного имения при местечке Дунаевцы Подольской губернии². На самом деле Дунаевцы перешли к Василию Завойко от деда. В свое время тот с высочайшего разрешения купил казенные земли в Балтском уезде Подольской губернии. Там, в имении при селе Великая Мечетня Балтского уезда Подольской губернии, Завойко-дед жил с 1865 по 1898 год³. А в 1891 г. отставной адмирал купил еще и владение Дунаевцы Ущицкого уезда Подольской губернии у поляка Бронислава Александра Скибневского. По наследству часть земли при Дунаевцах и оказалась у Завойко-внука.

Что касается информации о распродаже Завойко-внуком польских поместий, то она имеет реальную основу. Соседом Завойко по Подольской губернии был Марк Федорович Рафалович (1844 – 1914), сын знаменитого одесского банкира, хлеботорговца, владель-

¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 2 – 5.

² Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). Б.м., 1927. С.20.

³ Головин П.А., Завойко А.М. Родственные связи дворянских родов Завойко, баронов Врангель фон Луденгоф и Унгерн-Штернберг // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-176-3/

ца сахарных заводов и председателя правления Бессарабско-Таврического земельного банка Ф.А. Рафаловича. Марк Рафалович с 1896 г. стоял во главе этого банка, который вел операции, в том числе и в Подольской губернии. Дочь Марка Рафаловича, Любовь, вышла замуж за Василия Завойко-внука. И тот, при помощи тестя естественно, мог участвовать в выгодных операциях с выставяемой на торги недвижимостью несостоятельных должников Бессарабско-Таврического банка.

Завойко-внук прочно осел в Подольской губернии. С 1901 по 1907 гг. он служил Гайсинским уездным предводителем дворянства¹, т.е. фактически был первым лицом в этом уезде. В 1902 г. он по должности возглавил уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Эти учреждения были детищем министра финансов С.Ю. Витте, но их руководители подчинялись его оппоненту, министру внутренних дел В.К. Плеве. Тот старался на них воздействовать, чтобы не допустить политизации деятельности комитетов. В этой связи Завойко был вызван в Петербург и, как он сам сообщил в письменных показаниях Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова (1917 г.)², сначала подвергся разносу со стороны Плеве. Но затем тот сменил гнев на милость и предложил Завойко должность чиновника особых поручений с перспективой стать товарищем министра³.

Вероятно, Плеве заинтересовали идеи Завойко, изложенные им в записке на имя царя, в которой предлагалось передать высшее управление Дворянским и Крестьянским банками из Министерства финансов в Министерство внутренних дел. По мнению Витте, эта записка была «внушена ему [Завойко – Ф.С.] и составлена Плеве»⁴. Однако, скорее всего ее автором был сам Завойко, бойко владевший пером и имевший талант к созданию подобных проектов. К тому же у него в этом деле был личный интерес – только что он получил отказ в получении значительной ссуды из Дворянского банка. Записка была передана Николаю II, но не нашла у него поддержки. Сам Завойко в итоге отказался от предложенного Плеве повышения.

¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

² См. подробную характеристику этого источника: *Селезнев Ф.А.* «В государственном управлении вся сила и залог успеха именно в плане и системе его осуществления»: Из показаний ординарца генерала Л.Г. Корнилова прапорщика В.С. Завойко. 1917 г. // Исторический архив. 2011. № 4. С. 115 – 139.

³ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 241.

Три года спустя Завойко вновь обратил на себя внимание министра внутренних дел – на этот раз П.А. Столыпина. Осенью 1906 г. Подольский губернатор А.А. Эйлер вызвал Завойко на станцию Жмеринка, и от имени Столыпина предложил какую угодно службу или «борьбу не на живот, а на смерть, не стесняющуюся в средствах». Завойко, по его словам, выбрал последнее. В своих показаниях 1917 г. он подробно описывает те напасти, которые на него после этого обрушились (отдача под суд за растрату, отказ в кредитах в Государственном и частных банках)¹. Тогда Завойко попытался стать депутатом Государственной думы от крестьянской курии. Он склонил общину села Ластовцы на оставление приговора о зачислении его с сыновьями в крестьяне, но местные власти, вмешавшись в дело, отменили это постановление. В итоге Завойко лишился должности уездного предводителя дворянства, не прошел в Думу и оказался «вдребезги разоренным»².

На этом закончился этап его биографии, связанный с Подольской губернией. Отметим, что за этот период Завойко не приобрел сколько-нибудь значительного политического опыта. Он не участвовал в партийной деятельности. Ему не удалось стать депутатом Государственной думы. Поскольку в Западном крае отсутствовало выборное земство, он не участвовал в общероссийском земском движении. Происхождением этот человек был связан с чиновничьей средой. В ней же он вращался и в молодости. Это не давало ему реализовать свою политическую энергию, которая в нем присутствовала. О ее наличии говорят некоторые нетривиальные поступки Завойко (подача императору проекта о реформе Дворянского и Крестьянского банков, попытка ради депутатства записаться в крестьянское сословие).

В следующий период жизни В.С. Завойко оказался внутри предпринимательского сообщества. Этот этап биографии Завойко был связан с Петербургом и начался в 1911 или в 1912 году. В 1912 году его имя впервые появляется в справочнике «Весь Петербург». Он значится там членом правления Санкт-Петербургского стекло-промышленного общества³. Как внук адмирала попал в эту фирму неизвестно.

¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

² Мартынов Е. Указ. соч. С. 21; ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 3 – 4.

³ Весь Петербург на 1912 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Б.г. С. 1480.

В 1917 г. В.С. Завойко вспоминал, что после своего разорения «предпочел пойти работать в промышленность, где в нефтяной отрасли в самый короткий срок занял одно из первых мест, ни разу не прибегая к чьей-либо протекции и родственной помощи»¹. Это можно понять так, что свою предпринимательскую деятельность Завойко начал где-то не в нефтяном секторе, но, затем, сделал карьеру именно там.

Заявляя, что занял одно из первых мест в нефтяном деле «ни разу не прибегая к чьей-либо протекции и родственной помощи», Завойко, разумеется, лукавил. В 1937 г. А.И. Путилов вспоминал: «Завойко был племянником (по жене) моего большого приятеля, покойного члена правления Русского внешнеторгового банка А.Ф. Рафаловича, которого я очень любил и уважал. А.Ф., стесняясь в виду своих родственных отношений с Завойко устраивать его на службу в своем банке, обратился ко мне с просьбой устроить его где-нибудь в сфере влияния Русско-Азиатского банка, председателем которого я состоял. Во исполнение такого желания я просил моего друга С.Г. Лианозова устроить Завойко... в одно из нефтяных обществ, что С.Г. и исполнил»².

Это произошло в 1913 году, а указанное нефтяное общество называлось «Арамазд». Весной 1913 г. Лианозов приобрел крупный пакет его акций (12, 3 тыс.), а в ноябре того же года перевел их на счет своей фирмы «Г.М. Лианозова сыновья» в Русско-Азиатском банке Путилова³. В справочнике «Весь Петербург» на 1914 г. мы уже видим В.С. Завойко одним из директоров «Арамазда» (председателем правления и директором-распорядителем фирмы значится С.Г. Лианозов)⁴.

Таким образом, успешный старт в нефтяном бизнесе В.С. Завойко сделал как раз благодаря протекции. Однако в 1913 г. покровитель Завойко А.Ф. Рафалович (дядя его жены) скончался. Между тем карьера Завойко не только не прервалась, но стала успешно развиваться – уже действительно без родственной помощи, благодаря его собственным качествам хорошего управленца. Новому делу он отдался с увлечением и гордился этой работой. Впоследствии он

¹ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

² Последние новости. 1937. 20 марта.

³ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883 – 1914. Документы и материалы. 1883 – 1914. М.; Л., 1961. С. 580, 735.

⁴ Весь Петербург на 1914 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., Б.г. С. 1357.

будет много рассказывать Корнилову, как «занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири»¹.

На стыке этих территорий, на реке Эмба (Уральская область), в начале XX в. были разведаны крупные месторождения нефти. Основные нефтеносные участки за собой застолбил И.И. Стахеев. Крупнейшая в нефтяном деле фирма братьев Нобель сразу же обратила внимание на богатства указанного региона. В 1912 г. Нобель совместно со Стахеевым образовали нефтепромышленное и торговое общество «Эмба». В 1913 г. в Эмбинском районе открыл действия конкурент «Эмбы» – общество «Эмба-Каспий», организованное Русско-Азиатским банком Путилова, который тоже привлек к участию Стахеева. Председателем правления компании стал партнер Путилова А.И. Вышнеградский. Сам Путилов стал вице-председателем. «Эмба Каспий» развернула бурную деятельность по строительству на Эмбе производственной инфраструктуры². В состав правления кампании был введен В.С. Завойко³. Когда Нобель и Путилов договорились о сотрудничестве и в июне 1915 г. совместно создали Акционерное общество подсобных предприятий Эмбинского района, Завойко стал членом правления и этой компании. Там, по обоснованному мнению Т.М. Китаниной, он, наряду с В.Н. Троцким-Сенютовичем, играл роль «агента Путилова», точно также как и в сбытовой компании «Волжско-Бакинское торговое акционерное общество»⁴.

В 1915 и 1916 гг. Завойко появился в составе руководства еще ряда нефтяных фирм, входивших в Русскую генеральную нефтяную корпорацию. (Ее контролировал Русско-Азиатский банк Путилова). Это были: Апшеронское нефтяное общество, общество «А.И. Манташев и К^о», Московско-Кавказское нефтяное промышленно-торговое товарищество, нефтепромышленное и торговое общество «Братья Мирзоевы и К^о», Петроградско-Грозненское нефтепромышленное акционерное общество, Средне-Азиатское нефтепромышлен-

¹ Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках: В 2-х тт. М., 2003. Т. 2. С. 203.

² Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914 – 1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969. С. 67 – 78.

³ Весь Петроград на 1915 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., Б.г. С. 1266.

⁴ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 79, 81.

ное и торговое акционерное общество «Санто», Товарищество нефтяного производства «Г.М. Лианозова сыновья».

В 1916 г. Путилов начал выдвигать В.С. Завойко в состав руководства общероссийских предпринимательских организаций. 4 ноября 1916 г. будущий идеолог «корниловщины» стал одним из учредителей Нефтяной секции Совета съездов представителей промышленности и торговли и членом ее бюро¹. Завойко также входил в Нефтяную секцию Отдела по топливу Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК)². По оценке С.П. Мельгунова, «Завойко являлся как бы представителем Путилова в Военно-промышленном комитете»³.

Здесь следует отметить, что руководимый А.И. Гучковым ЦВПК в 1916 – начале 1917 г. активно занимался оппозиционной политической деятельностью. Через его структуры велась подготовка к государственному перевороту⁴. Участвовал ли в ней Завойко? И, если да, то действовал ли он по наущению Путилова? Иначе говоря, являлся ли В.С. Завойко проводником замыслов главы Русско-Азиатского банка не только в экономической, но и в политической сфере?

Сам Завойко в эмиграции зачислял себя в число заговорщиков. С.П. Мельгунов в своей книге, опубликованной в 1931 г., сообщил, что «Завойко любит рассказывать, как он участвовал в “гучковском заговоре”»⁵. Участие это выражалось, в том, что Завойко был послан в Туркестан с письмом от Гучкова к генералу А.Н. Куропаткину, на тот момент тоже будто бы входившему в состав заговорщиков.

Мельгунов отнесся к этому рассказу с недоверием, поскольку Гучков отрицал и факт отправки этого письма, и участие Завойко в заговоре. По мнению историка «Завойко просто был выслан в Туркестан Департаментом полиции за “разговоры” о перевороте»⁶.

На наш взгляд, какая-то фактическая основа у рассказа Завойко должна быть. Адмиральский внук контактировал с Гучковым в рамках ЦВПК и ездил в Среднюю Азию по делам общества «Санто».

¹ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914 – 1917. Документы и материалы. Л., 1973. С. 209.

² Там же. С. 211.

³ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2007. С. 190.

⁴ См. подробн. об этом: Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции // Российская история. 2012. № 1.

⁵ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 190.

⁶ Там же.

Следовательно, вполне мог сыграть роль курьера (возможно и не зная о содержании письма). Косвенно это подтверждает приезд Куропаткина в Петроград. Во время Февральской революции генерал находился в столице¹ – как и ряд других старших офицеров, причастных к заговору.

Что касается высылки Завойко Департаментом полиции, то она тоже имела место, буквально накануне революционных событий. Этот эпизод Завойко изложил так: «Переворот конца Февраля застал меня на промыслах Общ.[ества] «Санто» Ферганской области, куда я экстренно выехал 22 февраля по предложению переданному мне на словах от имени Товарища Министра Вн.[утренних] Дел, заведующего полицией в виде угрозы выслать в случае отказа от добровольного выезда.

Причинами этого предупреждения, вероятно, явились: мое письмо бывшему царю от начала декабря 1916 года, моя докладная записка ему же от конца января 1917 года и предложения неотложных реформ, мое предполагавшееся с 12 по 14 февраля назначение на пост министра-председателя и моя речь, сказанная 15 февраля в помещении Военно-промышленного комитета на собрании крупных финансистов и промышленников по вопросу о подписке на новый предполагавшийся внутренний заем»².

Косвенное подтверждение этих сенсационных сведений имеется в воспоминаниях лидера эсеров В.М. Чернова. Тот писал, что Завойко был связан с кружком Распутина и по слухам, если бы не убийство Распутина, стал бы министром финансов³.

Этот пост тогда занимал П.Л. Барк. Из членов «кружка Распутина» отставки министра финансов мог желать только А.Д. Протопопов, ибо Барк добивался его увольнения. Не терпел Протопопова и желал его исключения из кабинета и премьер Н.Д. Голицын⁴. Соответственно замена председателя Совета министров также была в интересах А.Д. Протопопова. При этом людей готовых на сотрудничество с министром внутренних дел было очень мало. Выбирать не приходилось. Поэтому Протопопов вполне мог схватиться за канди-

¹ Галич Ю. Красный хоровод. М., 2008. С. 43.

² ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

³ Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. М., 2007. С. 324.

⁴ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. Рязань, 2004. С. 308, 312.

датуру Завойко. Назвать же ее Протопопову мог только А.И. Путилов.

Путилов (в свое время близкий сотрудник С.Ю. Витте) достаточно критично относился к Николаю II. Однако, превратившись из чиновника в «капитана тяжелой промышленности», он не мог не понимать, что для его отрасли жизненно важно существование сильного государства. Тяжелая промышленность всегда находилась под покровительством самодержавия, а в годы Мировой войны особенно. В этот период предприятия, занимавшиеся машиностроением и металлообработкой, были загружены казенными заказами, имели первоочередной доступ к энергоресурсам, а их работники получили броню от призыва на фронт. Значит, ссориться с царскими властями «металлистам» не было резона. Поэтому в мае 1915 г., когда на IX съезде представителей промышленности и торговли текстильщики и горнопромышленники выступали с оппозиционными речами, Путилов к ним не присоединился. Он заявил тогда французскому послу Палеологу, что «царская власть – это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность», а свержение царизма приведет к разрушению государства и анархии («Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть и еще худшие»)¹.

Для «королей» тяжелой индустрии разрыв с государством был губелен. Поэтому они не только не присоединились к врагам режима, но создали свою собственную организацию, лояльную власти. В феврале 1916 г. они при активном участии Путилова созвали I съезд представителей металлообрабатывающей промышленности, председателем Совета которого был избран правый октябрист А.Д. Протопопов. Причем, как писал В.С. Дякин, «объединившиеся в новой организации монополисты не только стремились отмежеваться от либерального крыла своего класса, но и откровенно искали контактов с правыми политическими организациями»². Результатом стало учреждение русским националистом П.Н. Крупенским в мае 1916 г. «Экономического клуба», куда наряду с Протопоповым вошли А.И. Путилов, А.И. Вышнеградский и председатель группы правых в Государственном совете А.А. Бобринский.

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177.

² Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914 – 1917). Л., 1978. С. 187.

Двое из этого клуба (А.А. Бобринский и А.Д. Протопопов) летом – осенью 1916 г. вошли в Совет министров. При этом председатель Совета съездов металлозаводчиков А.Д. Протопопов в сентябре 1916 г. возглавил ключевое ведомство – МВД. Однако Протопопов был не агентом, а партнером Путилова. Включение же в кабинет Завойко позволило бы главе Русско-Азиатского банка получить реальный контроль над правительством.

Таким образом, наличие политической связи между А.И. Путиловым и В.С. Завойко несомненно. Возвышение Завойко могло быть связано только с поддержкой Путилова. Самостоятельной политической фигурой Завойко не был.

Алексеев И.Е.
«Лекарственный голод» при «новом строе»
(1-й Всероссийский съезд по борьбе с
лекарственным голодом в Казани)

С началом Первой мировой войны Россия, помимо прочего, столкнулась с очень серьезной и, в прямом смысле, болезненной проблемой, получившей название «лекарственный голод». К сожалению, она до сих пор не нашла должного отражения в исторической литературе, хотя оказывала заметное влияние на ситуацию в стране и находилась в центре общественного внимания.

«Лекарственный голод» обрушился на Россию предсказуемо «внезапно» уже в самом начале войны, так как ее фармацевтическое благополучие находилось в прямой зависимости от Германии, являвшейся мировым поставщиком лекарственных препаратов, медицинских и аптекарских приборов, хирургических инструментов, научных пособий и т.д. В России к тому времени практически не было собственной фармацевтической промышленности и производства хирургических инструментов, отсутствовал сырьевой запас лекарственных средств. Причем, ситуация еще более усугубилась после подписания «Русско-германского торгового договора» 1904 г., предоставившего Германии особые торговые преференции.

Среди причин, долгие годы тормозивших развитие отечественной фармацевтики, назывались также: бюрократические препоны, отсутствие должной законодательной базы, льготные тарифы на иностранные продукты, слабая практикоориентированность науки, не отвечающая национальным интересам система патентирования и лицензирования, неудовлетворительное развитие знаний о природ-

ных богатствах, отсутствие системы их учета и использования, отсутствие центральных регулирующих и статистических учреждений «по делу продажи и покупки лекарственных материалов», неразвитость транспортной инфраструктуры и т. д. Десятилетиями откладывалась реформа фармацевтического образования, создание системы средних и высших специализированных заведений.

Из Германии привозилось около половины необходимых лекарственных растений (в том числе, березовые листья, цветы подсолнечника, глухой крапивы, «мать-и-мачехи», полевого мака и многое другое). Причем, большинство из них закупалось в «сыром» виде в России, обрабатывалось и возвращалось обратно. В результате, по выражению профессора Казанского университета Н.Ф. Высоцкого: «В России даже и русская фармакопея вернее могла назваться прусской»¹.

Как сообщалось в БМЭ, в 1913 г. сбор дикорастущих технических и лекарственных растений составлял 30932 тонны, из которых было экспортировано (по недостаточно полным данным) 29097 тонн. Экспортная торговля являлась основным назначением всего собираемого сырья, внутренние же потребности стояли на последнем месте². Одновременно возникла проблема нехватки медицинского инструментария.

С открытием военных действий и прекращением торговли с Германией запасы лекарственных средств и медицинского инструментария начали стремительно истощаться, чему в значительной мере способствовал постоянно увеличивавшийся поток раненых и больных воинов. Это вызвало резкий рост цен на медикаменты. Появилось множество спекулятивных предприятий, началась массовая подделка лекарств, к чему в условиях введения частичного «сухого закона» прибавились практически бесконтрольная торговля через аптеки спиртом и изготовление его суррогатов. Ситуация начала приобретать угрожающий характер.

В этих условиях активизировались различные научные, общественные и профессиональные группы (прежде всего, ученые – медики, химики и ботаники, фармацевты, провизоры и дрогисты), объединившиеся в борьбе с «лекарственным голодом», спекуляцией и фальсификацией медицинских препаратов, а также частные пред-

¹ 1-й Всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом. (Первый день) // Камско-Волжская Речь. 1917. 13 августа.

² См.: Лекарственные растения // БМЭ. Т. XV. М., 1930. Стб. 648.

приниматели. Весьма заметную роль в этом процессе сыграла Казань, известная своими химическими и медицинскими школами.

Живо откликнувшись на возникшие проблемы, «Общество врачей при Императорском Казанском университете» (ОВ при ИКУ) организовало в 1914 году особую «Курортную комиссию». 12 февраля 1915 г. была также образована «Комиссия по вопросу о недостаточности лекарственных средств в России». Председателем обеих комиссий стал профессор В.Ф. Орловский¹.

Выработанные «Курортной комиссией» резолюции были почти целиком включены в решения Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, проходившего в Петрограде в январе 1915 г. С особым вниманием общество подошло к подготовке и обсуждению доклада «Комиссии по вопросу о недостаточности лекарственных средств в России», который после принятия в апреле 1915 г. решено было опубликовать и направить в Государственную думу, Медицинский совет Министерства внутренних дел (МВД), Министерство народного просвещения (МНП) и общественные организации.

Повсеместно поддержанная общественная инициатива привела в действие государственные механизмы, и ситуация постепенно начала меняться к лучшему. Активизировалась работа по выявлению ресурсов отечественных растений и изысканию заменителей импортного сырья, стали открываться лаборатории и фабрики.

Был заложен ряд образцовых питомников для выращивания лекарственных растений в Петрограде, Москве, Батуме, Казани, Киеве, Сочи, Харькове, Юрьеве и в других городах, налажено производство йода из водорослей и морской соли. В значительной мере были восстановлены номенклатура и объем заготавливаемых растений. Развернулись ресурсоведческие исследования, начали организовываться различные курсы, издаваться специальная литература и «популярные» брошюры. По инициативе Главного военно-санитарного управления и Всероссийского земского союза было налажено производство хирургического инструментария.

В данной связи заметное распространение получила идея проведения всероссийского съезда по борьбе с «лекарственным голодом», которая зародилась в 1915 г. Роль инициатора и основного координатора движения за созыв съезда также взяла на себя Казань – в

¹ См.: Дневник Общества врачей при Императорском Казанском университете. 1914 – 1915 г. Казань, 1915. С. 17, 25.

первую очередь, в лице вышеупомянутого профессора ИКУ Н.Ф. Высоцкого (1843 – 1922) – выдающегося русского ученого-медика, общественного и политического деятеля, организатора борьбы с эпидемиями.

Помимо него, в работе по подготовке и проведению съезда приняли участие многие известные казанские ученые, фармацевты-практики и дрогисты: в том числе, руководитель Казанского отделения военно-химического комитета Русского физико-химического общества профессор А.Е. Арбузов, профессор А.Я. Гордягин и В.В. Николаев, председатель «Казанского Фармацевтического общества» профессор А.Г. Фишер, заведующий аптечным складом Казанского уездного земства провизор Ф.А. Антоновский, управляющий аптекой Казанской губернского земства провизор А.И. Бужинский, штатный фармацевт врачебного отделения Казанского губернского правления К.В. Бенинг, управляющий аптекой Казанской окружной лечебницы для душевнобольных провизор Е.И. Сотников и др.

В январе 1915 г. Н.Ф. Высоцкий принял участие в работе Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. 20 февраля 1915 г. на заседании медицинского факультета ИКУ было постановлено составить под его председательством «Комиссию по вопросу о возможности приготовления медицинских приборов и инструментов в России», в которую также вошли профессора А.Г. Агабабов, А.В. Вишнеvский, В.С. Груздев, Н.А. Миславский, И.Г. Савченко и Ф.Я. Чистович¹. Вскоре ей были собраны ценные сведения о действовавших в Казани фабриках и заводах, «изделия которых могут быть применяемы для врачебных целей», на основании чего подготовлены конкретные рекомендации.

В апреле 1915 г. Н.Ф. Высоцкий был командирован на летнее каникулярное время в Петроград для личного доклада управляющему МНП о результатах деятельности комиссии. Кроме того, он был командирован «по фабрикам и заводам Волжско-Камского края» для выяснения того, «какие предметы, необходимые для надобностей преподавания и научных работ медицинского факультета, могут бытьготавливаемы на этих заводах».

16 апреля 1915 г. ОВ при ИКУ заслушало доклад «Комиссии по вопросу о недостаточности лекарственных средств в России», вынеся по нему рекомендационные постановления, которые 31 мая были

¹ См.: НА РГ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 2779. ЛЛ. 1 – 2.

препровождены в медицинский факультет ИКУ¹. В скором времени, благодаря участию Н.Ф. Высоцкого, подготовившего доклад на тему «Лекарственный голод и борьба с ним», обсуждение данной проблемы приобрело широкие масштабы.

Прежде чем выносить свой доклад на факультетское обсуждение, Н.Ф. Высоцкий организовал «частное совещание», участники которого единогласно высказались за «неотложную необходимость» созыва в Москве или Петрограде всероссийского съезда «для выработки целесообразного плана борьбы с лекарственным голодом».

В январе 1916 г. медицинский факультет ИКУ заслушал доклад председателя «Комиссии по вопросу о возможности приготовления медицинских приборов и инструментов в России» Н.Ф. Высоцкого «о лекарственном голоде и борьбе с ним». После этого участники заседания единогласно постановили: признать необходимым созыв съезда «в возможно скором времени», одобрить предложенную комиссией программу (выразив «пожелание, чтобы в Съезде приняли участие и представители дружественных нам государств, в виду общей заинтересованности в вопросах об устранении лекарственного голода»), ходатайствовать «об осуществлении съезда» перед министром народного просвещения, а также просить профессора Н.Ф. Высоцкого лично доложить последнему «настоящее дело», исходя тайствовав его направление в Петроград².

Инициатива медицинского факультета ИКУ нашла поддержку у Казанского военно-промышленного комитета: 4 марта 1916 г. состоялось собрание по организации при нем «Особого Отдела по борьбе с лекарственным голодом».

Распоряжением МНП от 22 марта 1916 г. Н.Ф. Высоцкому была разрешена командировка в Петроград для личного доклада министру народного просвещения «по вопросу о созыве фармацевтического съезда для выработки плана борьбы с лекарственным голодом». В результате делу был дан «зеленый свет».

11 июня 1916 г. санитарный отдел Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) направил из Петрограда в Казань – в медицинский факультет ИКУ – письмо, в котором констатировалось «хаотическое состояние рынка химико-фармацевтических препаратов и иных медикаментов». Для борьбы с этим санитарный отдел решил поддержать идею ИКУ и после доклада Н.Ф. Высоцкого

¹ См.: Там же. ЛЛ. 17 – 19.

² См.: Там же. Д. 2818. ЛЛ. 2 – 2 об.

постановил оказать содействие в организации в Петрограде в начале осени «съезда по борьбе с лекарственным голодом и по мобилизации отечественной химико-фармацевтической промышленности»¹.

Первым шагом в данном направлении стало «создание Организационного комитета предполагаемого съезда». 15 июня 1916 г. в Петрограде под руководством председателя санитарного отдела ЦВПК М.С. Маргулиеса прошло первое заседание «Организационного комитета Съезда по борьбе с лекарственным голодом и по мобилизации отечественной химико-фармацевтической промышленности», в котором, помимо него, приняли участие еще 33 человека, представлявшие государственные, общественные, научные, военные и иные организации, в том числе: профессора В.К. фон Анреп, В.К. Варлих, Н.Ф. Высоцкий, А.С. Гинзберг, Л.Ф. Ильин, А.А. Лихачев, С.А. Пржибытек, Б.И. Словоцков, П.П. Федотьев и А.Е. Чичибабин. Кроме этого, были получены уведомления о согласии принять участие в работе оргкомитета от академика В.И. Вернадского, директора Института экспериментальной медицины С.К. Дзержговского, главного санинспектора флота А.Ю. Зуева и профессора Н.А. Савельева².

На заседании было учреждено исполнительное бюро в составе председателя оргкомитета съезда (которым был избран М.С. Маргулиес), его товарищей (профессоров Н.Ф. Высоцкого, А.А. Лихачева, А.Е. Чичибабина и доктора медицины Н.Я. Шмидта), секретаря, председателей и секретарей всех секций. 20 июня 1916 г. исполнительным бюро был одобрен проект положения о съезде, а также разработан проект его программы. Декларировалось, что съезд созывается санитарным отделом ЦВПК в Петрограде с 24 по 29 сентября 1916 г. и имеет своей задачей «всестороннее изучение вопроса о способах изготовления медицинских препаратов и о культуре лекарственных растений, а равно как и выработку общего плана мобилизации и развития химико-фармацевтической промышленности в России»³.

При этом следует признать, что в целом Первая мировая война дала мощный толчок развитию российской фармакологической промышленности и производству отечественного медицинского инструментария. Однако его темпы не поспевали за постоянно расту-

¹ См.: Там же. Л. 6.

² См.: Там же. Л. 8.

³ См.: Там же. Л. 9.

щими потребностями фронта и тыла. Острые проблемы во многих отношениях испытывала столица России.

Однако, несмотря на все это, съезд разрешен так и не был, чему, по словам самого Н.Ф. Высоцкого, было очень много «препятствующих причин». Несколько позже – в августе 1917 г. он упоминал о том, что «однажды уже разрешенный такой съезд был запрещен только потому, что [Б.В.] Штюрмер боялся на нем политических выступлений». «Были, конечно, – добавлял он, – и доброжелатели, особенно следует воздать должное в деле устройства съезда гр[афу] П.Н. Игнатьеву». Не двигалась с мертвой точки и реформа фармацевтической отрасли. Все это заметно убавляло оптимизма сторонникам проведения съезда и подстегивало общественное недовольство действиями властей.

Произошедшая в феврале – марте 1917 г. революционная смена власти и установление «нового строя», с одной стороны, в силу либерализации государственной и общественной жизни, способствовали разрешению ряда накопившихся проблем (прежде всего, организационного и правового характера). Но, с другой стороны, из-за запущенных революцией разрушительных механизмов, процесс противодействия «лекарственному голоду» стал практически неконтролируемым. Ко всему прочему, страну захлестнула волна забастовок служащих аптек.

Тем не менее, революция сняла многие бюрократические препоны, и идея созыва всероссийского съезда по борьбе с «лекарственным голодом» обрела второе дыхание.

Помимо этого, были предприняты конкретные шаги в направлении определения и узаконения «лечебных местностей». Так, только с 24 мая по 24 июля 1917 г. постановлениями Временного правительства «в целях поднятия санитарного благоустройства отечественных лечебных местностей», были утверждены 15 законодательных предложений. В частности, были признаны «лечебными местностями общественного значения» Геленджикский район, города Бердянск, Сухум, принято законодательное предложение «о признании общественного значения за посадом Сочи, с пригородами», об установлении округов санитарной охраны «Боржомский минеральных вод», «Славянских минеральных вод», «Старорусских минеральных вод» и т.д.¹

¹ См.: К улучшению отечественных курортов // Вестник Временного правительства. 1917. 20 сентября.

24 марта 1917 г. в газете «Голос Казани» было опубликовано объявление «От председателя Казанского отделения организационного комитета съезда по борьбе с лекарственным голодом» за подписью Н.Ф. Высоцкого, который просил всех лиц, «интересующимся этим вопросом», почтить своим присутствием совещание, намеченное на 26 марта 1917 г. для обсуждения вопроса «о созыве съезда в возможно непродолжительном времени»¹.

Подготовка к съезду проходила на фоне повсеместного роста активности объединений фармацевтов. 28 апреля – 1 мая 1917 г. в Москве состоялось «Совещание фармацевтических обществ и организаций» под председательством профессора А.С. Гинзберга, в работе которого приняли участие около 270 человек, в том числе профессора Н.А. Валяшко из Харькова, Д.М. Щербачев из Москвы, А.Г. Фишер из Казани, председатели многих фармацевтических обществ, аптекари и фармацевты². Ранее – в начале апреля 1917 г. – в Минске прошел также Съезд фармацевтов Военного ведомства, Красного Креста, Союза земств и городов³.

20 июня 1917 г. «Вестник Временного правительства» проинформировал о том, что Управление главного врачебного инспектора МВД «созывает съезд для рассмотрения вопросов, связанных с управлением и организацией фармацевтической части в России», в виду чего на 24 июня было намечено заседание, посвященное организационным вопросам⁴.

Наконец, летом 1917 г. начали вырисовываться и четкие контуры будущего съезда по борьбе с «лекарственным голодом». 13 июля 1917 г. «Вестник Временного правительства» сообщил о том, что с 10 по 15 августа в Казани «при областном военно-промышленном комитете» пройдет «1-й всероссийский съезд для выработки плана борьбы с лекарственным голодом».

Основные задачи съезда подразделялись на 5 важных блоков – таковыми должны были стать «собрание и разработка сведений»: 1) «об имеющемся в России лекарственном сырье, растительном и минеральном, о местах его нахождения, наиболее удобных и выгодных

¹ См.: Голос Казани. 1917. 24 марта.

² См.: Делегатский Съезд фармацевтических обществ и организаций // Фармацевтический журнал. 1917. №№ 9, 10 и 11 (май, июнь и июль). С. 95.

³ См.: Съезд фармацевтов Военного ведомства, Красного Креста, Союза земств и городов в г. Минске // Там же. С. 99.

⁴ См.: От Управления главного врачебного инспектора // Вестник Временного правительства. 1917. 20 июня.

способах добывания и доставки», 2) «о существующих у нас в настоящее время врачебно-санитарных производствах, о затруднениях и недостатках, испытываемых ими, и о способах устранения этих тормозящих влияний», 3) «о выработке общего плана распространения в России фабрик и заводов, изготовляющих врачебно-санитарные предметы, в зависимости от местных условий, благоприятствующих тому или другому виду производства», 4) «о пересмотре существующих законоположений, касающихся приготовлений врачебно-санитарных материалов, торговли ими, борьбы с развившейся на рынке спекуляцией и фальсификацией лекарственных средств, о необходимости изменений в этих законоположениях», 5) «о целесообразной научной и практической подготовке работников врачебно-санитарных производств»¹.

Для заведования делом устройства съезда были образованы организационный комитет и распорядительное бюро, под председательством Н.Ф. Высоцкого.

«1-й всероссийский съезд в г. Казани по выработке плана борьбы с лекарственным голодом» (в других источниках – «1-й Всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом») с обозначенной повесткой дня проходил в Казани с 10 по 16 (по другим сведениям – 15) августа 1917 г. Через месяц – 16 сентября – «Краткий обзор деятельности съезда» (опубликованный также в журнале «Земская неделя»), резолюции по докладам, список членов съезда, вместе с подготовленной А.Я. Гордягиным брошюрой о заготовке сфагна (торфяного мха) для нужд госпиталей, были представлены Н.Ф. Высоцким в медицинский факультет Казанского университета.

Как следует из этих источников, участие в съезде приняли 88 членов, из которых 31 – иногородние. Состав участников съезда оказался весьма представительным. География их проживания, несмотря на сложные условия, в которых он организовывался, являлась достаточно широкой: помимо Казани и еще двух городов Казанской губернии (Лаишева и Чистополя), на нем присутствовали представители Петрограда, Москвы, Алатыря, Буинска, Вятки, Екатеринослава, Елабуги, Кубанской области, Мариуполя, Нижнего Новгорода, Ревеля, Самары, Саратова, Симбирска, Ташкента, Твери, Уржума, Уфы, Харькова, Ярославля. В профессиональном отношении большинство из них имели прямое отношение к медицине и химии, явля-

¹ См.: 1-й всероссийский съезд для выработки плана борьбы с лекарственным голодом // Там же. 13 июля.

ясь практикующими врачами (гражданскими и военными), лекарскими помощниками, провизорами, фармацевтами, drogистами, бандажистами, лаборантами и т.д.

Наиболее активное участие в работе съезда приняли представители профессорско-преподавательской корпорации (главным образом, из Казани). Членами съезда являлись казанские профессора А.Е. Арбузов, А.Я. Богородский, Н.Ф. Высоцкий, А.Я. Гордягин, Н.А. Миславский, В.В. Николаев, А.И. Раммуль, А.Г. Фишер, московские – С.Ф. Глинка, В.М. Зыков, Н.А. Савельев, Д.М. Щербачев, саратовский – В.А. Скворцов, казанские приват-доценты П.К. Горст, Н.И. Горизонтов, Н.И. Порфирьев, А.Н. Щербаков, ассистент П.Л. Драверт, и др. Среди участников съезда были такие известные фармацевты, как В.В. Бартминский, К.В. Бенинг, О.Р. Браше, А.И. Бренинг, Ю.Ф. Гренинг, химики О.Ю. Магидсон, А.А. Першаков, Я.И. Реснейс (Рейснес), И.П. Шимков.

Показательным являлось присутствие на съезде представителей органов государственной власти и местного самоуправления, руководителей и представителей промышленных предприятий, фармацевтических фирм: в том числе, представителя МВД С.Н. Ипполитова и уполномоченного Департамента земледелия Министерства земледелия А.В. Воейкова, Казанского городского головы В.Д. Боронина, владельца крупного химического завода в Казани А.Г. Крестовникова, управляющего «завода Ушкова» И.В. Шпади, уполномоченного завода «Русско-Краска» в Москве А.И. Посникова, представителя «Волжского завода Понизовкиных» Л.В. Волкова и др.

Среди организаций, представленных на съезде, были: Главное и Казанское местное управления РОКК, ВЗС, ВСГ, Казанский и Кубанский военно-промышленный комитет, Управление санитарной части флота, Общество помощников врачей, Союз химиков, Краевой Туркестанский Союз фармацевтов и т.д.

В президиум съезда были избраны: председателями – профессор Московского университета С.Ф. Глинка, профессор Московских высших женских курсов Д.М. Щербачев и профессор Саратовского университета В.А. Скворцов, секретарями – представитель Петроградского управления РОКК Д.Я. Блументаль (Блюменталь), представитель Управления санитарной части флота Д.М. Коробин, представители Казанского общества помощников врачей А.П. Петров и И.А. Чижов.

Съезд был открыт 10 августа 1917 г., в час дня, председателем организационного комитета Н.Ф. Высоцким в первой аудитории Ка-

занского университета. При этом сам он принял активное участие в работе съезда, сделав сообщение «Об истории созыва съезда и его задачах» и 5 докладов. Помимо этого, на съезде «в течение 10-ти пленарных заседаний», в разное время, был сделан целый ряд докладов и сообщений. Докладчиками выступили А.Е. Арбузов, К.В. Бенинг, Д.Я. Блументаль (Блюменталь), А.Ф. Герасимов, С.Ф. Глинка, Н.М. Говорков, А.Я. Гордягин, П.Л. Драверт, В.В. Николаев, Е.И. Пискунов, Я.И. Реснейс (Рейснес), А.Г. Фишер, А.Н. Щербаков, Д.М. Щербачев и др. Кроме того, были заслушаны тезисы к докладу особой Комиссии по вопросу борьбы с лекарственным голодом¹. В адрес съезда прозвучало множество приветствий.

При съезде действовали выставки фальсифицированных препаратов и дикорастущих лекарственных растений. «В свободные промежутки между заседаниями» работали избранные им комиссии, «производились осмотры некоторых Казанских фабрик и заводов, а также устроенных Организационным Комитетом выставок»².

Доклады и сообщения носили, по большей части, практический характер и были нацелены на решение конкретных задач. При этом многие выступавшие обращали особое внимание на необходимость консолидации усилий научного сообщества, врачебной корпорации, промышленников и государственных структур по скорейшему решению проблемы «лекарственного голода». Помимо упущений и проблемных моментов, отмечались и успехи в области развития российской химико-фармацевтической промышленности. Например, указывалось на то, что «производство фенола, салициловых препаратов и аспирина стало на прочные ноги и быстро развивается, будучи обеспечено сырьем на месте производства»³.

После обсуждения означенных докладов и сообщений съезд принял ряд решений в форме резолюций и одобренных тезисов докладов.

Принимая во внимание, что в России наступил лекарственный голод, и в целях борьбы с ним было, в частности, признано необходимым «ограничить численно количество наименований употребля-

¹ См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. «Медицинский факультет». Д. 2890. ЛЛ. 2 об. – 3; Краткий обзор работ «1-го всероссийского съезда в Г. Казани по выработке плана борьбы с лекарственным голодом» с 10-го по 15-е августа 1917 г. // Земская неделя. 1917. № 36. С. 12 – 13.

² См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. «Медицинский факультет». Д. 2890. Л. 2 об.

³ См.: Хроника // Камско-Волжская Речь. 1917. 17 августа.

емых лекарственных средств только самыми необходимыми, без которых страна не может обойтись», мобилизовать «в целях развития русской химико-фармацевтической промышленности» научные и технические силы страны, отменить «все патенты и привилегии на химико-фармацевтические препараты», воспретить ввоз в Россию «сложных лекарственных средств», оказать правительственное содействие «лицам и учреждениям, имеющим и устанавливающим производства необходимых химико-фармацевтических препаратов», наравне с предприятиями, работающими на оборону, выработать таможенные тарифы, «в достаточной степени покровительствующие ответственной промышленности», строго урегулировать «реквизиции материалов химико-фармацевтического производства», приравнять соответствующие грузы «в вопросах транспорта и эвакуации» к военным грузам и т.д.

Было предложено организовать по вопросам химико-фармацевтического дела специальное государственное бюро (в состав которого включить представителей «науки, заинтересованных ведомств, общественных организаций, Городского и Земского самоуправления, Красного Креста, а также представителей частной промышленности и торговли») и «Государственную лабораторию» для испытания и оценки всех лекарственных средств, «как изготавливаемых в России, так и ввозимых из-за границы»¹.

Помимо этого, профессор Н.Ф. Высоцкий предложил учредить при Главном военно-санитарном управлении специальный «Комитет борьбы с лекарственным голодом» из «представителей правительства, Общеземского и Городского союзов, комитетов: Военно-промышленного и Военно-технической помощи, Красного Креста, медицинских факультетов, ветеринарных институтов, фармацевтических обществ, фабрикантов фармацевтических препаратов, дрогистов». «Центральный Комитет борьбы с лекарственным голодом» должен был быть «организован правительством немедленно в Москве и Петрограде». Одновременно с этим предлагалось учредить «областные и губернские комиссии» в университетских и других городах, «где имеются высшие учебные заведения и достаточное количество подготовленных рабочих сил».

«Наиболее своевременным и целесообразным, по нашему мнению, – указывал Н.Ф. Высоцкий, – было бы учреждение “Всероссийского товарищества земств и городов, для изготовления врачбно-

¹ См.: НА РГ. Ф. 977. Оп. «Медицинский факультет». Д. 2890. Л. 8.

санитарных материалов»¹. Признавалась также необходимость издания печатного органа по вопросам борьбы с лекарственным голодом.

В резолюциях, предложенных Д.Я. Блументалем (Блюменталем), содержались предложения немедленно учредить «Фармацевтическое управление», «запретить всякую рекламу для лекарственных средств» и предоставить химико-фармацевтической промышленности правительственные гарантии «на принципах протекционизма».

По докладам других участников съезда были приняты резолюции, в которых, в частности, содержались решения предложить правительству пересмотреть ряд существующих законоположений и обратить внимание «на необходимость запрещения рекламирования и продажи всякого рода секретных средств», разработать законопроект «о мерах борьбы с фальсификацией лекарственных средств», установить «постоянно действующий контроль за изготовлением и продажей лекарственных предметов», устроить «при некоторых сельскохозяйственных опытных станциях, находящихся в местностях с различным климатом», питомников лекарственных растений и химических лабораторий, а также губернские и областные склады лекарственных материалов.

Важные предложения по развитию химической промышленности вобрала в себя резолюция, принятая по докладу А.Н. Щербакова: помимо прочего, предлагалось заняться изучением природных богатств страны «с точки зрения утилизации их для промышленности», «облегчить получение разрешений на устройство фабрик и заводов, а также на образование акционерных обществ и кооперативов», приравнять возникающие химические промышленные предприятия «в вопросах снабжения их сырьем, аппаратурой, топливом и рабочей силой» к предприятиям, «работающим полностью на оборону», реформировать высшее химическое образование и т.п.

По вопросу организации подготовки высококвалифицированных фармацевтов участники съезда сошлись во мнении, что в качестве высшей фармацевтической школы «государство должно создать фармацевтические факультеты в университетах», а в дальнейшем – основать фармацевтические институты. Предполагалось также немедленно организовать «повторительные и специальные трехмесячные курсы» для провизоров и созвать в ближайшее время съезд преподавателей фармации. Что же касается вопроса о средней фарма-

¹ Там же. Л. 9.

цветической школе, то его обсуждение съезд счел возможным «отложить впредь до проведения законопроекта о высшем фармацевтическом образовании»¹.

Был также принят ряд интересных решений «прикладного характера», имеющих отношение уже не к лекарственному, а больше к продовольственному голоду. Например, съезд нашел возможным рекомендовать корневище сусака и чилим для употребления в пищу «как людям, так и в особенности животным при недостатке муки из хлебных злаков», а солодовый сахар «для широкого употребления в замену недостающего тростникового сахара».

Обращалось внимание и на опасность возникновения одного из «самых страшных видов голода – голода соляного», в связи с чем указывалось на необходимость принять «самые решительные меры к увеличению добычи соли» и обратить «особое внимание на отыскание калийных солей».

«В виду недостатка и крайней дороговизны ваты и марли как перевязочных материалов», съезд рекомендовал «во всех подходящих случаях применять для повязок вместо ваты болотный мох, а вместо марли – косыночные повязки».

Незадолго до окончания – 14 августа 1917 г. – работа съезда была прервана трагическим событием – «взрывом артиллерийских складов и следовавшими за ними пожарами порохового завода и окрестных слобод», которое вошло в историю как «Казанская катастрофа». Однако уже утром 15 августа 1917 г. съезд возобновил свою работу. При этом Н.Ф. Высоцкий сообщил первые сведения о размерах катастрофы и о гибели начальника порохового завода генерал-лейтенанта В.В. Лукницкого, память которого была почтена вставанием.

По предложению профессора А.Е. Арбузова, участники съезда приняли единогласное решение послать министру-председателю Всероссийского Временного правительства А.Ф. Керенскому телеграмму, где, в частности, выражалась твердая надежда, что «немедленно будут приняты решительные меры, ни перед чем не останавливаясь, [к] действительной охране всех правительственных и частных предприятий, работающих на оборону»². Среди участников съезда была открыта «подписка в пользу пострадавших».

¹ См.: Там же. ЛЛ. 7 – 7 об.

² См.: Там же. Л. 3.

На своем последнем заседании, проходившем вечером 16 августа 1917 года, съезд «единогласно постановил просить Организационный Комитет принять все доступные ему меры: 1. К созыву в возможно непродолжительном времени 2-го Всероссийского съезда в Москве. 2. К тому, чтобы выработанные настоящим Съездом меры получили скорейшее осуществление на деле. 3. Чтобы труды Съезда были напечатаны»¹.

После этого, около 11 часов вечера, профессор Н.Ф. Высоцкий объявил съезд закрытым. По окончании съезда началась работа по реализации принятых решений. Между тем, в условиях политического «цейтнота», в которых оказался тогдашний либеральный режим, осуществить в полной мере что-либо из задуманного уже не представляло практически никакой возможности.

В сентябре 1917 г. было объявлено о том, что в Управлении главного врачебного инспектора МВД «идут подготовительные работы по коренному преобразованию фармацевтического дела в России». По данному вопросу министерством было созвано совещание представителей профессиональных, общественных и научных организаций из крупнейших центров России, наметившее общий план предполагаемой реформы. Преобразования должны были коснуться «как формы снабжения населения лекарственной помощью, так и подготовки фармацевтического персонала». При этом по первому направлению к единому мнению участники совещания так и не пришли. По второму было единогласно признано необходимым учредить в университетах химико-фармацевтические отделения математических факультетов или самостоятельные химико-фармацевтические институты. По разработке материалов совещания МВД планировало войти «в ближайшее время» с проектом реформ во Временное правительство². Несколько ранее появилось также сообщение о том, что МВД поставило на очередь вопрос о реорганизации Института экспериментальной медицины в целях приложения работы этого научного учреждения «к требованиям практической жизни»³.

¹ См.: Там же. ЛЛ. 3 – 7 об.

² См.: Преобразование фармацевтического дела // Вестник Временного правительства. 1917. 16 сентября.

³ См.: Реорганизация Института экспериментальной медицины // Там же. 14 сентября.

Незадолго до большевистского переворота началось «реформаторское движение» и по линии МНП. Так, 12 октября 1917 г. за подписью министра народного просвещения С.С. Салазкина в университеты были направлены письма, в которых сообщалось, что министерством «разрабатывается вопрос о коренной реформе высшего фармацевтического образования в России»¹.

Кроме этого, МНП возбудило перед МВД и Военным министерством «вопрос о распространении требований уст[ава] врач[еб]ног[ого] о выслушании во врачебно-учебном заведении курса наук» и на женщин, желающих сдавать экзамены на звание провизора»².

С опозданием были сделаны и первые шаги в части упорядочения деятельности аптечной отрасли. 12 октября 1917 г. в ВВП появилось сообщение о том, что «в целях обеспечения населения Петрограда в должной мере медицинскими средствами» МВД «признана своевременною муниципализация в столице аптечного дела»³.

Определенные подвижки наблюдалось и на местах, в том числе в Казани. Известно, например, о начале реализации некоторых проектов в области органической химии и заготовки суррогатов перевязочных материалов.

Однако, несмотря на все усилия научной общественности, недолговечный «новый строй», как и бюрократический «старый режим», оказался неспособен обеспечить эффективное и быстрое решение проблемы «лекарственного голода», которая перешла по наследству к большевикам.

В условиях начавшегося вскоре вооруженного гражданского противостояния решить ее за непродолжительное время «естественным путем», тем более, не представлялось уже никакой возможности. Как констатировалось в БМЭ, «блокада, саботаж и спекуляция привели к истощению последних запасов медикаментов»⁴. Начался процесс «стихийного» изъятия аптек у частных лиц и передачи их в ведение местных Советов, завершившийся в декабре 1918 г. национализацией аптек в общегосударственном масштабе.

Во время непродолжительного периода времени, когда Казань находилась под властью «белых», директор Бактериологического

¹ См.: НА РГ. Ф. 977. Оп. «Медицинский факультет». Д. 2889. Л. 63.

² Фармацевтическое образование женщин // Вестник Временного правительства. 1917. 19 октября.

³ См.: Муниципализация аптечного дела // Там же. 12 октября.

⁴ См.: Лекарственная помощь // Большая Медицинская Энциклопедия. Т. XV. Стб. 632.

института при Казанском университете Н.Ф. Высоцкий вновь предпринял шаги, направленные на преодоление последствий «лекарственного голода». 4 сентября 1918 г. в газете «Народная жизнь» была опубликована статья за его подписью, в которой говорилось о наблюдавшихся «за последние дни в казанских госпиталях» у «раненых воинов Народной армии» случаях заболевания столбняком. При этом, по примеру «союзников», Н.Ф. Высоцкий предлагал применять «противостолбнячную лошадиную сыворотку», наладив ее производство на базе указанного института.

Возвращение в Казань «красных» лишь усугубило ситуацию. Так, 15 декабря 1918 г. газета «Знамя Революции» информировала, что: «Фармацевтический отдел обратился в Отд[ел] здравоохранения с просьбой предложить врачам соблюдать экономию при прописке больным лекарств в виду лекарственного голода. Фармацевтич[еским] отделом послана в Москву комиссия из трех лиц для заготовки лекарств, но вряд ли что она может достать. Посылавшийся раньше представитель отдела приехал ни с чем»¹.

Решение проблемы «лекарственного голода» растянулось на многие годы.

Канатчиков М.А.

К вопросу о разгроме военно-морских судов на Балтийском флоте в дни Февральской революции

Разгром учреждений правоохранительной и судебной системы в Петрограде в ходе февральской революции 1917 года стал предметом исследований совсем недавно. Так, в статье А.Б. Николаева «К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции»² освещен вопрос о разгромах мировых судов в столице, однако, не затронута, что и неудивительно, тема разгрома военно-морского суда Кронштадтского порта, который находился в Петрограде и также был затронут революционными событиями. Вместе с тем данные А.Б. Николаева позволяют понять общую хронологию борьбы революционных элементов с судебными учреждениями старой власти на территории столицы.

¹ Лекарственный голод // Знамя Революции. 1918. 15 декабря.

² Николаев А.Б. К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2009. С. 17 – 38.

Полномочия военно-морских судов определялись Военно-морским уставом 1867 года¹. Им были подсудны все чины морского ведомства, преступления которых влекли за собой наказание в виде лишения прав (если такие имелись), отдачу в военно-исправительные роты и более тяжкие наказания, в том числе и все нижние чины, по чьим делам возмещение составляло более ста рублей². За время существования судов была выстроена строгая и юридически отточенная схема функционирования следствия, прокурорского надзора и суда. Места нахождения судов были общеизвестны.

В результате революционных событий были в разной степени повреждены военно-морские суды Петрограда, Кронштадта, Гельсингфорса и крепости императора Петра Великого. Материал, позволяющий проанализировать эти события, был собран в Главном Военно-морском судном управлении Морского министерства по инициативе исполнявшего должность главного военно-морского прокурора генерал-майора военно-морского судебного ведомства Анатолия Антоновича Фелицина, который 21 марта 1917 года, когда обновленное в результате Министерство стало приступать к работе, запросил руководство перечисленных выше судов «сообщить в какой степени пострадало во время революции помещение, имущество и делопроизводство»³.

Процесс разгрома судов начался в Петрограде еще 27 февраля, когда группа из 20 неизвестных лиц разграбила камеру мирового судьи 38 участка Ф.И. Корсакова (Обводный канал д.58)⁴. После чего начался вал грабежей и разгромов судов по всему городу, при этом военно-морской суд Кронштадтского порта не сразу подвергся натиску революционных элементов. Подробную и очень живую канву событий содержат рапорты генерал-лейтенанта Военно-морского ведомства Василия Николаевича Алабышева, который безвыездно находился с 27 февраля по 3 марта в помещении суда, расположенного по адресу Екатерингофский проспект д. 16⁵. Всего им было составлено четыре рапорта вышестоящему начальству: морскому министру и начальнику Главного Морского штаба.

¹ ПСЗ-2. Т. 42. Ч. 1. №. 44576. С. 637.

² Там же. С. 692.

³ РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7902. Л. 8.

⁴ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 19.

⁵ Ныне – пр. Римского-Корсакова.

В первом рапорте на имя морского министра от 4 марта 1917 г. № 318, которое поступило 7 марта того же года в Главное военно-морское судное управление, В.Н. Алабышев описал ход разгрома военно-морского суда Кронштадтского порта 2 марта. В это же время 2 марта проходил разгром камеры мирового суда по делам несовершеннолетних по адресу Екатерингофский пр., дом 4. Всего в этот день было совершено две попытки проникнуть в военно-морской суд, предпринятые революционной группой. Первая из них произошла около двух часов дня, когда в суд явилось семь человек нижних чинов (двое из Гвардейского экипажа и остальные неустановленной сухопутной части). Интересно, что казармы Гвардейского экипажа, находились по соседству от суда, с другой стороны Никольской площади. Пятеро из семерых были вооружены винтовками. Пока председатель суда спускался с третьего этажа, где находилась квартира военно-морского следователя В.В. Янковского¹, вооруженная группа революционных солдат обошла все рабочие помещения суда и остановилась у кабинета военно-морского прокурора. Сюда же подошел В.Н. Алабышев и вступил с визитерами в беседу, из которой выяснилось, что они имеют целью найти «чинов полиции или пулеметы и ружья»², которых там не оказалось после беглого осмотра. После того как председатель суда потребовал у группы солдат и матросов письменное разрешение на проведение осмотра суда, гости удалились.

Следующий визит в суд состоялся того же числа в 21 час. На этот момент в здании суда находились сам В.Н. Алабышев, проживающий здесь же подполковник В.В. Янковский, военно-морской чиновник статский советник Д.В. Данилевский, техник строительной части Б.Н. Бострем и вахтер суда. На этот раз к суду пришло уже 20 человек, причем половина была из Гвардейского экипажа при двух унтер-офицерах, остальные принадлежали к сухопутным частям. Эти лица были вооружены винтовками, двумя револьверами, а также обнаженными тесаками и шашками³. Служащим суда были выдвинуты требования об изъятии дел, находящихся в производстве. Председатель суда опять предпринял попытку при помощи беседы разрядить обстановку, однако, хотя и появились нерешительные сре-

¹ РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1 Д. 7902. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

ди солдат, толпа продолжала требовать «Какая там расписки! Иди вперед!»¹. После чего начался сам разгром.

В ходе разгрома солдаты и матросы взломали все хранилища, столы, ящики и шкафы для документов и книг. После этого, все содержимое было сброшено в одну кучу на полу. Одновременно В.Н. Алабышев метался по помещениям и безуспешно просил оставить хотя бы книги, а следователь Янковский отстаивал свою личную юридическую библиотеку. Несмотря на усилия председателя, все материалы и книги (кроме личной библиотеки следователя) были выброшены на площадь и проспект, где сожжены в двух кострах². После оценки ущерба председатель суда отметил, что полностью были уничтожены все судебные дела, находившиеся до этого в судопроизводстве, все дела военно-морских следователей, дела, находившиеся у военно-морского прокурора, вся текущая переписка, вещественные доказательства, реестры, журналы, почти все книги законов и правительственных распоряжений³. Пострадала и обстановка суда – были взломаны два стола, шкафы, выломана входная дверь и побиты стекла в окнах. Не обошлось и без банального воровства личных вещей, так у председателя суда были украдены туалетные принадлежности (щетки, бритвы и т.д.), а также полотняная рубашка из состава вещественных доказательств⁴. Самыми важными делами, по мнению председателя суда были дела об убийствах, совершенных писарем Букасовым и матросом Новиковым. В результате разгрома суда Кронштадтского порта 5 марта председатель принял решение о закрытии его сессии⁵.

Стоит также отметить, что В.Н. Алабышев упоминал в своем рапорте на имя морского министра о том, что неизвестные лица посещали его семью в квартире на Новосильцевской улице д. 13. в период с 27 февраля по 3 марта. Однако не найдя там генерал-лейтенанта, ограбили квартиру и вынесли коллекцию оружия, велосипед и ювелирные изделия⁶.

Разгромы военно-морских судов Гельсингфорского порта и порта крепости им. Императора Петра Великого произошли 5 марта. В Гельсингфорсе комиссия для оценки ущерба собралась только 18

¹ Там же. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же.

марта. В ее состав вошли председатель суда полковник Мартьянов, члены суда и его секретарь, а также понятые¹. В ходе оценки ущерба выяснилось, что уцелела опись дел, однако уничтожены были все 144 решенных дел и 10, находившихся в стадии рассмотрения, а также уничтожена библиотека суда, переписка и денежная отчетность. Гельсингфорские события отличаются от петроградских тем, что весь инвентарь суда оказался цел. Но при этом две пишущие машины марки «Континенталь» были взяты временно для пользования Исполкомом Совета депутатов Армии, Флота и рабочих Sveаборгского порта². Обращают на себя внимание некоторые моменты в акте комиссии суда, а именно пункт 5, в котором сообщается, что «оказались вырванными все записи из настольного реестра и алфавита дел³». Это характеризует уничтожавших документацию суда как людей, знающих судебное дело, так как они не уничтожили всю книгу, а вырвали нужные листы. А, значит, они понимали значение реестра, как одного из основных механизмов учета делопроизводства любого суда.

Суд морской крепости императора Петра Великого был также разгромлен 5 марта. Но акт об оценке ущерба появился только 15 марта. Интересен текст записки от руки, сделанной помощником прокурора. Так, он сообщал А.А. Фелицину, что все делопроизводство, имущество и печати прокурорского надзора уничтожены ворвавшейся толпой. Помещение же пострадало «незначительно»⁴, а именно были выбиты все окна и похищена электрическая арматура⁵.

Учтя весь ущерб, нанесенный военно-морским судам Балтийского флота, действуя в общем русле реформирования военно-морского судебного законодательства⁶, в Морском министерстве приняли решение начать разработку нового военно-морского судебного устава, который и был утвержден 22 июня 1917 года⁷.

Таким образом, можно выделить общие черты в действиях матросов и солдат, разгромивших военно-морские суды Балтийского флота в февральско-мартовские дни 1917 года. Действовали они большими группами, имея при себе оружие. Уничтожали, прежде

¹ Там же. Л. 14.

² Там же.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же.

⁶ Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта.

⁷ РГАВМФ. Ф. 412. Оп. 1 Д. 2. Л. 1.

всего, документацию судебных учреждений (дела, реестры), а также вещественные доказательства. В ходе разгрома страдали и помещения судов. Кроме этого, некоторые из участников разгрома военно-морских судов пользовались общей сумятицей и занимались грабежом. Можно утверждать, что ущерб, нанесенный в дни Февральской революции военно-морским судам, находившимся в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе и морской крепости императора Петра Великого, был весьма существенен. Для возобновления деятельности этих судебных органов необходимо было приложить немало усилий.

Николаев А.Б. **Клубные дельцы перед Временным судом** **(Петроград, 1917 год)**

Временные суды в Петрограде были созданы приказом № 2 министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 г. В приказе указывалось, что временные суды образуются для того, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими»¹. Как следует из приказа, на скамье подсудимых в камерах Временного суда могли оказаться представители любой группы населения, в том числе и клубные дельцы. Любопытно, что В.В. Меншуткин в своей статье, ставшей фактически первой работой, посвященной временным судам, перечисляя различные категории населения, представители которых оказывались на скамье подсудимых в камерах временных судов, ни словом не обмолвился о владельцах клубов и собраний². Советские и современные исследователи также не пишут о судебном преследовании дельцов от клубного бизнеса в 1917 году³. Справедливости ради,

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта; Приказы министра юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 50 – 51.

² Меншуткин В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 186, 188.

³ См., напр.: Скрипчев Е.А. К истории временных судов Петрограда в 1917 г. // Правоведение. 1968. № 6; Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000; Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917 – 1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914 – 1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2003; Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX – нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... к. юрид. н. СПб., 2004; Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!»: клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М.,

заметим, что некоторые историки упоминают о милицейской борьбе с азартными играми, которые получили достаточно широкое распространение в петроградских клубах после Февральской революции 1917 года¹. Изучение истории преследования клубных дельцов временной юстицией Петрограда в марте – июле 1917 года и является целью данной статьи. Попутно будет показана борьба Петроградской милиции с «карточным азартом», процветавшим в столичных клубах.

После Февральской революции в клубах и собраниях получил широкое распространение «карточный азарт». Как писала 29 марта 1917 года «Маленькая газета», «с клубами, где процветает азартная карточная игра, расправляются круто». Общественный градоначальник В.А. Юревич «часть из них уже закрыл», а «остальным сделано первое и последнее предупреждение»². В этот же день «Ведомости общественного градоначальства» опубликовали статью, в которой этот сюжет рассматривался более подробно. В ней сообщалось, что азартная игра получила широкое распространение как в уже существовавших клубах, так и в созданных в марте 1917 года, «так называемых антрепренерских клубах, членами коих допускаются все, уплатившие крупные членские взносы, без особенной рекомендации со стороны заслуживающих доверия лиц». В газете также указывалось, что жалобы на клубы, где велась «крупная азартная игра, сопровождающаяся скандалами, порой даже драками», поступили обществу градоначальнику от «Лиги равноправия женщин» и от отдельных лиц, ставших «жертвами этих притонов». «Ведомости» успокаивали горожан тем, что «общественным градоначальником принимаются меры к закрытию некоторых таких клубов и ограничению деятельности многих из них»³. Иначе говоря, «Маленькая газе-

2007; *Лихолетов А.А.* Историческое развитие уголовно-правового запрета азартных игр в законодательстве России до октябрьской революции 1917 г. // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2012. № 1 (20); *Сохан А.В.* Азартные игры в России в середине XVI – начале XXI вв. (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... к. юрид. н. Нижний Новгород, 2012; *Иванова О.А.* Уголовная ответственность за организацию и проведение азартных игр в России в исторической динамике // *Молодой ученый*. 2013. № 9; и др.

¹ *Аксенов В.В.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дис. ... к. ист. н. М., 2002. С. 193.

² Прикрытие клубов // *Маленькая газета*. 1917. 29 марта.

³ Борьба с карточным азартом / *Городская жизнь* // *Ведомости общественного градоначальства*. 1917. 29 марта.

та» поспешила с сообщением о закрытии некоторых из клубов, где процветала азартная карточная игра. В конце марта общественный градоначальник В.А. Юревич лишь приступил к рассмотрению вопроса о борьбе с такими клубами. В связи с этим необходимо выяснить правовой механизм, с помощью которого общественный градоначальник мог закрыть или ограничить их деятельность.

До революции борьба с азартными играми регулировалась статья 46 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» и ст. 990 «Уложения о наказаниях». Первая из них устанавливала, что «за устройство запрещенных игр в карты, кости и т.п., однако не в виде игорного дома<...> виновные подвергаются: аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей»¹. В ст. 990 «Уложения о наказаниях» речь шла об организации заведения для запрещенных игр. Виновный в этом, согласно указанной статье, подвергался следующему наказанию: «в первый раз денежному взысканию не свыше трех тысяч рублей; во второй раз сверх того же денежного взыскания, аресту на время от трех недель до трех месяцев; а в третий также сверх денежного взыскания, заключению в тюрьме на время от четырех месяцев до восьми месяцев»². Дела по ст. 46 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» рассматривались, естественно, Мировым судом, а дела по ст. 990 «Уложения о наказаниях» – Окружным судом. С началом Первой мировой войны в правовое регулирование борьбы с азартными играми была внесена новация. 17 августа 1914 г. Санкт-Петербургский градоначальник А.Н. Оболенский подписал объявление, опубликованное 19 августа того же года, об изъятии «из общей подсудности в пределах С.-Петербурга и пригородных участков» дел «об устройстве запрещенных игр (ст. 46 Уст. о нак., нал. мир. суд.) в отношении как виновных в устройстве и участии в означенных играх, так равно и дежурных старшин собраний, допустивших азартные игры в помещениях клубов и собраний». Со времени опубликования объявления, «дела этой

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. С дополнениями по продолжению 1895 г., с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената / Издан Н.С. Таганцевым. Изд. 14-е, доп. СПб., 1902. С. 144.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издания 1885 г. и по прод. 1912 г. С извлечениями из решений Правительствующего Сената, Свода Законов, Свода Военных и Морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями / Сост. В.В. Волков. СПб., 1914. С. 557.

категории» рассматривались в административном порядке и разрешались Санкт-петербургским градоначальником¹. Т.е., градоначальник присвоил себе на законных основаниях (ст. 18 и п. 4 ст. 19 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении») право разрешения дел, которые ранее находились в компетенции Мирowego суда. Подчеркнем, что дежурные старшины клубов и собраний, допустившие проведение азартных игр в клубах и собраниях, приравнивались к другим лицам, которые организовывали запрещенные игры, но не в виде игорного дома. Дела по клубам и собраниям – игорным домам оставались в компетенции Петроградского окружного суда. Вместе с тем укажем, что мог закрыть любой клуб или собрание в административном порядке главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, основываясь на п.п. 11 – 12 ст. 19 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» (Свод. зак., т. II, *Общ. учр. губ.*, изд. 1892 г., прил. к ст. 23).

В рассматриваемый нами период – март-июль 1917 года – по имеющимся у нас сведениям, ни петроградский градоначальник В.А. Юревич, а затем и сменивший его в мае того же года комиссар Временного правительства над Управлением бывшего Петроградского градоначальства Е.Ф. Роговский, ни главнокомандующий войсками ПВО каких-либо клубов и собраний за проведение азартных игр в административном порядке не закрывали. Вся борьба с «карточным азартом» в клубах и собраниях оказалась в руках Петроградской городской милиции и Временного суда.

Насколько можно понять по материалам петроградской прессы, милицейским суточным рапортам и поднадзорным делам, активная борьба с клубным «карточным азартом» началась в апреле 1917 года. Первым из «пострадавших» от деятельности милиции и временного суда оказалось «Собрание интеллигентных тружеников». Заметим, что это собрание существовало задолго до революции, располагалось на Троицкой ул., д. 12 и было закрыто в 1907 году по распоряжению градоначальника Санкт-Петербурга Д.В. Драчевского². 19 марта 1917 г. оно было учреждено явочным порядком и вскоре открыло свою деятельность. Разместилось собрание в снимаемом в д. 78 по ул. Николаевской за 100 руб. в сутки помещении, состоящем

¹ Объявление Санкт-петербургского градоначальника // *Ведомости СПб. градоначальства*. 1914. 19 августа.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 21. Д. 38. Л. 48.

из зала, буфетной комнаты, комнаты старшин и двух комнат, видимо, для отдыха членов и гостей собрания. В.Б. Аксенов пишет, что члены этого клуба «не принимали никаких уставов, не назначали членских взносов, как в прежние времена, а практически собирались лишь для игры в карты»¹. В действительности же, устав членами «Собрания интеллигентных тружеников» был принят. § 1 Устава собрания указывал, что целью его является «содействие улучшению материальных и нравственных условий жизни своих членов», а также предоставление им и их семьям «возможности с приятностью и пользой проводить свободное от занятий время». Старшинами собрания были избраны М.Я. Маргулис (председатель Совета старшин²), С.П. Намитко и Н.Н. Наставин. По сообщению «Русской воли», через несколько дней после открытия собрания, в III Московский подрайонный комиссариат милиции поступили жалобы от неких господина «В.» и госпожи «М.» на то, что «“Собрание интеллигентных тружеников” представляет собой типичный игорный дом, в котором они в течение одного вечера проиграли свыше тысячи рублей»³. «Петроградская газета» писала о поступлении в комиссариат Московского района заявления Б.В. Васькина о том, что в клубе по Николаевской ул., д. 78 «по ночам происходит азартная игра»⁴. Тот ли это Васькин, который в публикации «Русской воли» скрыт за криптонимом «В.» или другое лицо, неизвестно. Но именно после его заявления, по словам «Русской воли», начальник милиции III Московского подрайонного комиссариата с отрядом милиционеров и солдат 6 апреля 1917 г. явился в клуб⁵. «Петроградский листок» иначе излагал события, предшествовавшие появлению милиции в клубе: «Вчерашней ночью за одним из столов из-за невыданных выигравшей женщине 5 р. Начался скандал. Обиженная женщина направилась в милицию и сделала заявление. Туда направился комиссар с солдатами и застал игру»⁶. Дежурный старшина М.Я. Маргулис попытался препятствовать проведению милицейского дознания, сославшись на то, что «все законы, изданные старой властью, отменены, а, следовательно, отменено и запрещение азартных игр». Кроме

¹ Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 193.

² Суд над «интеллигентами» // Русская воля. 1917. 14 апреля (веч. вып.).

³ Клуб «интеллигентных тружеников» // Русская воля. 1917. 8 апреля (веч. вып.).

⁴ Штраф – за азартную игру // Петроградская газета. 1917. 15 апреля.

⁵ Там же.

⁶ Переполюх в клубе / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 8 апреля. См. также: Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 193.

этого, он подчеркнул, что «новое правительство никаких запретительных актов по этому поводу не издавало, а потому в деятельности собрания нет ничего противозаконного». Но эти доводы не показались начальнику милиции убедительными и дознание было проведено. В ходе его установлено, что в момент появления милиционеров в собрании находилось 11 действительных членов и 172 гостя. Причем, по словам «Русской воли», «в собрание впускали всех, без всякой рекомендации, при уплате одного рубля за вход» и в нем «велась азартная игра в макао, «железку», причем одно 2 % отчисление с банков в пользу клуба доходило до 1.000 руб. в один вечер»¹. Как писала «Петроградская газета», «банков арестовать не удалось», т.к. «деньги игроками были убраны»². Вместе с тем «Петроградский листок» утверждал, что милицией были «отобраны деньги»³. Во время осмотра помещения собрания, в комнате старшин обнаружен «склад запечатанных колод карт и 170 играных колод»⁴. Милиционеры «опечатали все вещи и документы “Собрания интеллигентных тружеников”»⁵, закрыли помещение клуба, задержали до 40 человек и те из них, которые «не могли удостоверить свою личность[,] были отправлены в милицию»⁶. Протокол, составленный по итогам милицейского дознания, был передан во Временный суд⁷.

14 апреля 1917 года XIII временный суд Московского района (ул. Николаевская, д. 56, камера мирового судьи 49-го участка) в составе мирового судьи А.С. Худекова, представителей от армии М. Поддубного (брат известного борца Ивана Максимовича Поддубного) и от рабочих А. Яновича рассмотрел дело «Собрания интеллигентных тружеников». По делу были привлечены старшины М.Я. Маргулис, С.П. Намитко и Н.Н. Наставин, которые обвинялись, по утверждению «Русской воли», «в производстве азартной игры в клубе и превращении его в игорный притон». В ходе судебного процесса выступили представители III Московского подрайонного комиссариата, которые просили суд вынести обвиняемым «строжайшее

¹ Клуб «интеллигентных тружеников» // Русская воля. 1917. 8 апреля (веч. вып.).

² Штраф – за азартную игру // Петроградская газета. 1917. 15 апреля.

³ Переполох в клубе / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 8 апреля.

⁴ Клуб «интеллигентных тружеников» // Русская воля. 1917. 8 апреля (веч. вып.).

⁵ Там же.

⁶ Переполох в клубе / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 8 апреля.

⁷ Штраф – за азартную игру // Петроградская газета. 1917. 15 апреля.

наказание», присудив их при этом не к денежному штрафу, который «им, как людям, имеющим такой “доход”, будет легко уплатить»¹, а к тюремному заключению. Временный суд приговорил старшин клуба «за допущение азартной карточной игры» к денежному штрафу 3000 руб. каждого с заменой 6-месячным тюремным заключением² при несостоятельности. Осужденные, как писала «Петроградская газета», «решили вместо отсидки внести деньги», но с отсрочкой взноса. Их ходатайство судом было удовлетворено³. Позднее выяснилось, что клуб принадлежал Бауму, Богельману и Рейбштейну⁴, которые судебного преследования избежали. После судебного разбирательства клуб переехал на новое место⁵.

¹ Суд над «интеллигентами» // Русская воля. 1917. 14 апреля (веч. вып.).

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 9.

³ Штраф – за азартную игру // Петроградская газета. 1917. 15 апреля.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 21. Д. 38. Л. 48.

⁵ Сначала клуб расположился на Итальянской ул. в театре «Пассаж», а затем – в гостинице «Регина» (наб. р. Мойки, д. 61). Здание по этому адресу принадлежало Марии Юльевне и Николаю Николаевичу Гартонг и было сдано ими в аренду Эдмунду Флориановичу Лысаку «исключительно для эксплуатации гостиницы». В свою очередь Лысак «сдал часть арендуемого им помещения под устройство двух игорных домов <...> Один клуб поместился в бывшем театральном зале, имея общий [в]ход с гостиницей “Регина”, другой же занял помещение непосредственно в номерах гостиницы» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 21. Д. 38. Л. 5). Одним из игорных клубов и было «Собрание интеллигентных тружеников», помещение для которого в гостинице “Регина” было снято Баумом без какого-либо договора у Лысака (Там же. Л. 48). 25 августа 1917 г. доверенный владелец здания Борис Алексеевич Фирстенберг обратился к комиссару Временного правительства над Управлением бывшего Петроградского градоначальства с просьбой «существующие при гостинице “Регина” клубы закрыть, обязать владельца гостиницы подпиской о недопущении устройства в арендуемом им помещении всякого рода азартных игр» (Там же. Л. 5). В сентябре 1917 г. было проведено милицейское обследование, в результате которого установлено, что в помещении гостиницы «Регина», снятом для «Собрания интеллигентных тружеников», ведется карточная игра, к которой «допускаются все желающие» и «в клубе продается вино» (Там же. Л. 48). 20 сентября 1917 г. начальник Петроградской городской милиции обратился к главнокомандующему войсками Петроградского военного округа с представлением о закрытии клуба «Собрание интеллигентных тружеников». В этот же день копия представления была препровождена комиссару Временного правительства над управлением бывшего Петроградского градоначальства (Там же. Л. 47). Насколько можно понять из переписки, этот клуб не был закрыт и в начале ноября 1917 г. Во всяком случае, 6 ноября 1917 г. комиссар Временного правительства Е.Ф. Роговский просил начальника Петроградской городской милиции расследовать дело об устройстве в гостинице «Регина» игорных домов (Там же. Л. 5).

В ночь с 14 на 15 апреля отряд милиционеров во главе с начальником милиции II Литейного подрайонного комиссариата прибыл в клуб «Спутник». В помещении клуба, который располагался в одной из квартир дома на ул. Бассейной, находилось в момент появления милиции до 70 человек, «преимущественно дам», которые сидели за столами для игры в лото. В ходе милицейского дознания выяснилось, что клуб возник явочным порядком, игра в лото в нем проводилась с 1 апреля, а заявление о создании его владелец подал петроградскому общественному градоначальнику лишь 8 апреля. По итогам дознания был составлен протокол, переданный во Временный суд¹. X временный суд Литейного района (Невский пр., д. 88, камера мирового судьи 11-го участка) присудил владельца клуба «Спутник» Вольперта к денежному штрафу в 500 рублей, а двух старшин оштрафовал – одного на 300, а другого на 200 рублей. Суд обратил внимание осужденных на то, что «приговор является столь мягким потому, что азарт в клубе лото не успел еще принять больших размеров». Заметим, что в ходе судебного процесса обвиняемые выступили с заявлением «о неправильных действиях милиции». Но это заявление Временный суд оставил без последствий².

Судя по милицейским суточным рапортам, следующий удар милиция и Временный суд нанесли по «Кружку любителей музыки и пения». Этот клуб относился к тем обществам, которые были учреждены еще до революции. Устав клуба был внесен определением Особого городского по делам об обществах присутствия от 25 ноября 1911 г. в реестр обществ Санкт-Петербурга. В § 2 Устава указывалось, что кружку предоставлено право «играть на билиарде, в карты, шахматы, домино, кегли и лото». § 12 гласил, что члены, остающиеся для игры в карты «после 2-х часов ночи, платят при выходе их прогрессивный штраф в пользу кружка в размере 30 к., 90 к., 1 р. 20 к., 2 р. 10 к. и 4 р. 50 к.». В этом же параграфе указывалось время окончания работы кружка – «не позднее 4 ч. ночи». В § 15 говорилось о том, что «дозволяются те игры, на которые имеются разрешения градоначальника»³. Клуб располагался в д. 13 по ул. Троицкой в съемном помещении. Владельцами клуба являлись Вла-

¹ Игрные притоны / Происшествия // Ведомости общественного градоначальства. 1917. 16 апреля.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1646. ЛЛ. 10, 11 об.

димир Александрович Атанзевич и Иосиф Яковлевич Попов¹. После Февральской революции в кружке «не было ни одного концерта или вечера». В нем стали процветать азартные игры, которые производились в нем «круглые сутки»², и вскоре он приобрел дурную славу. Так, «Петроградская газета» сообщала, что в этом клубе «в ночь на 28 марта произошел грандиозный скандал». Публика заметила, что один из игроков, «одетый в форменное платье, при игре в железку сделал одиннадцать накладок, спуская карты из рукава». Другие игроки начали бить неизвестного, заодно опрокинув стол. Шулера спасли от суда Линча старшины клуба, уведя его в «бюро». Во время обыска у него «нашли и отобрали только 350 руб., хотя он выиграл несколько тысяч рублей». Автор заметки предположил, что деньги были шулером «заблаговременно переданы сообщнику в игорном зале»³. В связи с другим случаем редактор журнала «Аполлон» С. Маковский был даже вынужден обратиться с заявлением к прокурору Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзеву, в котором писал о клубе на Троицкой, назвав его притоном «самого низкого разбора», где «во время драки одному офицеру проломили череп и скандалы с членовредительством происходят в нем ежедневно»⁴. Заведующий судебно-следственной частью Управления городской милиции З.С. Кельсон спросил у комиссара I Московского подрайона присяжного поверенного Н.Н. Яроцкого, «почему он не примет решительных мер для пресечения этого, пользуясь властью комиссара»? В ответ Яроцкий заявил, что «ему в этом препятствует градоначальство»⁵. Судя по материалам поднадзорного дела, старшины клу-

¹ Там же. Л. 2 об.; ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 17. Л. 70. По информации, полученной помощником комиссара III Московского подрайонного комиссариата присяжного поверенного А.М. Гордоном, владельцем клуба был Л. Першиц (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 1). Или Першиц являлся совладельцем клуба, или же это была ложная информация.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 17. Л. 70.

³ Скандал в «Кружке пения» // Петроградская газета. 1917. 29 марта.

⁴ Видимо, об этом случае писала «Петроградская газета»: «Сегодня около 2 час. ночи в <...> клубе на Троицкой ул., д. 13 произошел <...> грандиозный скандал. В пылу азарта толпа игроков набросилась на человека в офицерской форме и принялась беспощадно его избивать. Пол игорного зала окрасился пролитой кровью. Была вызвана милиция, явился помощник комиссара. Избитый в тяжелом состоянии был отправлен в больницу» (Скандал в «Кружке пения» // Петроградская газета. 1917. 29 марта).

⁵ Кельсон З. Милиция Февральской революции. Воспоминания // Былое. 1925. № 2 (30). С. 171.

ба, действительно, отчасти утратили контроль за происходящим в игорном зале. Дело дошло до того, что 15 апреля 1917 года был составлен протокол об игре в «викторию» и другие азартные игры вопреки протеста старшин¹. 23 апреля 1917 года в I Московский подрайонный комиссариат явился Бредихин, который в своем заявлении сообщил «о продаже спиртных напитков, азартной игре и приеме в заклад вещей администрацией [“Кружка любителей музыки и пения”] (Троицкая, 13)». В суточном рапорте указано: «Протокол направлен во Временный суд»². Переписки между Комиссариатом и Временным судом не выявлено. Можно лишь предположить, что Временный суд попросил Комиссариат провести дознание по этому заявлению. Отряд милиционеров во главе с комиссаром Н.Н. Яроцким явился в клуб, где натолкнулся на возмущение «публики», а старшина И.Я. Попов и один из членов кружка – титулярный советник, награжденный двумя георгиевскими крестами, Сергей Эрастович Сасон – оскорбляли милиционеров³. По итогам проведенного дознания был составлен протокол, направленный во Временный суд.

18 мая XII временный суд Московского района (ул. Троицкая, д. 30, камера мирового судьи 15-го участка) рассмотрел дело, по которому проходили старшины клуба В.А. Атанзевич и И.Я. Попов, а также член «Кружка любителей музыки и пения» С.Э. Сасон. Интересы обвиняемых защищал присяжный поверенный Владимир Михайлович Бобрищев-Пушкин, но неудачно. Так, провалилась его попытка привлечь в качестве свидетеля защиты Бредихина⁴, заявление которого и стало поводом к возникновению дела «Кружка любителей музыки и пения». Имевшийся же свидетель защиты Берхман, видимо, тоже рядовой член кружка, в ходе судебного процесса превратился в обвиняемого и был осужден Временным судом⁵. Жалобы же обвиняемых на поведение милиции при проведении расследования остались «без последствий»⁶. На суде с обвинительной речью выступил комиссар Яроцкий, который просил «об осуждении, заверяя, будто этого желает Совет солдатских и рабочих депутатов»⁷. Как следует из поднадзорной жалобы, Попов и Сасон были пригово-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1646. Л. 2.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 115. Л. 12.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1646. ЛЛ. 2, 2 об., 4.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 2, 6 об.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 2 об.

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1646. Л. 2.

рены каждый «за устройство игорного дома (притона), за оскорбление словами милиционеров при исполнении ими служебных обязанностей и за присутствие в нетрезвом состоянии каждого к уплате штрафа в 10 000 р., а при несостоятельности к тюремному заключению на 3 месяца и Атанзевича за устройство игорного притона и за присутствие в нетрезвом состоянии к штрафу в 9 500 р., а при несостоятельности к тюремному заключению на 3 месяца»¹. Если сравнить эти наказания, то получается, что оскорбление словами милиционеров при исполнении ими служебных обязанностей было «оценено» XII временным судом штрафом в размере 500 руб.

26 мая 1917 г. присяжный поверенный В.М. Бобрищев подал на имя министра юстиции поднадзорную жалобу² и написал личное письмо³. В них он обращал внимание на нарушение норм судопроизводства, материального права, судоустройства и подсудности. Так, говоря в поднадзорной жалобе о нарушении норм материального права, В.М. Бобрищев писал, что «Временный суд толкует инструкцию Министерства⁴ в том смысле, что ему принадлежит не только судебная, но и законодательная власть». Доказывая это утверждение, он указывал: «Так, в данном деле мои доверители были обвинены в деянии, законом некараемым – за присутствие в клубе в нетрезвом состоянии». В связи с этим он задавал риторический вопрос: «Какой закон карает хозяина или старшин клуба за то, что к ним, предположим, вошли или ворвались пьяные люди, при том условии, если они вина им не давали?». Бобрищев также напомнил, что «по основному началу уголовного права, каждый отвечает за свою вину». В связи с этим он обратил внимание на то, что среди осужденных оказался С.Э. Сасон, который «в числе членов Правления и старшин не состоял и потому никакого отношения к клубным устройствам не имел». Говоря о нарушении подсудности, адвокат писал: «Раз Временный суд осудил обвиняемых за устройство игорного дома, то <...> нельзя не признать, что деяние это карается не 46 ст. Уст. о нак., а 990 ст. Улож. [о нак.], являясь подсудным окружному суду без участия присяжных заседателей и потому приговор временного суда нарушил

¹ Там же. Л. 1.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1646. ЛЛ. 1 – 3 об.

³ Там же. ЛЛ. 5 – 7.

⁴ Инструкции для временных судов // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 55 – 56. См. подробн. об инструкции: *Николаев А.Б.* Из истории временных судов (Петроград, 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2. С. 224 – 228.

пределы ведомства судов Петрограда»¹. 10 июля 1917 года жалоба была отклонена приказом товарища министра внутренних дел², о чем присяжному поверенному Бобрищеву-Пушкину было сообщено I департаментом Министерства юстиции 17 июля за № 29945³. По некоторым сведениям, «Кружок любителей музыки и пения» в то время, когда он находился в д. 13 по ул. Троицкой, был также оштрафован XIII временным судом на 38 000 рублей⁴. Вскоре после вынесения приговора клуб начал менять места своего расположения⁵.

В.Б. Аксенов, замечая, что «карточные игры стали активно распространяться и в довольно солидных заведениях», пишет о клубе «Вешние воды», существовавшем «при редакции одноименного журнала»⁶. Редактором-издателем этого, по словам А.А. Иванова, «правого внепартийного студенческого журнала» был Михаил Михайлович Спасовский⁷. Литературно-художественное общество «Вешние воды» было создано в январе 1916 г. по инициативе М.М. Спасовского. В состав общества «вошли целиком все сотрудники

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1646. ЛЛ. 1 – 3

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 18.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 17. Л. 70.

⁵ В июне 1917 года клуб переехал в д. 16 по Серпуховской ул., а в начале октября того же года занял помещение в д. 6 по ул. Разъезжей, которое снимал у доктора Владимира Ивановича Вамм с платой по 500 руб. в день. 6 октября 1917 г. начальник Петроградской городской милиции сделал представление на имя главнокомандующего войсками ПВО о закрытии этого клуба (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 17. ЛЛ. 70 – 70 об.).

⁶ Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 193. Научно-литературный и художественный журнал «Вешние воды» выходил в 1914–1918 гг. Редактором-издателем этого, по словам А.А. Иванова, «правого внепартийного студенческого журнала» был Михаил Михайлович Спасовский. В 1917 году были изданы №№ 19 – 30, а в 1918 – №№ 31 – 34 (Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.Л. Библиография периодических изданий России. 1901 – 1916 / Под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л., 1958. Т. I. С. 271; Периодическая печать в России в 1917 году. Библиографический указатель / Ред. колл.: Л.А. Шилов (предс.) и др. Сост.: Т.С. Григорьянц (руководит. группы) и др. Л., 1987. Ч. 1. С. 95.

⁷ Иванов А.А. Спасовский Михаил Михайлович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900 – 1917 / Отв. ред. О.А. Платонов. Сост.: А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 522 – 523. В 1917 году «Вешние воды» уже не являлся студенческим журналом, но был посвящен «Русскому студенчеству».

«Вешних вод» и многие сочувствующие делу Русские люди»¹. Председателем общества был А.А. Бурнакин, а в Совет общества входили: В.В. Андреев, М.М. Спасовский, И.И. Попов, С.А. Корыткин, Н.Н. Коломаров, И.С. Ключев². До революции общество было известно своими литературно-художественными вечерами³. 5 марта 1917 г. Совет общества на своем заседании принял решение приветствовать Исполнительный комитет Государственной думы в связи с освобождением России «от мертвящих уз старой власти» как «выразителя истинной воли русского народа» и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов – «могучего победителя в борьбе за свободу и счастье народа». Сообщалось, что «в настоящий момент Советом «Вешних вод» разрабатывается новый устав общества, значительно расширяющий программу всей его деятельности»⁴. Но уже в передовице майско-июньского тома указывалось, что «ныне общество фактически отошло от программы своей научно-литературной деятельности под давлением многих сложных причин»⁵. Несомненно, что среди этих причин были и финансовые. Лишившись привычных источников финансирования⁶, руководители общества, видимо, решили добывать средства, превратив Художественно-литературное общество «Вешние воды» в игорный дом. В ночь 27 апреля 1917 года⁷, «вследствие поступивших» в III Московский подрайонный комиссариат «сведений и жалоб на то, что в доме по Бородинской улице уг[ол] Фонтанки помещается игорный дом», по указанному адре-

¹ Петроград, 1-е июня 1917 г. // Вешние воды. 1917. Т. XXIII – XXIV. С. 4.

² Петроград, 1-е марта 1917 г. // Вешние воды. 1917. Т. XX – XXI. С. 5.

³ Вечера «Вешних вод» // Там же. С. 90 – 93.

⁴ Петроград, 1-е марта 1917 г. // Вешние воды. 1917. Т. XX – XXI. С. 5.

⁵ Петроград, 1-е июня 1917 г. // Вешние воды. 1917. Т. XXIII – XXIV. С. 5.

⁶ М.М. Спасовский, отвергая обвинения в том, что «Вешние воды», журнал и общество, получали субсидии из секретного фонда Департамента полиции, писал, в частности, что общество «Вешние воды» «направлялось в своей деятельности лицами известного положения, материально вполне независимыми от каких бы то ни было фондов» (А ргорос. «Вешние воды» и секретный фонд. (Необходимые разъяснения) // Вешние воды. 1917. Т. XX – XXI. С. 96). Спасовский не назвал фамилий этих лиц, но можно утверждать, что это были люди правых взглядов, положение которых и общественное, и материальное, несомненно, после Февральской революции пошатнулось. Кроме этого, необходимо учитывать, что в послефевральский период финансировать общество правого толка было уже далеко небезопасно.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 23. А.М. Гордон ошибочно пишет, что отряд милиции явился в клуб «Вешние воды» 20 апреля (Там же. Д. 250. Л. 1).

су отправился отряд милиции, в который также входили, помощник подрайонного комиссара присяжный поверенный А.М. Гордон, подрайонный комиссар В.Д. Рузи¹ и приглашенный им заведующий судебно-следственной частью Управления городской милиции З.С. Кельсон. Прибыв в клуб «Вешние воды» (наб. р. Фонтанки, д. 188, кв. 11²), милиционеры «обнаружили азартную игру»³ и бутылку спирта. По словам «Петроградского листка», «игра производилась не только членами общества, но и посторонними». Руководители «Вешних вод» заявили, что это «обычная семейная игра». Это объяснение было воспринято милиционерами скептически и «о случае составили подробный протокол»⁴. 27 апреля протокол дознания с вещественным доказательством (бутылкой спирта) был направлен в XIII временный суд за № 1218⁵.

10 мая XIII временный суд рассмотрел дело старшин клуба «Вешние воды». Во время судебного процесса в защиту обвиняемых были произнесены горячие речи, в которых указывалось, что «клуб не мог быть игорным притоном, так как он преследует литературно-художественные цели», а «членами клуба состоят лица “известные даже за пределами России»». Выяснив обстоятельства дела, временный суд «приговорил дежурного старшину М.М. Спасовского к штрафу в тысячу рублей, с заменой трехмесячным арестом, а старшину И.И. Попова к строгому выговору»⁶. Размер наказания говорил о том, что «карточный азарт» не достиг в клубе больших размеров. Укажем, что обвиняемые в ходе суда сделали заявление, в котором обвинили З.С. Кельсона в том, что он якобы вынуждал их «при составлении им протокола давать уличающие их показания». В связи с этим заявлением Временный суд поручил комиссару III Московского подрайона провести дознание. 27 мая 1917 года XIII временный суд, заслушав комиссара, доложившего о результатах проведенного дознания по делу Кельсона, постановил: «признать действия З.С. Кельсона при ревизии клуба «Вешние воды» корректными и дело произ-

¹ Временный список адресов комиссаров районов и подрайонов // Ведомости общественного градоначальства. 1917. 3 мая.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 23.

³ Там же. Д. 250. Л. 1.

⁴ Игорный притон в «Вешних водах» / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 28 апреля.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 23.

⁶ «Вешние воды» перед судом // Русская воля. 1917. 10 мая (веч. вып.).

водством прекратить»¹. Заметим, что в прессе сообщалась ложная информация об исходе дела: «о неправильных действиях Кельсона судом было доведено до сведения властей»². Сделано это было, несомненно, с целью дискредитации З.С. Кельсона в глазах общественного мнения.

Неудачной для борьбы с карточным азартом и лично для З.С. Кельсона оказалась милицейская операция, проведенная в ночь на 28 апреля в «Петроградском литературном кружке» (ул. Казанская, д. 38). Предыстория этой операция такова. По словам А.М. Гордона, 27 апреля при составлении протокола в клубе «Вешние воды» «присутствующие указали товарищу Кельсону на то, что считают несправедливым преследование клуба <...>, в коем азартная игра ведется в незначительных размерах, в то время, как в принадлежащих некоему Першицу клубах на Казанской[, д.] 38 и Троицкой[, д.] 13 таковая производится в колоссальном объеме». Кроме этого, указывалось, что «Казанский комиссариат не преследует владельца клуба и не пресекает его деятельности потому, что получает от него, по всей вероятности, взятки». Гордон писал далее: «Товарищ Кельсон заявил, что сведений такого рода к [н]ему не поступало, но что он немедленно произведет соответствующее расследование». Готовясь к проведению милицейского дознания в «Петроградском литературном кружке», Кельсон попросил Гордона достать и изучить устав этой организации, а также принять участие в дознании. В свою очередь Кельсон договорился с комиссаром III Московского подрайона о командировании Гордона для производства дознания в «Петроградском литературном кружке». 27 апреля Кельсон и Гордон явились во II Казанский подрайонный комиссариат. Здесь Кельсон допросил комиссара З.Ш. Береду относительно сведений о получении Комиссариатом взяток от «Петроградского литературного кружка»³. Какие дал показания по этому вопросу комиссар, неизвестно. Но любопытно, что уже во время милицейской операции в клубе, некоторые его члены слышали как Гордон говорил, что «кружок платил взятки Комиссариату, который позволяет ему играть в азартные игры»⁴. То ли Гордон повторял непроверенные сведения, то ли уже опирался на результаты допроса комиссара Береды, сказать трудно.

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 2

² Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 26 мая (веч. вып.).

³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 11.

Хотя З.С. Кельсон в своих воспоминаниях о допросе Береды даже не упомянул¹.

И только после этого допроса отряд в составе Кельсона, Гордона, Береды и его помощника Сорокина, а также восьми милиционеров отправился в клуб на ул. Казанскую, д. 38. Гордон подчеркнул, что Кельсон попросил комиссара Береду «объявить милиционерам, чтобы в помещение собрания они без особого на то приглашения не входили». Такое распоряжение комиссар Береды и отдал милиционерам. Войдя в зал клуба, комиссар Береды «попросил играющих не убирать со стола денег»².

По словам председателя кружка князя К. Голицына и Л. Першица, в помещение общества явились Береды, Гордон и Кельсон «в сопровождении отряда солдат, вооруженных ружьями с примкнутыми штыками». Комиссар Береды крикнул «ни с места, денег со стола не трогать <...> в противном случае будем стрелять». Когда же дежурный старшина Л. Першиц пытался узнать, «кто они такие, что им нужно и почему они позволили себе ввести в общественное собрание вооруженную силу», то Кельсон «распорядился вытолкать г. Першица из зала». В свою очередь Гордон «крикнул страже[:] “что вы с ним церемонитесь[,] ведите его”». Солдаты действительно не церемонились и взяли за шиворот[,] поволокли в прихожую, после чего у Першица на руках оказались ссадины»³. По версии Гордона, Першица вывели из игорного зала несколько позднее. Сначала же, в ответ на протест Першица в резкой форме на появление милиции в клубе, Кельсон «попросил его и дежурных старшин пройти с ним в комнату старшин для снятия допроса», но этому помешал Рехвиашвили, который заявил, «что мы не уполномочены производить расследование, что он помощник коменданта, и что в клубе распоряжается он»⁴. В рапорте комиссара Береды среди лиц, пытавшихся помешать милиции провести дознание, указан не только адъютант коменданта Казанского района Рехвиашвили, но и адъютант коменданта Петропавловской крепости Арчил Чхония: «Когда мы вошли в зал, граждане Рехвиашвили и Чхония крикнули: “Как вы смеете сюда входить, когда мы здесь, с караулом приказываем вам немедленно убираться, а то как поступать научат”». Далее комиссар Береды писал:

¹ Кельсон З. Указ. соч. С. 171 – 172.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. ЛЛ. 11 – 11 об.

⁴ Там же. Л. 1 об.

«Когда мы просили Чхония успокоиться и не поднимать шума, он с оружием в руках силой хотел удалить нас, но видя, что это к результатам не приведет, приступил к угрозам, заявив, что он родственник члена Государственной думы [Н.С.] Чхеидзе, которого немедленно вызовет сюда в клуб, и что нас всех завтра же уволят»¹. Кстати, Рехвиашвили и Чхония в дальнейшем стали «героями» криминальной хроники, которую привел в своих воспоминаниях З.С. Кельсон².

По утверждению Гордона, препятствовал проведению дознания и некий Агулянский, назвавшийся братом секретаря начальника Петроградской городской милиции М.Л. Сапера. Он заявил, что Кельсон «явился для производства дознания по собственному почину, вопреки желанию начальника милиции, считающего, что милиция отнюдь не должна вмешиваться в действия клубов». Агулянский потребовал от Кельсона «предъявления ордера на производство расследования». В ответ Кельсон сказал, что «прибыл вместе с местным комиссаром, и потому в особом ордере не нуждается, и что таковой вообще не требуется для производства чинами милиции дознаний, исключая случаи обыска и арестов». Вместе с тем Кельсон зачитал собственное постановление «о производстве дознания». Это не успокоило Агулянского, который заявил, что «без предъявления ордера они дознания не допустят» и призвал присутствовавших не подчиняться требованиям милиции. Не смотря на это, Кельсон и Гордон «отправились в комнату старшин для составления протокола»³. Дознание было проведено и протокол на основании его составлен, не смотря на то, что старшины клуба, по словам князя К. Голицына и Л. Першица, «в виду непредъявления нам ордера [у]полномоченного лица <...> отказались давать г. Кельсону какие-либо объяснения»⁴.

Пока Кельсон и Гордон отсутствовали, обстановка в зале продолжала накаляться. Смягчению ее не помогло даже то, что комиссар Береда под давлением присутствовавших в зале игроков составил протокол об оскорблении им, Кельсоном и Гордоном Першица⁵ и обещал направить его во Временный суд. Со стороны игроков на Береда и его помощника продолжали сыпаться оскорбления. «Мы

¹ Кельсон З. Указ. соч. С. 172.

² Там же. С. 173 – 174. См. также: Инцидент в клубе / Происшествия // Новое время. 1917. 31 мая.

³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же.

были вынуждены призвать на помощь 8 милиционеров, – писал в рапорте Береда, – на что Рехвиашвили сказал: “Я вас проучу”, и вызвал военную силу в 40 человек<...>. Рехвиашвили два раза ударил милиционера, а второй шумевший [-] Чхония вызвал тов[арища] Кельсона на дуэль»¹. Вызов на дуэль, несомненно, был произведен уже после того, как Кельсона и Гордона кто-то вызвал из комнаты старшин в зал, т.к. «скандал там принял угрожающие размеры». Гордон вспоминал, что «скандал удалось ликвидировать только после того, как товарищ Кельсон попросил комиссара Береда вывести из зала г. Першица, действия коего носили вызывающий против милиции характер и являлись главной причиной волнения»².

«На следующий день после этого происшествия, – вспоминал Кельсон, – владелец клуба Першиц подал на нас жалобу министру внутренних дел и в градоначальство, подписанную “председателем кружка” – князем Голицыным, в коей указывал, что “просят оградить их от вторжения лиц с такими замашками, к которым даже строй дореволюционный их не приучил”»³. Укажем, что известно лишь заявление Правления «Петроградского литературного кружка» в адрес петроградского общественного градоначальника, сохранившееся в двух копиях⁴. На одной из них, заверенной помощником петроградского общественного градоначальника подполковником Самсоном⁵ и скрепленной и. об. управляющего Канцелярией Н. Медлинным, приписано: «Господину начальнику Петроградского военного округа и господину министру внутренних дел. Для сведения»⁶. По словам «Биржевых ведомостей», Правление клуба направило копию протокола о неправильных действиях Кельсона товарищу министра внутренних дел князю С.Д. Урусову⁷. Иначе говоря, заявление Правления «Петроградского литературного кружка» получило даже более широкое распространение, чем указывал Кельсон, т.к. заявление в копии было препровождено и начальнику ПВО. Далее:

¹ Кельсон З. Указ. соч. С. 172.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

³ Кельсон З. Указ. соч. С. 172.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 250. ЛЛ. 11 – 11 об.; ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 403. ЛЛ. 27 – 27 об.

⁵ Барон Ульрих Иванович Самсон-Гиммельшерна.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 403. Л. 27 об.

⁷ Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 26 мая (веч. вып.).

заявление было подписано не только председателем кружка князем К. Голицыным, но и Л. Першицем, за секретаря кружка¹.

З.С. Кельсон достаточно подробно описал преследования, которые обрушились на него в связи с заявлением Правления «Петроградского литературного кружка»: «При поступлении указанной жалобы помощник начальник милиции [Н.В.] Иванов высказался в том смысле, что милиция вообще не вправе вмешиваться в деятельность притонов, пока прокурор судебной палаты не разрешит общего вопроса, необходимо это или нет, и что я, произведя расследование, превысил свои полномочия. Я был отстранен от должности и Управлением милиции, по поданной жалобе, было назначено особое расследование»². Сведения об отстранении Кельсона от должности через некоторое время просочились в прессу³.

Кельсон вспоминал, что он пытался найти поддержку у прокурора Петроградской судебной палаты П.Н. Переверзева, но тот «высказался в том смысле, что дознание о притоне “в виду ст. 46 Уст. о нак. и [ст.] 990 Улож. о нак.” милиция производить была вправе, но, что “от возбуждения преследования в противодействии властям против лиц, оказавших таковое, нужно воздержаться в виду того, что власть недостаточно окрепла, чтоб предъявлять подобные обвинения, и что он сам подвергся оскорблению, когда приехал во дворец Лейхтенбергского по делу анархистов”»⁴.

Можно ли полностью доверять этим утверждениям Кельсона, сделанным им в своих воспоминаниях? Действительно ли он не нашел полной поддержки у прокурора Переверзева при расследовании деятельности клуба на ул. Казанской, д. 38? В связи с этим обратимся к документу, хранящемуся в ЦГА СПб, в котором в изложении З.С. Кельсона даны соображения Переверзева относительно этого случая: во-первых, Переверзев считал, что «пока не введен в жизнь проект устройства постоянной милиции, коим с обязанности ее снимается производство дознаний, милиция обязана производить

¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 403. Л. 27 об.

² Кельсон З. Указ. соч. С. 172.

³ «Биржевые ведомости» писали: «По распоряжению начальника Городской милиции отстранен от должности юрисконсульта в Городской милиции Кельсон за неправомерные действия. Кельсон, как оказалось, явился в один из столичных клубов и, взяв с собой наряд, приступил к обыску. Вместе с ним участвовал и один из комиссаров Городской милиции, который тоже отстранен от должности» (Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 20 мая (веч. вып.)).

⁴ Кельсон З. Указ. соч. С. 172.

дознания по преступным деяниям[,] предусмотренными вышеуказанными статьями» (ст. 46 Уст. о нак. и ст. 990 Улож. о нак. – А.Н.); во-вторых, «касаясь вопроса о производстве мной дознания по делу о клубе на Казанской [ул., д.] 38, прокурор высказался, что произведя данное дознание, я поступил совершенно правильно»; в-третьих, Переверзев считал, что проведенное дознание «надлежит препроводить во временный суд для “отдачи негодяев в руки правосудия”». Точно также надлежит направить во временный суд протокол о Рехвиашвили[,], оскорбившего действием милиционера Лукомского»; в-третьих, то, что «заправили клуба нанесли оскорбления прибывшим для расследования комиссарам, прокурор находит неудивительным, так как в настоящее время со стороны некоторых элементов уважение к власти еще слабо»¹. Итак, можно утверждать, что прокурор Переверзев полностью поддержал шаги, предпринятые Кельсоном во время милицейской операции в клубе Л. Першица на ул. Казанской, д. 38: говорил не о праве милиции на проведение дознаний, а об *обязанности* их проведения по преступлениям, предусмотренным ст. 46 Уст. о нак. и ст. 990 Улож. о нак.; не призывал к тому, чтобы воздерживаться от привлечения к ответственности лиц, виновных в противодействии властям, а наоборот считал необходимым передать дознание о «Петроградском литературном кружке» во Временный суд, чтобы «негодяи», без каких-либо изъятий, оказались в руках правосудия. Точно также перед Временным судом должен был предстать и адъютант коменданта Казанского района Рехвиашвили. И еще: Перверзев говорил не о слабости власти, а о том, что уважение к власти слабо со стороны некоторых элементов.

Что касается расследования по жалобе, поданной на Кельсона владельцами клуба, то оно проводилось юрисконсульту милиции присяжным поверенным С.О. Познанским. Кельсон вспоминал, что расследование «продолжалось ровно один месяц» и закончилось в его пользу. После чего Кельсон был восстановлен в должности и ему было поручено поддерживать во Временном суде обвинение против владельцев «Петроградского литературного кружка»². Несомненно, что в случае передачи дела во Временный суд, старшины «Петроградского литературного кружка» были бы осуждены ими, т.к., по словам А.М. Гордона, временные суды, как о том свидетельствует практика, придерживаются определенного взгляда, последовательно

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 29. Л. 248.

² Кельсон З. Указ. соч. С. 172 – 173.

и неуклонно проводимого в своих приговорах»¹. Напомним, что 25 июля 1917 года было последним днем работы временных судов в Петрограде². Но «дело это в суде вплоть до октября так и не было назначено к слушанию», – вспоминал Кельсон³. Причину этому необходимо искать в позиции, занятой руководящими членами Управления милиции. Так, присяжный поверенный А.М. Гордон 1 июня 1917 года обвинил Управление Петроградской милиции в том, что оно не считает борьбу «с разъедающим Петроград азартом, свившим себе гнезда в карточных притонах» одной из обязанностей милиции⁴.

11 мая 1917 г. за № 1582 комиссар I Адмиралтейского подрайона докладывал начальнику Петроградской городской милиции Д.А. Крыжановскому, что по заявлению солдата гв. Павловского полка Кузулина, который в качестве депутата Совета рабочих и солдатских депутатов осматривал помещение «Экономического клуба» (Марсово поле, д. 9), был «составлен протокол о продаже и распитии в названном клубе вина». К этому протоколу были приложены копии «ранее составленных протоколов комиссариата о том же клубе» и все эти документы были отправлены 10 мая 1917 года во Временный суд⁵. Неизвестно, почему эти «ранее составленные протоколы» не были сразу же направлены во Временный суд. О чем шла речь в них, тоже неизвестно⁶. Пожалуй, это последнее дело, по которому долж-

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп.1. Д. 250. Л. 2.

² Николаев А.Б. Указ. соч. С. 234.

³ Кельсон З. Указ. соч. С. 172 – 173.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп.1. Д. 250. Л. 2 об.

⁵ Кузулина при осмотре помещения «Экономического клуба» сопровождал солдат-павловец Куличев (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 16. Л. 30).

⁶ О том, что в клубе допускались азартные игры в карты сообщалось в представлении комиссара Временного правительства над Управлением быв. Петроградского градоначальства Е.Ф. Роговского от 13 октября 1917 г. за № 251 на имя главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. Комиссар Роговский писал: «<...> полагал бы правильным закрыть означенный клуб на основании п. 12. ст. 19 прил. к ст. 23 Правил о местностях, объявляемых на военном положении, за продажу в нем спиртных напитков, допущение нетрезвых посетителей и азартные игры в карты, за оскорбление чинов городской милиции и лиц правительственного надзора при исполнении ими служебных обязанностей». Для придания «веса» своему представлению, комиссар охарактеризовал клуб «как место сборищ, имеющих явно контрреволюционный характер» (ЦГА СПб. Ф. 5690. Оп. 21. Д. 38. ЛЛ. 113 – 113 об.). 20 октября Роговский обратился на имя начальника Штаба ПВО с просьбой, сообщить состоялось ли распоряжение

ны были предстать перед I временным судом (ул. Новоисаакиевская, д. 22, камера мирового судьи 1-го участка) клубные дельцы¹. Сведений о рассмотрении этого дела во Временном суде нет.

Заметим, что после мартовско-апрельского периода активной милицейской борьбы с «карточным азартом», в мае – июле 1917 года милиция прекратила рейды по клубам и проведение дознаний, как по заявлениям граждан, так и по собственной инициативе. Можно утверждать, что этот спад был вызван тем, что милиция была лишена права проведения дознаний. Напомним, что 17 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции»². Ст. 21 «Временного положения о милиции» определяла обязанности по делам судебного ведомства: «1) производство дознаний и участие в предварительном следствии по делам уголовным на основании законов уголовного судопроизводства». Ст. 24 гласила: «При производстве дознаний о преступных деяниях чины милиции руководствуются постановлениями статей 48 – 51 и 250 – 260 “Устава уголовного судопроизводства” (Св. Зак., т. XVI, ч. I, изд. 1914 г.)». Т.е., по этому положению милиция была обязана проводить дознания. Но VIII отдел постановления «Об учреждении милиции» указывал: «Устройство милиции в Петрограде, Москве, Киеве и Одессе будет предусмотрено особым узаконением». До выхода этого особого узаконения по-

главнокомандующего войсками ПВО о закрытии «Экономического клуба» (Там же. Л. 102).

¹ В июньских суточных милицейских рапортах сведений о происшествиях в клубах нет. В июльских рапортах речь шла о уже рядовых членах клубов, которые за те или иные нарушения должны были предстать перед временным судом. Так, 16 июля в комиссариате I Спасского подрайона на основе заявления дежурного старшины клуба «Любителей сценического искусства» (ул. Итальянская, д. 13) Джаракьянца был составлен протокол «о неправильной игре члена собрания Леона Вещего» и оскорблении им «дежурных представителей милиции». В этот же день протокол «с запечатанной колодой карт» был направлен в XXI временный суд Спасского района (наб. р. Фонтанки, д. 107, камера мирового судьи 54-го участка) (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 109). В суточном рапорте этого же комиссариата, составленном с 12 часов дня 25 июля и до 12 часов дня 26 июля 1917 г., содержатся сведения о задержании в клубе «Интеллигентных служащих» (ул. Итальянская, д. 19) пьяного Юзефа Ньюмана, который по был по вытрезвлении отпущен домой, а протокол направлен в XXI временный суд (Там же. Д. 212. Л. 4 об.). Были ли рассмотрены дела Л. Вещего и Ю. Ньюмана во временном суде, неизвестно.

² Об учреждении милиции // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1917. 3 мая. № 97. Ст. 537.

ложение от 17 апреля в Петрограде все-таки действовало. В дальнейшем милиция должна была руководствоваться «Временным положением об устройстве и составе Петроградской городской милиции», принятым Петроградской городской думой 1 мая 1917 г. В этом положении об обязанности милиции проводить дознания уже не сообщалось, а п.п. 2 и 3 ст. 22 указывали лишь случаи, когда милиция могла составлять акты и протоколы¹. 12 июля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об устройстве милиции городов Петрограда, Москвы, Киева и Одессы» и «Временное положение об устройстве милиции городов Петрограда, Москвы, Киева и Одессы»². Ст. 22 «Временного положения» от 12 июля, посвященная предметам ведения милиции, не отсылала к ст. ст. 21 и 24 «Временного положения о милиции» от 17 апреля 1917 г., в которых речь шла о производстве милицейских дознаний. Т.е., Петроградская милиция не должна была проводить дознания и по закону от 12 июля 1917 года. Вместе с тем милицейское дознание могло быть проведено по распоряжению вышестоящих властей.

Таким образом, можно утверждать, что после Февральской революции 1917 года важнейшей стороной клубной деятельности стали азартные игры, которые приносили высокие доходы их руководителям. Общества (кружки, собрания), которые ранее уделяли большое внимание культурно-просветительной работе (художественно-литературные вечера, концерты и пр.) полностью или практически полностью прекратили ее. Клубы, возникшие в послефевральский период, сразу же сосредоточились на организации и проведении азартных игр.

Весной – летом 1917 года главными борцами с «карточным азартом», процветавшим в клубах, были Петроградская городская милиция и временные суды. Активность временных судов в борьбе против клубных дельцов, насаждавших азартные игры, напрямую зависела от деятельности Петроградской городской милиции, которая и передавала во временные суды протоколы, составленные на основе дознаний о нарушениях в деятельности клубов. Начиная с 1 мая, когда Петроградская городская дума приняла «Временное положение об устройстве и составе Петроградской городской мили-

¹ Временное положение об устройстве и составе Петроградской городской милиции. (Принято Петроградской городской думой 1 мая 1917 года). [Пг., 1917]. С. 3.

² Вестник Временного правительства. 1917. 18 июля.

ции», которое лишало милицию права проведения дознаний, милицейская борьба с «карточным азартом» прекратилась. В связи с этим обстоятельством во временные суды перестали поступать протоколы с милицейскими дознаниями о нарушениях, выявленных в клубах. Во временные суды препровождались лишь протоколы, составленные милицией, по заявлениям старшин клубов на тех или иных нарушителей, а также лиц, проводивших осмотры клубов по уполномочию других организаций. Могли составляться протоколы и на основании заявлений потерпевших от «карточного азарта», но сведений о них за май – июль 1917 года в суточных милицейских рапортах нет. Естественно, что и временные суды, начиная с мая 1917 года, практически перестали рассматривать дела о клубных дельцах.

Приведенный материал позволяет утверждать, что временные суды по всем делам о клубных дельцах выносили обвинительные приговоры, присуждая их к тому или иному наказанию. Размер наказания различался в зависимости от степени развития азартных игр в том или ином клубе: от строгого выговора и до штрафа в 10 000 руб., с заменой 3-х месячным тюремным заключением в случае несостоятельности. Укажем, что по ст. 990 «Уложения о наказаниях» за устройство заведения для запрещенных игр следовало денежное взыскание не свыше трех тысяч рублей для лиц, впервые привлеченных к ответственности. Иначе говоря, максимальное наказание, накладываемое Временным судом за устройство игорного дома с запрещенными играми, в три раза превышало размер наказания, которое следовало по этим же делам, рассматриваемым Окружным судом.

Как правило, наказание накладывалось за устройство игорного притона, а в некоторых случаях еще и за оскорбление милиции при исполнении служебных обязанностей, и появление в клубе лиц в нетрезвом состоянии. Осуждая клубных дельцов за устройство игорных домов, временные суды выходили за рамки мировой юстиции и вторгались в компетенцию Окружного суда, который и должен был рассматривать такие дела по ст. 990 «Уложения о наказаниях». Кроме этого, временные суды осуждали руководителей клубов по такому составу преступления, которое не было прописано ни в одном из законов – за появление в клубах лиц в нетрезвом состоянии. Таким образом, можно утверждать, что временные суды по делам о клубных дельцах занимались правотворчеством, порывая с дореволюционным материальным законом и подсудностью.

Тарасов К.А.
Большевизм стихийный, шкурный, идейный.
Новый взгляд на политическую самоидентификацию
солдат Петроградского гарнизона в 1917 г.

Политическая история Революции 1917 г. традиционно рассматривается в рамках элитаристского подхода. В центре внимания исследователей в первую очередь оказываются лидеры партий и некоторые активисты¹. Зачастую подразумевается дихотомия: партия и массы как две отдельные составляющие революционного процесса. Именно этот подход приводит многих историков к заключению о заговорщическом характере Октября, когда солдаты и рабочие были лишь орудием в руках большевиков².

В рамках данной статьи будет исследовано явление, получившее в источниках название «большевизм». Его описывали как заразную болезнь. В частности Н.А. Бердяев писал в июле 1917 г.: «Большевизм есть русское, национальное явление, это – наша национальная болезнь, которая и в прошлой русской истории всегда существовала, но в иных формах»³. Очевидно, что в данном случае имеется в виду не принадлежность к РСДРП (б).

В источниках встречается словосочетание «шкурный большевизм» для описания отказа солдат Петроградского гарнизона отправляться на фронт⁴. Прапорщик Н.В. Никольский, комментируя то, что почти все солдаты 3-го пехотного полка считали себя большевиками, объяснял, что «вся их “теория” большевизма строилась на спасении собственной шкуры, – полном нежелании идти на фронт»⁵. Корреспондент газеты «Солдатское слово» писал, что очень часто под видом «идейного отношения» к войне скрывалась трусость сол-

¹ Radkey O. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. New York, 1963; Haimson L.H. The Mensheviks: From the R evolution of 1917 to the Second World War. Chicago, 1974; Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989; Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006.

² Френкин М.С. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. 1917 – 1918 гг. Иерусалим, 1982.

³ Бердяев Н. Религиозные основы большевизма // Русская свобода. 1917. 11 июля.

⁴ Показания прапорщика И.Г. Сленько // ГА РФ. Оп. 1. Д. 1. Л. 84; Показания Н.А. Георгиевского // Там же. Л. 146.

⁵ Показания прапорщика Н.В. Никольского // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1 Д. 1. Л. 108.

дат¹. Подобные свидетельства можно интерпретировать как дискредитацию стремления к миру, распространенного среди солдат.

Понять подобные настроения может помочь неопубликованное письмо, направленное в редакцию большевистской военной газеты «Солдатская правда». Рядовые Милковский и Муханов, по видимому, служившие в Петрограде или его окрестностях, откликнулись на известный эпизод связанный с посещением А.Ф. Керенским фронта, когда он приказал отправить солдата, агитировавшего против наступления, домой «с тем, чтобы все знали, что он трус». Солдаты писали: «Мы тоже не прочь взять на себя позорное “трус”, чтобы только нас освободили от военщины. Будет! Почти 3 года страдали в грязных окопах, пора отдохнуть!»². Солдаты были готовы принять обвинения в трусости, если бы это повлияло на решение вопроса об их участии в войне. Показательно, что письмо это было направлено именно в большевистскую газету с просьбой опубликовать его.

По мнению Г. Хилькевича, редактора «Солдатского слова», часть солдат «наивно поддерживала большевиков», считая естественным присоединиться к антивоенной пропаганде, если она ведется открыто. Причину такого настроения журналист видел в усталости от войны. Однако он обвинял солдат в «бессознательности» и в том, что они «совершенно не разбираются, что такое обязанности перед родиной»³. На искреннюю поддержку солдатами «пораженчества», причиной которой являлась неспособность к самостоятельному анализу, указывала и газета «Русская воля»⁴.

Прапорщик 1-го пехотного полка М. Рожнов отметил в своих показаниях Особой следственной комиссии по расследованию событий 3 – 5 июля, что в своей роте он не встречал тех, кто вел большевистскую пропаганду. По его мнению, с трибун митингов «слышался голос человека уставшего от войны и жаждущего практически осуществить призывы домой, идею “земли и воли”»⁵. Прапорщик М.Д. Шеин, бывший долгое время председателем полкового комите-

¹ Чернов А. Ответ большевикам // Солдатское слово. 1917. 27 июня.

² Ильин-Женевский А.Ф. Почему солдаты и матросы стали под знамена октября. Л., 1933. С. 19. См. также письмо солдата 2-го пулеметного полка Серегина (Там же. С. 32 – 33).

³ Хилькевич [Г.]. Что делается в Петроградском гарнизоне // Солдатское слово. 1917. 1 июля.

⁴ Оржицкий Н. Всем // Русская воля. 1917. 15 марта.

⁵ Показания прапорщика М. Рожнова // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7. Л. 68.

та 180-го пехотного полка, также не встречал партийной агитации, считая, что это «общее недовольство положением вылилось в предложенную большевистскую платформу»¹. Приведенные источники показывают, что некоторые современники наблюдали сближение настроений солдат Петроградского гарнизона с антивоенными позициями большевиков.

Ленин в статье, опубликованной 3 июня, резюмировал причины, которые толкали солдат «под знамя большевизма». Из-за недовольственности позицией «официальных вождей» Совета, большевиков поддерживали «всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек». Важно подчеркнуть, что Ленин не считал соединение этих групп в одно течение положительным для партии. Из текста статьи следует, что часть сочувствующих извращала большевизм, способствовала эксцессам и разложению армии².

Большевик М.М. Харитонов на одном из собраний Петербургского комитета большевиков говорил, что на солдатских митингах в июне начали выступать не только «строго выдержанные партийные люди», но и сочувствующие, которые хотя и шли за большевиками, но «не проводили их теорию»³. В этот же период прапорщик Н.В. Крыленко на Всероссийской конференции военных организаций большевиков докладывал: «Чувствуется сильный недостаток как в партийной литературе, так и в агитаторских силах. Под флагом большевизма сплошь и рядом выступают лица, ничего общего с большевиками не имеющие»⁴.

Представляется, что в данном случае зафиксирован процесс, который был изучен М. Ферро на материале солдатских «писем во власть». Он сделал вывод о том, что солдаты, как на фронте, так и в тыловых гарнизонах поддержали революцию, потому что связывали успех революции с заключением мира. Однако поскольку солдатская «масса» не могла сформулировать собственные требования, и, боясь продемонстрировать свои непатриотические настроения, присоединилась к «оборонческому» движению, пропагандируемому Советом.

¹ Показания прапорщика М.Д. Шеина // Там же. Д. 12а. Л. 57.

² Ленин [Н.]. Большевизм и «разложение» армии // Правда. 1917. 3 июня; Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т. 32. С. 254 – 257.

³ Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году. СПб., 2003. С. 351.

⁴ Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977. С. 117.

Постепенно у солдат появился интерес к пропаганде большевиков, с которыми ассоциировались антивоенные настроения¹.

О.С. Поршнева, использовавшая математические методы при работе с тем же источником, пришла к выводу о связи между требованием всеобщего мира и поддержкой большевиков что, по ее мнению, «свидетельствует о восприятии Ленина массовым сознанием, прежде всего, как политика, способного реально привести к миру»².

Это утверждение нуждается в пояснении. Представляется, что в сознании солдат взаимосвязь между позициями большевиков и антивоенными требованиями произошла в большей степени благодаря антибольшевистской агитации. После первых выступлений Ленина в апреле 1917 г. началась волна агитации, обвинявшей политика в том, что его требование скорейшего мира объясняется подкупом германским военным штабом³.

Член Военной организации большевиков М.С. Кедров вспоминал: «Сколько бы клеветы, нелепостей и грязи ни примешивалось к сообщениям о Ленине, каждому самому несознательному солдату одно становилось ясным: Ленин против войны. И эта мысль находила отклик в миллионной массе, измученной, истощенной небывалой трехлетней войной, и сделала имя Ленина широко популярным в солдатских массах»⁴.

За время антибольшевистской кампании у солдат должен был сложиться определенный политический образ партии большевиков. Представляется, главное, вокруг чего велись споры, был вопрос о войне, по которому большевики занимали антивоенные позиции. Можно согласиться с выводом Г.Л. Соболева о том, что «в конечном же итоге антибольшевистская кампания имела эффект прямо противоположный тому, на какой рассчитывали буржуазные идеологи. Миллионы экземпляров буржуазных газет привлекли внимание масс к большевизму, помогли, по выражению В.И. Ленина, втянуть их в

¹ *Ferro M.* The Russian soldier in 1917: undisciplined, patriotic and revolutionary // *Slavic Review*. Vol. 30. № 3 (Sep., 1971). P. 511. См. также: *Ferro M.* October 1917: a social history of the Russian revolution. London, 1980.

² *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 222.

³ Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 98 – 104.

⁴ *Кедров М.С.* Из красной тетради об Ильиче // Пролетарская революция. 1927. № 1. С. 49.

оценку большевизма»¹. Очевидно, что при этом солдаты не были знакомы ни с программой, ни с уставом партии.

А. Уайлдман, один из первых историков, четко разграничивших «партийный» и «окопный» большевизм, подразумевает под последним стихийные пацифистские настроения². «Стихийный большевизм», которым пугали обывателя газеты, иногда имел мало общего с позицией большевиков по тому или иному вопросу. В силу этого можно говорить о колебаниях партийного влияния. Возрастание его наблюдалось тогда, когда лозунги текущего момента вызвали сочувствие со стороны солдат. Снижение – когда ораторы расходились в настроениях с «массой».

«Идейных» большевиков в Петроградском гарнизоне насчитывалось к 15 июня всего 1641 человек, которые являлись членами партийной Военной организации³. Однако и среди этого небольшого, по сравнению с численностью гарнизона, числа, по мнению ее руководства, были и «нежелательные элементы»⁴.

В качестве примера такого «нежелательного элемента» можно назвать солдата 6-го саперного батальона А.И. Березовского, вступившего в партию в марте 1917 г. Член руководства Военной организации Н.К. Беляков охарактеризовал его выступления перед солдатами как вредные «для общего дела, потому что он старался в глазах солдат подорвать авторитет тех лиц, которые могли бы быть полезны для них»⁵.

Как докладывал впоследствии комиссар полка, Березовский был принят в партию исключительно по причине того, что местная большевистская ячейка нуждалась в хороших ораторах. Передавая слова Н.К. Белякова, комиссар писал: «Уже с первых шагов Березовский действовал дезорганизовано, не считаясь с требованиями и указаниями партии. Действуя на психологию масс, он призывал их к таким дезорганизованным выступлениям, выходя из рамок той партии, от имени которой выступал, несмотря на протест со стороны

¹ *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 117.

² *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March – April 1917). Princeton, 1980. P. 337, 372, 380.

³ Бюллетени ЦК РКП 1917 г. // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 298.

⁴ Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977. С. 210.

⁵ Показания старшего унтер-офицера Н.К. Белякова // ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2641. Л. 25 об.

тов. Белякова». В 20-х числах июня Беляков подал заявление в Центральный комитет большевиков с просьбой произвести партийное расследование и одновременно «своей властью, как представитель партии большевиков батальона, лишил его права выступать членом этой партии и проводить свою деятельность под флагом большевизма»¹.

Отчасти благодаря пропаганде большевиков и их союзников, отчасти ввиду недовольства войной и бытовыми условиями, складывалось общее радикальное течение, обозначавшееся очевидцами как «большевизм». Главными его идеями были открытая и непримиримая оппозиция Временному правительству и ненависть к «имущим классам», неудовлетворенность деятельностью комитетов и Совета, требование немедленного мира. «Большевизм», следовательно, являлся следствием не распространения поддержки программы одной партии, а влияния ее образа, упрощенных представлений о ее целях и задачах.

Таким образом, говоря об агитации большевиков среди солдат Петроградского гарнизона, необходимо различать «большевизм» как партийность и как общественное течение. Во многих случаях настроения в солдатской среде никак не были связаны с деятельностью ячеек большевиков. Правильнее говорить, что большевики встречали поддержку в тех запасных воинских частях, где ввиду различных обстоятельств сложилось недовольство политикой Временного правительства или Совета.

¹ Донесение комиссара И. Марцинкуса // ГА РФ. Ф. р-1236. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 157 об. – 158. Для характеристики А.И. Березовского стоит привести его поведение в тюрьме после ареста за участие в выступлении 3–5 июля 1917 г. Члены Военной организации (38 человек), содержащиеся на гауптвахте II комендантского управления, 3 августа объявили голодовку в качестве протеста против того, что они содержатся в заключении без предъявления им официальных обвинений (К рабочим и солдатам от брошенных в тюрьму // Рабочий и солдат. 1917. 4 августа). 5 августа на делегатском собрании был зачитан доклад о том, что А.И. Березовский от голодовки отказался, из-за чего подвергся изоляции со стороны других членов партии (Борьба партии большевиков. С. 305). При этом он регулярно отправлял статьи в газету «Рабочий и солдат», на что позже ссылался, как на доказательство, что он «идейный большевик» и «действовал согласно той программе, которая была указана из наших центральных организаций» (*Березовский А. 1) Голос с Ушаковки // Рабочий и солдат. 1917. 29 июля; 2) Ночи бессонные // Там же. 6 августа; Показания А.И. Березовского // ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2641. Л. 18).*

Островский А.В.

**Генерал Н.М. Потапов и большевик М.С. Кедров
(К вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного
восстания 1917 г. в Петрограде)**

В монографии А.Г. Кавтарадзе «Военспецы на службе Республики Советов» сообщается, что после прихода большевиков к власти, с ними согласилось сотрудничать более 750 генералов¹. По мнению В.В. Каминского, особую роль, как в создании Красной армии, так и в обеспечении ее побед, сыграли офицеры и генералы, вышедшие из стен Академии Генерального штаба². И хотя в определении круга лиц, пошедших на сотрудничество с советской властью, сделан определенный шаг вперед³, вопрос о том, почему и как это произошло, во многом остается открытым.

В связи с этим особого внимания заслуживают воспоминания одного из руководителей Военной организации большевиков Константина Александровича Механошина, который, вспоминая о создании Красной армии, писал в 1928 г. на страницах журнала «Война и революция»: «В овладении центральными военными учреждениями особенно полезным оказалось именно наличие <...> в них некоторого актива нашей военной партийной организации. Впоследствии мы имели возможность неоднократно убедиться в исключительной важности того, что военная организация сумела проникнуть своими щупальцами не только в войсковые части и на военные склады, но и в такие учреждения, как *Генеральный и Главный штабы*. В других центральных учреждениях – интендантском, квартирном и особенно в *ГАУ* (Главное артиллерийское управление, возглавляемое А.А. Маниковским – А.О.) – мы имели не только единичных товарищей, но даже целые ячейки, члены которых в дальнейшем сыграли чрезвычайно большую роль. Нужно сказать, что работники военного отдела Питерского Совета в свою очередь уже по линии чисто советской также были связаны со многими из

¹ Кавтарадзе А.Г. Военспецы на службе Республики Советов. М., 1988. С. 178.

² Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального штаба на службе Красной армии. СПб., 2011. С.8.

³ Первые «лица Генштаба» на службе у большевиков (на 12 апреля 1918 г.) // Там же. С. 433 – 468 (318 фамилий); «Лица Генерального штаба» на службе у большевиков (ноябрь 1917 – конец 1919 гг.) // Там же. С. 469 – 661 (703 фамилии)

центральных органов Военного министерства и Штаба военного округа»¹.

Прошло много лет, однако до сих пор никто не попытался проверить это принципиально важное свидетельство. Между тем в 1957 г. была опубликована анкета, посвященная революционным событиям 1917 г. и заполненная другим видным деятелем Военной организации большевиков Михаилом Сергеевичем Кедровым. В ней он назвал одного из тех лиц в аппарате военного ведомства, кто сотрудничал с названной организацией. По его словам, «после июльских дней», т.е. в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Военной организации большевиков предложил свои услуги и оказывал их «генерал Н.М. Потапов»².

Эта публикация имела сенсационный характер не только потому, что Н.М. Потапов имел чин генерал-лейтенанта, но и потому, что он служил в одном из важнейших «центральных военных учреждений» – Главном управлении Генеральном штаба³. Для организации, готовившей в столице вооруженное восстание, иметь своего человека, тем более в генеральском звании в Генштабе уже само по себе имело большое значение. Но дело не ограничивалось этим. В рассматриваемое время Н.М. Потапов был помощником начальника Генерального штаба и в таком качестве занимал пост генерал-квартирмейстера⁴.

В комментариях к опубликованной анкете М.С. Кедрова отмечается, что в обязанности генерал-квартирмейстера входило размещение воинских частей. Однако то ли издатели воспоминаний были не в курсе дела, то ли не сочли возможным это отметить, но в действительности, занимая пост генерал-квартирмейстера, Н.М. Потапов возглавлял разведку и контрразведку Генерального штаба⁵.

¹ *Механошин К.* От захвата власти к овладению аппаратом // *Война и революция.* 1928. № 12. С. 34.

² От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. М, 1957. С. 174.

³ *Потапов Н.М.* Записки о первых шагах советского военного строительства // *Военно-исторический журнал.* 1968. № 1. С. 58 – 68. М.С. Кедров ошибочно называл место его службы Главный штаб (От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. С. 174)

⁴ От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. С. 174.

⁵ См., напр., воспоминания начальника контрразведки Петроградского военного округа в 1917 г. Б.Н. Никитина (*Никитин Б.* Роковые годы. Новые воспоминания

Вдумайтесь в этот факт. Человек, который по долгу службы обязан был противодействовать большевикам в их замыслах прийти к власти, на самом деле сотрудничал с ними.

В 1968 г. на страницах «Военно-исторического журнала» была опубликована «Записка о первых шагах советского военного строительства», автором которой был Н.М. Потапов. Из этой «Записки» явствует, что летом – осенью 1917 г. он действительно встретился с М.С. Кедровым и другим видным членом Военной организации большевиков, ставшим позднее председателем Военно-революционного комитета и фактическим руководителем Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Николаем Ильчем Подвойским, причем не где-нибудь, а в здании Генерального штаба¹.

Оставляя пока в стороне вопрос о том, что именно стояло за предложением Н.М. Потапова содействовать приходу партии большевиков к власти, представляется необходимым обратить внимание на то, что свое предложение о сотрудничестве Н.М. Потапов сделал через М.С. Кедрова². Почему же он счел возможным доверить столь ответственный и рискованный шаг именно ему? Частично ответ на этот вопрос можно найти в уже упоминавшейся «Записке» Н.М. Потапова, в которой он характеризовало М.С. Кедрова как своего старого друга, с которым он был знаком еще задолго до революции.

«Хотя до Февральской революции я 15 лет провел за границей в качестве организатора черногорской армии, но, приезжая в Россию, я имел возможность встречаться *с моим другом* даже тогда, когда он скрывался от царской полиции. После Февральской революции мой друг *не раз* бывал у меня в служебном кабинете в Главном управлении Генерального штаба»³.

Где же и как они могли познакомиться? И что могло связывать профессионального революционера, каким был М.С. Кедров, и профессионального военного разведчика, каким был Н.М. Потапов?

Родословная М.С. Кедрова прослеживается с рубежа XVIII – XIX вв., когда жил его прадед, о котором известно лишь, что его

участника. Мемуары начальника военной контрразведки Петроградского военного округа. М., 2000. С. 8 – 11, 25).

¹ Потапов Н.М. Записки о первых шагах советского военного строительства. С. 58 – 68.

² От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. С. 174.

³ Потапов Н.М. Записки о первых шагах советского военного строительства. С. 58 – 68.

звали Иосифом или Осипом, что он имел обер-офицерский чин и, вероятно, служил в Нижегородской губернии. У Осипа Кедрова было сын Александр¹, который родился 25 ноября 1805 г., умер 14 июля 1857 г. и тоже был похоронен в Москве, на Даниловском кладбище².

Закончив Макарьевское уездное училище, Александр Осипович 1 июля 1830 г. поступил на службу в контору Нижегородского ярмарочного гостиного двора в качестве подканцеляриста, 26 ноября того же года его перевели на должность канцеляриста, 31 декабря 1823 г. он был произведен в чин коллежского регистратора, через три года, 31 декабря 1826 г. в чин губернского секретаря, еще через три года в чин коллежского секретаря, а 7 сентября 1831 г. в возрасте около 26 лет по собственному прошению он был уволен³.

Увольнение оказалось связано с важной переменой в жизни А.О. Кедрова. Он покинул Нижний Новгород и переселился в Москву. 8 августа 1832 г. его зачислили на службу в Московское губернское правление, где 11 июля 1833 г. он стал столоначальником. В этой должности А.О. Кедров пробыл недолго. 22 ноября 1833 г. он перешел на ту же должность в Комиссию для строений. Находясь на этой должности, 31 декабря 1833 г. он получил чин титулярного советника. 5 марта 1835 г. вновь по собственному прошению А.О. Кедров был уволен из Комиссии строений и определен на службу в Московский приказ общественного призрения. 28 мая 1835 г. занял здесь должность регистратора, 28 января 1836 г. был назначен столоначальником. Сменив здесь несколько должностей, 7 июля 1843 г. А.О. Кедров перешел в Екатерининскую больницу на должность письмоводителя и бухгалтера, 14 июня 1844 г. был произведен в чин коллежского асессора (VIII класс) и получил право на потомственное дворянство. 28 декабря 1849 г. по болезни снова был уволен. А 5 апреля 1851 г. определен бухгалтером в Московскую контору государственных имуществ. Но пробыл здесь лишь около года и 12 июня 1852 г. снова по прошению был уволен. Служил ли он далее, оста-

¹ Аттестат о службе А.О. Кедрова. 24 августа 1853 г. // РГИА. Ф. 1343 (Департамент герольдии). Оп. 23. Д. 2692. Л. 5.

² Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 33. На Ваганьковском кладбище в Москве был похоронен Евгений Иосифович Кедров (родился в феврале 1802 г., умер в чине коллежского советника 28 июня 1872 г.) (Там же).

³ Аттестат о службе А.О. Кедрова. 24 августа 1853 г. Л. 5.

ся неизвестным. Умер Александр Осипович в чине коллежского ассессора 14 июля 1857 г.¹

Женат А.О. Кедров был дважды: первую его жену звали Агрипиной Андреевной, вторую Александрой Макаровной. От первого брака имел двоих детей: Виктора, родившегося 8 февраля 1834 г., и Елизавету, родившуюся 1 февраля 1836 г., от второго брака пятерых детей: Аполлона, родившегося 21 июня 1840 г., Сергея, родившегося 9 августа 1844 г., Надежду, родившуюся 9 сентября 1842 г., Глафиру, родившуюся 17 марта 1846 г. и Вонифатия, родившегося 11 мая 1854 г.²

Из детей А.О. Кедрова наиболее успешную карьеру сделал его младший сын Вонифатий, выслуживший чин генерал-майора³. Аполлон Александрович стал врачом, умер 23 ноября 1866 г. и был похоронен на Даниловском кладбище вместе с отцом⁴. Сергей Александрович получил юридическое образование и стал нотариусом, причем нотариусом преуспевающим. Умер он 12 мая 1892 г. и был похоронен на кладбище Алексеевского женского монастыря. Через 6 лет, 17 августа 1897 г., умерла и его жена Лидия Михайловна (родилась 15 января 1850 г.). Похоронена там же⁵.

Михаил Сергеевич Кедров родился 12 февраля 1878 г. Закончив училище и сдав экзамены за гимназию, в 1897 г. он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1899 г. был исключен за участие в студенческих волнениях, после чего с 1900 по 1902 г. учился в Ярославле в Демидовском лицее. В 1901 г. вступил в РСДРП и был исключен из лицея. После этого находился на нелегальной работе в Костроме, Москве, Нижнем Новгороде, Симферополе, Ярославле. После поражения революции являлся агентом ЦК РСДРП, был арестован, около двух лет провел в заключении, после чего в 1912 г. эмигрировал. В 1916 г. в вернулся в Россию и под видом врача работал на Кавказе. В мае 1917 г. переехал в Петроград и

¹ Там же. ЛЛ. 5 – 6.

² Там же. ЛЛ. 6 – 6 об.

³ О подполковнике Генерального штаба Кедрове. 1891 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1913. ЛЛ. 48–53; Полный послужной список В.А. Кедрова. 15 октября 1894 г. // Там же. Д. 2132. ЛЛ. 4 – 15; Список генералам по старшинству. СПб., 1905. С. 1086.

⁴ Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 33.

⁵ Там же.

стал одним из руководителей Военной организации ЦК большевиков¹.

В отличие от М.С. Кедрова личность Н.М. Потапова до сих пор остается неизученной. Насколько удалось установить, первая краткая биографическая справка о нем была опубликована только в 1983 г. в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». Вот, что здесь сказано: «Потапов Николай Михайлович (1871 – 1946), сов[етский] военачальник. Из семьи чиновника. Окончил Академию Генштаба (1897), ген[ерал]-лейтенант. Будучи ген[ерал]-квартирмейстером Гл[авного] управления Генштаба с июля 1917 сотрудничал с Воен[ной] орг[аниза]цией при Петерб[ургском] комите[те] РСДРП(б) (выделено мной – А.О.). Одним из первых воен[ных] специалистов перешел на сторону Сов[етской] власти. В нояб[ре] 1917 – мае 1918 нач[альник] Гл[авного] управления Генштаба и одно врем[енно] пом[ощник] управляющего Воен[ным] мин[истерств]ом и управляющий делами Наркомвоена (с дек[абря] 1917). С июня по сен[тябрь] 1918 чл[ен] Высш[его] воен[ного] совета. С лета 1918 постоянный чл[ен], с июня 1919 пред[седатель] Воен[но]-законодат[ельного] совета (с апр[еля] 1920 совещания) при РВСР, с сент[ября] 1921 пом[ощник] гл[авного] инспектора Всевобуча. Затем на воен[но]-науч[ной] и преподават[ельской] работе»²:

Имеются материалы, которые позволяют получить о Н.М. Потапове более полное представление. Как явствует из материалов, отложившихся в Департаменте герольдии, его отец Михаил Михайлович Потапов родился около 1831 г. (в 1891 г. ему было 60 лет) и происходил из «вольноотпущенных». Это дает основание полагать, что его предки, вероятнее всего, являлись дворовыми крестьянами. Эти же материалы дают основание думать, что М.М. Потапов происходил из Калужской губернии. Во всяком случае, «по окончании полного курса наук в Калужской губернской гимназии» он 15 декабря 1851 г. был зачислен на службу в канцелярию московского губернатора. Значительную часть своей службы М.М. Потапов провел в

¹ Викторов И. Подпольщик. Воин. Чекист. М., 1963; Сбойчаков М.И., Цыбов С.И., Чистяков Н.Ф. Михаил Сергеевич Кедров. М., 1969.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 469.

Москве¹, затем мы видим его помощником правителя канцелярии смоленского губернатора². В Смоленске он получил потомственное дворянство³.

Женат М.М. Потапов был трижды, однако никаких сведений о его первых двух женах обнаружить пока не удалось. Третью жену звали Надеждой Александровной. От второго брака он имел дочь Ольгу, родившуюся 25 марта 1864 г., от третьего – трех сыновей: Николая, родившегося 2 марта 1871 г., Сергея, родившегося 17 сентября 1873 г. и Ивана, родившегося 13 апреля 1877 г.⁴

Николай в 1888 г. закончил Первый Московский кадетский корпус, в 1891 г. – Михайловское артиллерийское училище, в звании подпоручика был направлен в 3-ю артиллерийскую бригаду, в 1895 г. произведен в поручики. В 1897 г. закончил Академию Генерального штаба в звании штабс-капитана и был направлен в Варшавский военный округ: с 17 января по 6 мая 1897 г. был старшим адъютантом 38-й пехотной дивизии, с 6 мая 1898 по 18 марта 1901 г. обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа. В течение этих двух лет командовал ротой в лейб-гвардии Кексгольмском полку (21 ноября 1898 – 27 ноября 1899 г.), в 1900 г. провел 8 месяцев за границей «с ученой целью». С 18 марта 1901 по 10 июня 1903 г. – помощник военного агента в Вене (в 1901 г. был произведен в подполковники), с 10 июня 1903 г. – военный агент в Черногории⁵. В 1906 г. произведен в полковники, с 13 мая по 13 сентября 1909 г. командовал батальоном в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1912 г. произведен в генерал-майоры⁶.

В биографической справке о нем, составленной Е. Городецким, правда, без указания на источники, сказано, что до 1915 г. Н.М. Потапов находился в Черногории, а по возвращении в Россию занял пост генерал-квартирмейстера Генерального штаба⁷. Действительно

¹ Формулярный список Михаила Михайловича Потапова 18 августа 1891 г. // РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6095. Лл. 8 – 9.

² Прощение М.М. Потапова. 1891 г. // Там же. Л. 4.

³ Рапорт смоленского дворянского собрания. 5 июня 1891 г. // Там же. Л. 2.

⁴ Формулярный список Михаила Михайловича Потапова 18 августа 1891 г. // РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6095. Л. 9.

⁵ *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902 – 1915 гг. М.; Подгорица, 2003.

⁶ Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. Пг., 1914. С. 802.

⁷ *Городецкий Е.* О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 58.

в начале 1916 г. его фамилия появилась в справочнике «Весь Петроград»¹, а в «Журнале входящих бумаг» Департамента полиции по дате 3 января 1916 г. имеется следующая запись: «Генерал-квартирмейстер Генерального штаба: заведывание контрразведывательной частью при ГУГШ возложено на генерал-майора Потапова (30 декабря). 1915»².

В справке Е. Городецкого отмечается, что в этой должности его и застали февральские события 1917 г.³ Между тем в «В списке генералам по старшинству» на 10 июля 1916 г. он значится военным агентом в Черногории⁴, а в «Списке лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА», отмечено, что после возвращения из Черногории Н.М. Потапов возглавил Эвакуационное управление Главного управления Генерального штаба⁵. Причем в «Списке Генерального штаба» на 1 января 1916 г., хранившемся в Артиллерийском музее РККА, чьей-то рукой было вписано с «18 августа»⁶. Весной 1917 г. Н.М. Потапов был произведен в генерал-лейтенанты и назначен генерал-квартирмейстером, начальником Главного управления Генерального штаба⁷.

Что же связывало М.С. Кедрова и Н.М. Потапова?

Ответ на этот вопрос дает обращение к выпискам из метрических книг, сохранившихся в Департаменте герольдии. Из этих выписок явствует, что крестной матерью всех пятерых детей А.О. Кедрова от второго брака была «московская мещанка Татьяна Николаевна Куприянова»⁸. Она же, правда, уже как «московская» и «серпуховская купчиха» крестила братьев Николая Михайловича Потапова – Сергея и Иоанна⁹. К этому следует добавить, что крестным отцом

¹ Весь Петроград на 1916 г. Пг., 1916. Ч. 2. С. 549.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 272. Д. 170. Журнал входящих бумаг. Запись 3 января 1916 г.

³ *Городецкий Е.* О записках Н.М. Потапова. С. 58.

⁴ Список генералам по старшинству. Исправлен по 10 июля 1916 г. Пг., 1916. С. 104.

⁵ Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.1923. М., 1923. С.182.

⁶ Список Генерального штаба. Исправлено по 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 41.

⁷ Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.1923. М., 1923. С. 182.

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2692. ЛЛ. 10 – 14.

⁹ Свидетельство о рождении С.М. Потапова // РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6095. Л. 15; Свидетельство о рождении И.М. Потапова // Там же. Л. 16.

Иоанна был отец М.С. Кедрова – Сергей Александрович¹, а крестной матерью Николая Михайловича Потапова была тетка М.С. Кедрова по отцу Глафира Александровна².

Это значит, что Николай Михайлович Потапов и Михаил Сергеевич Кедров находились в крестном родстве³. Это объясняет не только то, откуда они были знакомы еще до революции, но и то, каким образом у них еще до революции могли сложиться дружеские отношения, почему именно М.С. Кедрову летом 1917 г. Н.М. Потапов предложил свои услуги Военной организации большевиков.

Надсадный Д.В. Городские попечительства о бедных в Петрограде и солдатские жены в 1917 году

Данная статья продолжает исследование противоречивых тенденций развития муниципальной благотворительности Петрограда, наметившихся в период после Февраля 1917 года, которое было начато статьей, опубликованной в прошлогоднем сборнике⁴. Тема представляет большой интерес, поскольку деятельность благотворительных учреждений в данный период пока мало изучена. Большая часть современных исследований российской благотворительности не выходит за рамки марта 1917 г. или даже 1914 г. (до начала Пер-

¹ Там же. Л. 16.

² Свидетельство о рождении Н.М. Потапова // Там же. Л.14.

³ В связи с этим обращает на себя внимание то, что мать Н.М. Потапова звали также, как тетку М.С. Кедрова по отцу – Надежда Александровна (Свидетельство о рождении Н.М. Потапова // РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6095. Л. 14; Свидетельство о рождении Н.А. Кедровой // Там же. Оп. 23. Д. 2692. Л. 11).

⁴ *Надсадный Д.В.* Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) // Революция 1917 года в России: Новые походы и взгляды. Сб. науч. статей / Ред. колл.: А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2013. С. 58 – 67.

вой мировой войны)¹. Некоторые аспекты темы на общероссийском уровне затронуты в статьях Л.А. Булгаковой².

В данной статье продолжается введение в научный оборот ранее не использованных документов городской исполнительной комиссии по благотворительности, хранящихся в ЦГИА СПб. Хронологические рамки исследования ограничены периодом между двумя Русскими революциями 1917 года.

Городские попечительства о бедных в С.-Петербурге, созданные в 1908 г. для оказания помощи неимущим своего района, с началом Первой мировой войны взяли на себя важную общегосударственную задачу – выдачу казенного пайка по закону от 25 июня 1912 г. и оказание дополнительной городской помощи семьям призванных на военную службу. К началу 1917 г. столичные попечительства оказались в трудном положении из-за хронической нехватки средств и нарастающих продовольственных затруднений. Нарастали конфликты как между рядовыми сотрудниками и руководящими органами, так и между членами и клиентами (и клиентками) попечительств. Заведующая патронатом 19-го городского попечительства (2-й и 4-й полицейские участки Петроградской части) Е.И. Товарковская описывала сложившуюся ситуацию следующим образом: «Привыкнув смотреть на себя, как на героинь, отдавших обществу самое дорогое – жизнь близких людей, солдатки не хотели примириться с положением бесправия, которое было выдвинуто для них в последнее время. Начали происходить неприятные столкновения. Стоящие далеко от фактической стороны близкого им дела, они не могли понять, кто виноват, и обрушивались на работающих на местах. Все это не мог-

¹ См., напр.: *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2008; *Иванова Н.М.* Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914 – 1917 гг.: (на материалах Петрограда): Автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2002; *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). СПб., 2007; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи XIX – начало XX века. М., 2005; и др.

² *Булгакова Л.А.* 1) Положение солдатских семей в 1917 г. (по материалам правительственной корреспонденции) // Новейшая история Отечества XX – XXI вв.: Сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 68 – 84; 2) Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники / Сост. А.Н. Цамутали. СПб., 2009. С. 183 – 214.

ло не отразиться на работе и ряды сотрудников все более и более редели»¹.

После Февральской революции вопрос о пайке был поднят в Петроградской городской думе одним из первых. 9 марта в Центральном справочном бюро городских попечительств (здание Городской думы) состоялось собрание представителей городских попечительств о бедных для обсуждения вопроса о выдаче пайка семьям воинов. Было признано категорически недопустимым сокращение сметы на 15 %, как это планировалось до революции². 10 марта 1917 г. городская дума утвердила ассигнование попечительствам на призрение семей запасных в 1917 г. в размере 5 209 798 рублей 62 копейки Представлявший доклад член городской управы П.Н. Ге и ряд гласных (К.А. Теннисон, С.В. Жданов, П.С. Чистяков и др.) настаивали на невозможности сокращения сметы «в виду тех неудовольствий, которые возникают в городских попечительствах о бедных в случае сокращения отпуска продуктов, на которые семьи запасных смотрят не как на помощь от города, а как на принадлежащий им по праву казенный паек». Признавалось необходимым привлечь к участию в расходах казну, а также распространить отпуск этого пособия на семьи всех призванных на войну³.

Одновременно возрастает активность солдатских жен, происходит процесс их самоорганизации. Отправной точкой этого движения стала Петроградская сторона. 16 марта 1917 г. состоялось многочленное собрание (около 600 человек) солдаток 19-го городского попечительства, причем инициатива исходила от них самих. «Вначале дело шло не особенно хорошо; шум и гам стоял невообразимый. Всем хотелось высказать накипевшую обиду». Но постепенно удалось водворить порядок. Из числа опекаемых были избраны председатель и секретарь: «Стали выходить ораторы и понемногу можно было записывать резолюции и даже голосовать»⁴. Была выработана резолюция, ставшая типичной для аналогичных собраний в других

¹ *Товарковская Е.И.* Нужды опекаемых в 19-м городском попечительстве // *Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств.* 1917. № 2 – 3. Февраль – март. С. 79 – 96.

² *Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь.* 1917. № 6. Июнь. С. 87 – 88.

³ *Журнал заседания № 9 Петроградской городской думы от 10 марта 1917 г. // Сборник журналов Петроградской городской думы за первую половину 1917 г. Пг., 1917. С. 164 – 165.*

⁴ *Товарковская Е.И.* Указ соч.

попечительствах: 1) приветствовать Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство; 2) увеличить паек до 20 р., как на маленького, так и на большого; 3) выдавать удвоенный паек к Пасхе; 4) отменить всякие пособия как то: квартирные, обеды, хлеб и молоко; 5) сравнять законных жен с гражданскими; 6) уравнивать в праве на паек матерей и отцов, а также братьев и сестер; 7) сравнять в праве на паек семьи солдаток действительной службы с семьями запасных; 8) «пересмотреть учет и оставить только специалистов, необходимых в работе, а остальных пересмотреть – именно тех, которые укываются»¹.

18 марта аналогичная резолюция была принята на собрании женщин-солдаток 11-го попечительства (1-й и 2-й полицейские участки Рождественской части)². На следующий день в 2 часа дня состоялось собрание солдаток 18-го попечительства (1-й и 3-й полицейские участки Петроградской части)³. Причем, в последнем случае инициатива исходила от членов патроната попечительства, которые «давно мечтали привлечь к работе в попечительство женщин, получающих то или иное пособие из попечительств». Собрание состоялось в доме товарищества «Скорород». Женщины избрали председателем собрания члена попечительства, графа И.И. Толстого (сына бывшего городского головы И.И. Толстого), а секретарем – жену запасного Тулину.

Граф Толстой сделал доклад о деятельности попечительства и призвал женщин помочь попечительству, выбрав особый комитет из своей среды. Он предложил реорганизовать продовольственные магазины попечительства в кооперативные и преобразовать бесплатные столовые в дешевые. Затем свою резолюцию доложили делегатки соседнего 19-го попечительства. Говорили еще несколько солдаток и их мужья. Один из членов попечительства предложил план организации солдаток. «Все речи выслушивались женщинами в высшей степени внимательно, и порядок собрания был образцовый, несмотря на духоту и тесноту помещения». Были избраны делегатки

¹ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 118. Л. 17, протокол общего собрания солдаток 19-го городского попечительства 16 марта 1917 г.

² Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 2 – 3. Февраль – март. С. 99 – 100, 103.

³ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 118. Л. 16, протокол общего собрания солдаток 18-го городского попечительства 19 марта 1917 г.

в Государственную думу для предъявления своих требований¹. Похожее происходило и в других местах: после долгих и порой шумных дебатов принимались резолюции об увеличении пайка и уравнивании в правах разных категорий солдатских жен, избирались делегатки для передачи своих требований в Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство.

Делегатки от солдаток принимали участие в женской манифестации 19 марта 1917 г., что не осталось незамеченным. В тот же день солдатская секция Петроградского совета признала размер пайка семьям призванных в армию «совершенно недопустимым» и потребовала от Временного правительства немедленно его увеличить, «установив право на их получение для гражданских семейств и семейств военных чинов, призванных в действующую армию»².

22 марта городская дума приняла решение об увеличении пайка в Петрограде до 10 руб. на человека, начиная с апреля³. 24 марта в Городской управе сотрудники столичных попечительств обсуждали возможность участия призываемых в распределении ассигнованных на их нужды средств. Предлагалось ввести в советы всех попечительств представителей от опекаемых, «для того, чтобы участвовать в разрешении вопросов о дальнейшем распределении средств, ассигнованных на нужды попечительств и форм оказания помощи (раздача обедов, ясли, приюты и пр.)»⁴. Признавалось, что состав попечительств нуждается в обновлении «ибо только при участии самих демократических элементов в деле призрения оно будет достигать своей цели»⁵.

Продолжался процесс самоорганизации солдатских жен. 1 апреля в «Известиях» было опубликовано обращение солдаток 7-го городского попечительства (Московская часть) с предложением всем

¹ Общее собрание солдаток 18-го городского попечительства // Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 4. С. 125 – 130.

² Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (далее – Известия). 1917. 23 марта.

³ Журнал заседания № 13 Петроградской городской думы от 22 марта 1917 г. // Сборник журналов Петроградской городской думы за первую половину 1917 г. Пг., 1917. С. 195.

⁴ П.Б. К вопросу о необходимых реформах в деятельности попечительств по призрению семейств воинов // Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 2 – 3. Февраль – март. С. 57 – 66; Там же. С. 103 – 105.

⁵ Ландсберг В.Е. Городские попечительства и грядущие районные думы // Там же. С. 51 – 58.

солдаткам «обратиться каждой в своем попечительстве и выбрать делегаток для совместной нашей работы, чтобы наша просьба исходила не от одного 7-го попечительства, а от всех». При этом повторялись ранее выдвинутые требования: «Нам не надо ни угловых, ни столовых, ни наградных, ни молочных, а выдать каждому деньгами 20 рублей на всех, не исключая и грудных детей». Эти требования предполагалось направить в Петроградский совет¹. 3 апреля солдатские делегатки вновь собрались в помещении 19-го городского попечительства, где обсудили вопрос о новом шествии к Таврическому дворцу для подачи своих требований².

Манифестация состоялась 9 апреля. «Более ста тысяч женщин, темных, неграмотных, продефилировали перед удивленными петроградцами в стройном порядке». Местом собрания была назначена площадь у Казанского собора, куда прибывали отдельные попечительства с плакатами и знаменами. Около 12 часов сбор был закончен, и демонстрантки тронулись в путь. Порядок поддерживался выбранными делегатками, имевшими в руках белые флажки. У Таврического дворца манифестация была встречена представителями Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов: меньшевиком Л.Г. Шапиро и большевиком П.А. Красиковым (Павловичем), которые их пригласили в зал заседаний, где делегатки по очереди зачитали свои требования. «Члены исполнительного комитета, заявив, что они находят требования женщин справедливыми, обещали в самом непродолжительном времени образовать комитет из членов Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями от солдаток для скорейшего проведения их требований в жизнь»³.

На следующий день в Центральном справочном бюро городских попечительств состоялось новое собрание сотрудников попечительств для ознакомления с организацией солдаток и «для направления этой организации в русло спокойной, объективной работы». Было постановлено привлечь в советы попечительств делегаток от солдаток по одной от каждой 1000 с правом решающего голоса и признать обязательным бесплатное участие делегаток в совете, но с допущением оплаты труда для делегаток-сотрудниц комиссий. Решено было

¹ Известия. 1917. 1 апреля.

² На собрании солдаток // Новое время. 1917. 6 апреля.

³ Товарковская Е.И. Шествие солдаток 9 апреля // Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 4. Май. С. 119 – 122.

послать депутацию в Петроградский совет в составе графини С.В. Паниной, Е.И. Товарковской и Е.В. Посадской для осведомления о деятельности попечительств и приглашения советских представителей принять участие в их работе. Также им поручалось проинформировать Совет о недостаточности 10-рублевого пайка и о желании представителей попечительств присутствовать на его заседаниях, когда будет разбираться вопрос о требованиях солдаток¹.

В тот же день Исполком Петроградского совета принял решение об образовании специальной комиссии о пайке в составе десяти человек: двух от ИК (ими стали те же Шапиро и Красиков-Павлович) трех от исполнительной комиссии солдатской секции и пяти выборных от солдаток². 15 апреля состав комиссии был расширен за счет приглашения 35 делегатов от попечительств (21 – от городских и 14 – от пригородных земских)³. Первое заседание комиссии «по делам о выдаче пособия семьям лиц, призванных на военную службу (о казенном пайке)», судя по «Известиям», состоялось 17 апреля. На нем был определен круг вопросов, подлежащих ее ведению: 1) о размере казенного пайка; 2) о круге лиц, имеющих право на паек и 3) о том, кто должен выдавать паек⁴.

Итогом работы комиссии стал законопроект о пайке семьям солдат, который был принят 28 апреля солдатской секцией Петроградского совета после трехчасовых дебатов. В нем нашли отражение главные требования солдаток: увеличение пайка до 20 рублей на человека в месяц, распространение права на его получение на гражданских жен, жен солдат действительной службы, родителей и приемных детей. Но к ним были добавлены пункты о предоставлении всем солдатским детям до 16 лет обязательного бесплатного обучения за счет государства, о пересмотре законов о пенсиях солдаткам, солдатским вдовам и сиротам, а также о сохранении права на паек за

¹ Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 4. С. 152 – 154.

² Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, бюро Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 года: В 5-ти томах / Сост. Б.Д. Гальперина, И.М. Рогозина, В.И. Старцев. СПб., 1995. Т. II. 1 апреля – 5 мая 1917 года. С. 123.

³ Там же. С. 190.

⁴ Известия. 1917. 20 апреля.

семьями дезертиров и добровольно сдавшихся в плен, «так как жена и дети не могут отвечать за действия мужа»¹.

29 апреля бюро ИК Петроградского совета приняло решение передать эти предложения в МВД для совместного обсуждения. По вопросу о размере пайка бюро «не сочло возможным высказать суждение» и также постановило передать его в совместное обсуждение МВД и комиссии о пайке. Решено было допустить трех делегатов от солдат в состав Совета. В ходе заседания высказывалось мнение (Шапира), что желательным было бы перейти от денежных выдач к снабжению солдаток натурой (то есть прямо противоположное тому, что требовали солдатки)². Данная идея обосновывалась и в ряде статей под общим названием «О пайке» члена исполкома, эсера В.Л. Утгофа в газете «Голос солдата». Он указывал, что в случае увеличения пайка до 20 рублей на человека и распространения прав на его получение на гражданских жен и других родственников, общий размер выплат составит около 9 миллиардов рублей в год, что вдвое превысит обыкновенный бюджет России. По мнению Утгофа, следовало бы полностью отказаться от денежных выплат и перейти к выдаче пайка натурой, то есть продовольствием (хлеб, крупы, жиры, сахар и т.д.) по определенной норме, плюс небольшое квартирное пособие. Для этого нужно в сфере торговли перейти от рыночных товарно-денежных отношений «к принудительному, государственному распределению продуктов и всех предметов первой необходимости»³. Ведать выдачей пайков должны особые попечительства, составленные из представителей от правительства, земского или городского самоуправления, продовольственных организаций и семей призванных на военную службу⁴.

В конце апреля совет солдаток 14-го городского попечительства через газету «Известия» обратился с предложением ко всем солдаткам Петрограда избрать по два представителя для создания центрального совета солдаток Петрограда. Делегаткам предлагалось явиться 23 апреля на Малый Сампсониевский пр., д. 6. Повестка предполагалась следующей: 1) обсуждение вопроса об организации совета; 2) избрание бюро; 3) выработка инструкций и

¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты. С. 422 – 424.

² Там же. С. 427 – 430.

³ Утгоф В.Л. О пайке // Голос солдата. 1917. 14, 17, 18, 21, 28 и 31 мая.

⁴ Там же. 31 мая.

4) текущие дела¹.

Собрание состоялось, по-видимому, в начале мая. На нем было принято решение об организации «Союза солдаток Петрограда». По сообщениям прессы во главе союза становилось правление из делегатов по одной от попечительства. В каждом попечительстве создавался комитет выборных солдаток, избранный общим собранием солдаток. Правление не реже одного раза в две недели должно было созывать общее собрание всех комитетов выборных. Правлению поручалось составить проект устава союза. Было решено добиваться от Петроградского совета самого энергичного давления на Временное правительство в вопросе о пайке так, чтобы уже следующая выдача была произведена по новым правилам, а также по вопросу о полном государственном обеспечении воспитания и образования военных сирот².

11 мая 1917 г. на заседании президиума городского отдела Исполкома Петроградского совета обсуждался вопрос о взаимоотношениях с новыми организациями солдаток. Было решено: а) предложить районным советам делегировать по два представителя в попечительства; б) принять все меры для привлечения солдаток к участию в выборах в городскую и районные думы, в) отказать организациям солдаток в праве представительства с решающим голосом в районных советах и перенести на обсуждение межрайонного совещания вопрос о представительстве их с правом совещательного голоса³. Таким образом, солдаткам было фактически отказано в представительстве в советских органах. Вместо этого 13 мая Исполком Петроградского совета в заявлении на имя городского головы потребовал организации при всех попечительствах «комитетов солдаток» и включения их в состав руководящих органов попечительств. Причем за делегатками от солдаток признавалось право на вознаграждение⁴.

Как это требование проводилось в жизнь, видно из некоторых сохранившихся документов попечительств. Так 1 июня 1917 г. под председательством М.И. Душечкина состоялось заседание совета 3-го городского попечительства (Спасская часть), на котором была

¹ Известия. 21 апреля.

² Солдатки организуются // Голос солдата. 1917. 10 мая.

³ В Петроградском отделе // Там же. 16 мая.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 118. Л. 82, заявление Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов городскому голове 13 мая 1917 г.

выбрана пайковая комиссия из числа солдаток (А.К. Иванова, М.С. Меркурьева, М.Я. Полякова и Н.И. Смелкова) и еще одна солдатка (Егорова) назначена делегаткой в дневные ясли. Председатель пайковой комиссии А.А. Семенов поставил вопрос об оплате труда солдаткам, входящим в состав комиссий и комитетов попечительства. Совет постановил, «что труд солдаток, входящих в комиссии и комитеты должен быть оплачен, о чем войти в сношение с благотворительной комиссией об ассигновании необходимого кредита по расчету 75 рублей в месяц на каждую солдатку»¹.

Не все члены попечительства остались довольны этим постановлением, что выразилось в особом мнении члена совета попечительства А.Д. Богданова от 7 июня 1917 г. Он указал, что постановление было принято наспех, без всестороннего обсуждения. В результате осталось невыясненным «за какой же именно труд и по какому исчислению должно быть уплачиваемо солдаткам то или иное вознаграждение. Вследствие этого <...> присутствовавшие в заседании солдатки могут составить себе заключение, что им обязательно будет уплачено вознаграждение по 75 рублей в месяц, тогда как, по моему мнению, вознаграждение солдаток должно быть, безусловно, в строгой зависимости от того количества времени, какое они действительно затрачивают в комиссиях и комитетах попечительства»². Отрицательный ответ был получен и из комиссии по благотворительности в отношении от 29/30 июня 1917 г. В нем еще раз повторялось, что член попечительства должен выполнять обязанности бесплатно, а также указывалось, что в связи с подготавливаемой передачей дела пайкового и внепайкового призрения в районные думы, данный вопрос не подлежит более ведению комиссии, а является проблемой районной думы³.

Петроградский совет оставлял за собой право курировать организацию солдатских жен. Советская комиссия о пайке, которая к этому времени состояла при военно-законодательной комиссии Военного отдела Исполкома Петроградского совета⁴, в ряду своих за-

¹ Там же. Д. 79. Л. 51, журнал заседания совета 3-го городского попечительства о бедных 1 июня 1917 г.

² Там же. Л. 50, особое мнение члена совета 3-го городского попечительства о бедных А.Д. Богданова от 7 июня 1917 г.

³ Там же. Л. 38, отношение председателя комиссии по благотворительности в 3-е городское попечительство о бедных от 29/30 июня 1917 г.

⁴ Деятельность солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов // Голос солдата. 1917. 4 июня.

дач ставила и «содействие организации солдаток в Петрограде и его окрестностях»¹. О руководящей роли военного отдела в организации комитетов солдаток сообщал в заметке о деятельности солдатской секции Петроградского совета к I Всероссийскому съезду советов рабочих и солдатских депутатов и член Отдела, эсер В.З. Завадьё².

2 июня межрайонное совещание районных советов при городском отделе Исполкома Петроградского совета принял решение допустить в состав райсоветов по одной представительнице от попечительств, насчитывающих до 1000 человек и по две – от попечительств, имеющих свыше 1000 человек³. С 6 июня начала свою работу межведомственная комиссия по пересмотру законоположений о призрении семейств солдат под председательством товарища министра внутренних дел С.М. Леонтьева. В ее работе участвовали представители министерств военного, морского, финансов, продовольствия, государственного призрения, земледелия, государственного контроля, Петроградской городской управы и губернского присутствия, Петроградского, Московского, Киевского, Харьковского, Казанского и Томского советов рабочих и солдатских депутатов, Городского и Земского союзов. В число представителей от Петроградского совета входили и три делегатки от солдаток⁴. Заседания комиссии продолжались до 26 июня.

Вопрос о пайке рассматривала и Военная секция Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, «которая при этом имела в виду работы междуведомственной комиссии и согласилась со значительной частью ее постановлений»⁵. На последнем заседании съезда 24 июня доклад о материальном положении семей граждан-воинов от имени секции представлял поручик П.И. Ровный. По итогам прений была принята резолюция о том, что, «принимая во внимание экономическую неурядицу в стране и острый недостаток продуктов первой необходимости», съезд считает необходимым «стремиться к строгой равномерности распределения продуктов между всеми русскими гражданами независимо от их социального положения. До проведения же в жизнь вышеозначенного положения Всероссийский съезд считает необходимым в отношении семей во-

¹ Что сделала комиссия о казенном пайке // Там же. 30 мая.

² Завадьё В.З. Общий обзор деятельности солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов с 1 марта по 1 июня // Там же. 1 июня.

³ В Городском отделе // Там же. 4 июня.

⁴ Пересмотр законов о казенном пайке // Там же. 13 июня.

⁵ Пересмотр законов о казенном пайке // Там же. 27 июня.

еннослужащих проведения в спешном порядке нового положения о солдатском пайке».

Съездом были одобрены следующие основные предложения: 1) исчисление стоимости пайка по средним рыночным ценам на основные продукты (ржаная мука, овощи, крупы, жиры, сахар, соль и чай) в конкретной местности по определенной месячной норме; 2) проживающим в наемных квартирах, кроме пайка, полагаются квартирные от 50 копеек до 2 рублей в месяц на каждое призываемое лицо; 3) расширение прав на получение пайка на восходящих родственников, братьев и сестер, приемных родителей и приемных детей, а также на гражданские семьи; 4) полный паек для детей до 16 лет; 5) «семьи лиц действительной службы получают паек на достаточную материальную обеспеченность», причем «достаточно обеспеченными» признаются те семьи, в которых «общий доход членов семьи, разделенный на число этих членов превышает шестикратную стоимость пайка по данной местности. <...> В расчет принимаются все виды доходов, получаемых членами семьи от имущества, от личного труда и прочих источников»; 6) право на паек имеют и семьи офицеров и военных чиновников, при соблюдении предыдущего правила; 7) лишаются пайка семьи дезертиров и добровольно сдавшихся в плен после 1 марта 1917 г., но при этом за ними сохраняется право «на помощь со стороны органов государства на общих основаниях призрения неимущих»; 8) «учреждения, заведующие выдачей пайка низшие (городские и волостные), так и высшие (уездные и губернские) должны быть организованы на новых началах с привлечением к участию в них с правом решающего голоса выборных от семейств призванных, равно и представителей от советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»¹.

Некоторые из вышеперечисленных требований нашли свое воплощение в постановлении Временного правительства «О распространении правил о призрении семейств солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер призванных солдат, а также на их приемных детей», принятом 22 июня 1917 г., еще до окончания работ съезда и межведомственной комиссии. Согласно ему гражданские жены и внебрачные дети получали право на паек на одинаковых основаниях с законными, при условии подачи солдатом ходатайства о назначении пособия внебрачной семье и отсутствии семьи закон-

¹ Закрывание Всероссийского съезда советов. Заседание 24 июня. О материальном положении семей воинов // Там же. 25 июня.

ной. Внебрачные матери, внебрачные братья, сестры и неусыновленные приемные дети солдат получали право на паек, только если они содержались трудом призванного¹. При этом вопрос о размере пайка решен так и не был. Часть представителей ведомств высказалась против его повышения. Разработку законоположений о материальном обеспечении семейств военнослужащих и помощи больным и раненым взяла на себя комиссия по реорганизации армии (законодательная) при Военном отделе ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов². С ней слилась соответствующая комиссия Военного отдела Петроградского совета³.

Но, если руководящие органы к лету 1917 г. оказались сформированными, то низовые ячейки женщин-солдаток при городских попечительствах рисковали остаться без опоры. Уже в конце апреля справочное бюро по выборам в районные думы обратилось в комиссию по благотворительности с запросом о том, какие функции комиссии могли быть переданы районным думам⁴. Вопрос о передаче функций попечительств в районные думы был решен на заседании Городской думы 26 июля. Доклад представлял член Городской управы, кадет П.Н. Ге. Упразднение попечительств мотивировалось тем, что «районные думы, которые имеют несравненно больший состав, <...> которые являются учреждениями демократическими, появившимися после революции, – они в значительной степени удовлетворяют требованиям настоящей минуты»⁵. Несмотря на то, что некоторые гласные высказались против (П.В. Сидоренко, Е.Д. Максимов и др.), считая это решение преждевременным и непродуманным, Дума признала желательным «в принципе» передать дело городских попечительств о бедных в ведение районных дум, «с тем, чтобы эта передача была совершена без нарушения нормального хода работ»⁶. С конца июля начинается процесс постепенной ликвидации попечи-

¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Отд. I. 1917. 4 августа. № 182. Ст. 1019.

² Основные положения организации солдатской секции и Военного отдела ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов // Голос солдата. 1917. 9 июля.

³ Собрание солдатской секции ЦИК // Там же. 27 июля.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 92. Л. 13, запрос справочного бюро в комиссию по благотворительности от 29 апреля 1917 г.

⁵ Попечительство о бедных (заседание думы 26 июля) // Вестник городского самоуправления. 1917. 29 и 30 июля.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 92. ЛЛ. 46 об. – 47, журнал заседания Городской думы № 61 от 26 июля 1917 г.

тельств. К началу ноября в ведение социальных отделов и комиссий районных дум перешли учреждения примерно половины попечительств¹.

Таким образом, после Февральской революции именно городские попечительства о бедных в Петрограде стали центрами самоорганизации для солдатских жен и первичными ячейками для создания общегородского союза солдаток. Руководство организациями солдаток и отстаивание их интересов приняли на себя исполнительные органы Петроградского совета, а затем ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов. При этом в советских структурах солдатки достойного представительства не получили. Весьма конкретные требования солдаток, выдвинутые на мартовских и апрельских собраниях, перерабатывались и дополнялись разнообразными советскими комиссиями и межведомственными совещаниями таким образом, что некоторые задекларированные намерения прямо противоречили тому, чего добивались солдатки. Городские попечительства о бедных остались единственными органами, в которых солдатки имели реальное представительство (комитеты солдаток), позволявшее им самим влиять на принятие решений. Но, практически в то же время попечительская организация в целом была признана не соответствующей «обновленной» России и подлежащей ликвидации, как недостаточно «демократическая» и эффективная в решении проблем, в том числе, тех же солдаток.

Фруменкова Т.Г.

Постановка вопроса о преобразовании сиротских учреждений в Петроградском воспитательном доме в 1917 г.

Современники не даром сетовали на разрозненность в работе воспитательных домов – двух столичных сиротских учреждений. Если в Москве в 1917 г. работали две серьезные комиссии, составившие как масштабный проект переустройства всей системы призрения детей-сирот, так и конкретный план насущных изменений в самом воспитательном доме, то в Петербурге были заняты текущими делами. Вопрос о назревших преобразованиях сиротских учреждений возник случайно.

¹ Там же. Д. 101. Л. 21, справка комиссии по благотворительности для распорядительного отделения городской управы от 24/25 ноября 1917 г.

Поводом послужило письмо одного из бывших воспитанников, фельдшерского ученика 64-го сводного госпиталя Ивана Гадовича, адресованное «г. Министру воспитательного дома». Оно было послано из Воронежа 15 апреля 1917 г. и попало в руки комиссару Временного правительства М.М. Ичасу, курировавшему воспитательный дом.

Автор письма интересовался, в каком положении будут находиться воспитательные дома при новой власти. «Неужели несчастные дети останутся в том положении, как и при старом правительстве? Еще будучи грудными, они попадали в деревни к грубым воспитателям, которые брали их не ради чувства жалости и оказания приюта, а из-за материальных выгод, получая по 3 руб. ежемесячно. Ребенок растет, не видя той ласки, каковую оказывают воспитатели своим детям. Дикие взгляды, пинки, клочки и т.п. – все тревожит до слез молодое сердце, и приходится расти дичком. В школьном возрасте не дают окончить школу, принуждая работать по хозяйству. Окружные надзиратели (врачи) мало касались их быта. Ребенок подрастает, а что впереди? Для мужчин – военная служба, а после куда? Девушки, если не выйдут замуж, то где же они будут?» – восклицал недавний воспитанник. Далее он поведал о том, что происходит, если ребенка находит и забирает к себе отец. По фамилии автора (не знавшие родителей воспитанники получали отчество и фамилию, образованные от имени крестного отца – Т.Ф.) можно предположить, что он передает свою житейскую ситуацию. Отец может усыновить ребенка, начинает его учить, но «вдруг через 2 – 3 года умирает, и усыновленный остается без цели и средств, – что тут делать? Отец – отставной чиновник, усыновленный обращается с просьбой в Министерства финансов, юстиции, но всюду отказ в помощи на «законных основаниях». Недоучку никуда не берут, ремесла не знает, и что же делать, быть бродягой?»¹.

Само появление подобного письма-вопля бывшего воспитанника может служить символом революционного времени. Это первое и пока единственное обнаруженное обращение подобного рода к властям. Письмо переслали исполнявшему должность директора Петроградского дома главному врачу И.А. Климову.

Вскоре доктор в свою очередь направил на имя М.М. Ичасы ответное заявление. Вероятно, он положил в основу своего краткого ответа документы, скорее всего, хранившиеся в правлении воспита-

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2339. ЛЛ. 3 – 3 об.

тельного дома. Вслед за разъяснениями И.А. Климова в деле располагаются бумаги, имеющие общий заголовок «К проекту преобразования воспитательных домов». Так озаглавлен целый комплекс отчетных документов и проектов, подготовленных сотрудником Мариинского ведомства Н. Ганзенем. Чиновник занимался этой проблемой более 10 лет – с 1905 до 1916 г. Его материалы отличаются эмоциональной насыщенностью. Заметно, что их автор безуспешно пытался пробить стену ведомственного равнодушия. Н. Ганзен также составил «схему проекта преобразования воспитательных домов». Характерно, что сословный подход к детям в документах не упоминается.

Бумаги Н. Ганзена в рамках архивного дела оказались, по сути, приложением к заявлению доктора И.А. Климова. Может быть, это была изначальная задумка самого временного директора. Однако возможен и другой вариант. На его пояснительном заявлении сохранилась резолюция, написанная простым карандашом, требовавшая «по объяснению и.о. директора» представить подробный план¹ (видимо, проект реформы сиротских учреждений). Документы Н. Ганзена доктор мог использовать в качестве подобного плана. Так или иначе, история с составлением плана развития не получила, тем более, что оба участника деловой переписки вскоре лишились своих должностей.

Бумаги Н. Ганзена были подготовлены гораздо раньше и, как уже отмечалось, И.А. Климов мог воспользоваться ими при составлении своего заявления, так что анализ представлений петербургских чиновников и специалистов о положении воспитательных домов и предложений по реформированию существовавшей системы резонно начать с его трудов.

В 1905 – 1906 гг. Н. Ганзен по поручению начальства объехал десятки округов обоих воспитательных домов. В 1907 – 1912 гг. он побывал в ряде стран Европы и изучил новые формы принципы призрения сирот, участвовал в работе международных конгрессов по вопросам охраны материнства и детства. Чиновник не раз представлял свои материалы влиятельным руководителям ведомства, но не встретил понимания подавляющего большинства из них. Вопрос о преобразовании воспитательных домов так и не сдвинулся с мертвой точки. Последние подготовленные Н. Ганзенем отчеты и проекты датированы 14 декабря 1916 г.

¹ Там же. Л. 6.

Основное содержание отчетов Н. Ганзена составляет филиппика против системы сельских округов и сетования по поводу деревенских воспитателей. Доказывая необходимость коренного реформирования этой системы, автор приводит убийственные цифры и факты¹.

Главным «препятствием для улучшения дела в деревенских округах многие сотрудники воспитательных домов считали «непомерно низкую плату за воспитание». В 1905 г. Н. Ганзен заикнулся о необходимости повысить плату воспитателям в разговоре с почетным опекуном Петербургского дома Н.П. Броком. В ответ генерал с негодованием воскликнул: «Нельзя прибавлять этим... (отточие в тексте – Т.Ф.) ни гроша, – все в кабак пойдет!» Заявление опекуна озадачило автора отчета: «Казалось бы, что такой пример должен был исключить возможность передачи этому населению вскармливания и воспитания детей. Но вывоз питомцев увеличивается! И иных мер не принимают. Тогда и отношение к деревенским воспитателям должно быть иным»². Чиновнику центрального ведомства пришлось заступиться за сельских воспитателей. Среди кормилиц он встретил немало самоотверженных и бескорыстных женщин. Проблемы же с деревенскими воспитателями находились в прямой связи с непомерно низкими тарифами. Вскармливать детей за мизерную плату соглашались лишь обитатели «бедных лачуг», «голь пережатая».

В результате воспитательные дома к 1917 г. плохо выполняли свою первую задачу – сохранение жизни детей. Главное управление Мариинского ведомства многие годы не повышало плату деревенским воспитателям, ссылаясь на отсутствие средств, зато нашло деньги на введение не предусмотренной уставом домов платы матерям, определявшим своих детей в воспитательный дом, но соглашавшимся кормить их. Выплаты таким матерям вдвое и втрое превышали суммы, которые полагались деревенским кормилицам. В Петербурге к 1917 г. этим пособием пользовались 11095 женщин, что Н. Ганзен считал «институтом поощрения внебрачного сожительства». Это еще более затруднило положение деревенских округов. Их население роптало и обвиняло администрацию ведомства в «эксплуатации деревни». Окружным надзирателям с трудом удавалось успокаивать «бабы бунты» обещаниями скорых «прибавок».

¹ Там же. ЛЛ. 48 – 50, 99, 113.

² Там же. ЛЛ. 45 – 46.

Деревенские старухи заявляли: «Гуляйте, девки, начальство за это награду дает!»¹.

Итак, с первой задачей – сохранением жизни детей – одинаково плохо справлялись в обоих домах. Зато в Москве лучше выполняли вторую задачу – готовили питомцев к самостоятельной трудовой жизни. В округах Московского дома в 1905 г. около 3000 воспитанников обучались ремеслу. Многие из бывших питомцев-ремесленников стали впоследствии хозяевами мастерских и охотно брали к себе на выучку младших питомцев. Только в одном из Московских округов таких мастеров было 11, и от посещения их мастерских Н. Ганзен вынес хорошее впечатление. Наиболее способные московские воспитанники могли получить среднее и высшее образование². В Петроградском же доме даже к 1917 г. ремеслу обучалось «ничтожное число» воспитанников – всего 299 человек, 75 из которых изучали «полотерное ремесло». «Немногих избранных к профессии выводят в полотеры!» – горько острит Н. Ганзен³. Таким образом, прожектор беспощадно критиковал руководство воспитательных домов, особенно Петроградского, и даже Мариинского ведомства.

«Схема проекта преобразования воспитательных домов», предложенная Н. Ганзеном содержала революционные элементы, но в целом не отличалась радикальностью. По его убеждению, естественное право на жизнь требует государственного или общественного призрения подкидышей, круглых сирот, а также внебрачных детей. «Безусловный прием» воспитательными домами «на полное свое попечение должен быть сохранен только для первых двух категорий детей, доставляемых через полицию», как это делается во многих европейских странах.

Условный (платный) прием открывался для питомцев третьей категории, кроме тех случаев, когда установлены: 1) полная имущественная несостоятельность матери и 2) невозможность взыскания денежной помощи от отца ребенка (по добровольному соглашению или по суду)⁴. Бесплатный прием детей несостоятельных матерей обуславливался, во-первых, поступлением матери «в грудные отделения кормилицей своего ребенка». Она должна была оставаться в

¹ Там же. ЛЛ. 54 – 55.

² Там же. ЛЛ. 53, 78.

³ Там же. ЛЛ. 80 – 81, 109.

⁴ Там же. Л. 24.

доме, по меньшей мере, еще на такой же срок вольнонаемной кормилицей с жалованием. Во-вторых, мать с ребенком могла отправиться за счет воспитательного дома на срок кормления в крестьянскую семью, которая давала ей приют и получала «приплату» от дома. Мать с малышом могла также поступить в «трудовой приют для матерей». Там она получала помощь и отработывала ее в мастерской или на молочной ферме¹. От кормления ребенка мать могли освободить только болезни. Очень редко, только по особо уважительным причинам, мать могла кормить внебрачного ребенка у себя дома под строгим контролем и с небольшой помощью от воспитательного дома.

Главное условие существования грудных отделений воспитательного дома – децентрализация. Их следовало устроить за городом в виде колоний, состоящих из небольших отдельных хозяйств. Для улучшения ухода за младенцами, матерями и кормилицами был нужен «более значительный» и хорошо обученный «низший персонал», поэтому предлагалось расширить школу нянь при Петроградском доме².

Проект Н. Ганзена не предполагал отказа от деревенских округов. К вывозу без матери допускались только младенцы, переведенные на смешанное вскармливание и самые крепкие из искусственников. К городским и сельским воспитательницам детей, переведенных на коровье молоко, можно было предъявлять более высокие требования. Они должны были иметь своеобразные рекомендации, для них предусматривались просветительские меры (печатные наставления, книги по гигиене, курсы и др.). За деревенскими питомцами следовало усилить наблюдение и контроль.

Предполагалось также устранить недочеты в школьном образовании деревенских воспитанников: выдавать воспитателям деньги на зимнюю одежду и обувь, расширить программу школ, обращать внимание на детей с «выдающимися способностями» и содействовать получению ими среднего и высшего образования. Для безместных (нередко трудных) детей нужны были «временные испытательные приюты», а также исправительные приюты и «исправительные колонии земледельческого типа». Из увечных воспитанников плани-

¹ Там же. ЛЛ. 25 – 26.

² Там же. ЛЛ. 27 – 30.

ровалось выделить трудоспособных, а остальных содержать «в специальных учреждениях ведомства»¹.

Проект Н. Ганзена, как уже отмечалось, был завершен к концу 1916 г., когда война уже расшатала устои прежней системы призрения детей, но революция еще не успела добить ее. Исполнявшему должность директора Петроградского дома И.А. Климову приходилось действовать уже в другой, революционной обстановке. В своем заявлении, подготовленном весной 1917 г., он сообщил, что из детей, принятых в воспитательный дом и оставшихся в нем до совершеннолетия, умирает до 85 %, из оставшихся примерно 1/10 оказывается увечными, а «остальные в громадном большинстве неподготовленными к трудовой жизни и часто с теми или другими нравственными пороками». И.А. Климов мог позволить себе быть куда более резким и решительным, чем его предшественник. Он с уверенностью заявлял, что цель воспитательного дома остается «недостигнутой, результаты его деятельности получаются самые плачевные, а народных денег при том затрачивается на содержание воспитательного дома масса (около 2 000 000 руб. в год)». Доктор вторил Н. Ганзену и утверждал, что основной причиной провала являлась система «содержания питомцев в округах». Эту систему «при существующих условиях» главный врач считал неправильной, потому что «1) воспитание детей в физическом и нравственном отношении передается малокультурным семьям крестьян, 2) установление правильного контроля над деятельностью деревенских воспитателей оказывается невозможным». Наибольшая смертность детей, принятых на попечение воспитательного дома, падала на время «отправки из грудных отделений дома (Мойка, 52) в округ и на первый месяц пребывания их там. В указанный период времени умирает половина всех отправленных в округа. Такая непомерно высокая смертность зависит именно от того, что для питомцев в нежном грудном возрасте создаются самые неблагоприятные условия существования в бедных невежественных крестьянских семьях»². И.А. Климов, на этот раз заочно полемизируя со своим предшественником Н. Ганзеном, предлагал полностью отказаться от отправки питомцев в крестьянские семьи: «Реорганизация системы отправки детей в округа при наличных условиях не принесет желаемых результатов по следующим соображениям. Пока крестьянская семья не повысится в культурном

¹ Там же. ЛЛ. 31 – 36.

² Там же. ЛЛ. 4 – 4 об.

отношении, до тех пор крестьяне не могут быть хорошими воспитателями, и усиление надзора за ними делу абсолютно не поможет»¹. Повышение платы воспитателям, по его мнению, дела также не улучшит, оно приведет, как «показывает опыт, лишь к созданию нежелательного «питомнического промысла», когда интересы ребенка отступят на задний план, а выдвинутся вперед личные расчеты воспитателей»².

На протяжении последних лет, по мнению руководителя воспитательного дома, существование округов «обрекается самой жизнью на уничтожение». С развитием промышленности и отхожих промыслов у крестьянских семей падает желание брать детей на воспитание, причем недавнее (в 1916 г. – Т.Ф.) увеличение платы не только не повысило числа деревенских воспитателей, но не повлияло даже на постоянное сокращение их числа. Приезд в воспитательный дом деревенских кормилиц в 1917 г. совершенно прекратился. Воспитатели все чаще отказывались держать у себя детей и возвращали их окружным врачам и надзирателям, которым приходилось зачислять таких воспитанников в категорию безместных.

Между тем, грудные отделения дома требовали «постоянного оттока питомцев», так как иначе, по словам доктора, «происходит перегрузка этих отделений питомцами, увеличивается смертность, так как создаются благоприятные для заболеваемости и смертности условия. Эти явления как раз приходится наблюдать в настоящее время, когда при значительном приносе детей почти прекратилась отправка их в округа»³.

Признавая несостоятельность системы отправки детей в округа, невозможность внести в нее существенные изменения в условиях 1917 г., главный врач утверждал, что «система отправки детей в округа может быть сохранена только для таких случаев, когда встречаются культурные семьи, желающие взять питомцев на воспитание, а для остальных случаев необходимо создать особые колонии для питомцев. Такие колонии должны находиться недалеко от столицы, занимать обширную площадь земли. В этих колониях должны быть устроены «детские питомники», приюты-семьи и пр. Кроме того, здесь же должны быть общеобразовательные школы и все виды обучения сельскому хозяйству – огородничеству, птицеводству и т.д. К

¹ Там же. Л. 4 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 5.

устройству подобных трудовых колоний необходимо приступить безотлагательно текущим летом (летом 1917 г. – Т.Ф.)»¹.

Таким образом, в Петроградском доме вопрос о преобразовании сиротских учреждений возник относительно случайно. Инициатором проблемы стал один из бывших воспитанников, поставивший перед новыми руководителями ведомства вопрос о будущем воспитательных домов. В ответ на переданное ему начальством письмо недавно питомца исправлявший должность директора главный врач дома И.А. Климов представил руководству комплекс документов, ранее подготовленных служащим Ведомства учреждений императрицы Марии Н. Ганzenом. Составленные им отчеты содержат факты, доказывающие, что реформирование воспитательных домов запоздало, по крайней мере, на несколько десятков лет в значительной степени благодаря равнодушию, неспособности и нежеланию руководителей Мариинского ведомства улучшить положение детей-сирот. Чиновник резко критиковал сложившуюся к 1917 г. систему призрения, но серьезно изменить предлагал только организацию призрения новорожденных. Опираясь на сведения Н. Ганzenа и отталкиваясь от них, доктор И.А. Климов занял пессимистическую позицию. Революционные события, затронувшие и Мариинское ведомство, привели его к убеждению о недееспособности системы воспитательных домов. И.А. Климов склонялся к необходимости ее радикального реформирования. Вскоре революционная волна смыла и самого доктора с поста руководителя воспитательного дома. Прежняя система в 1917 г. начала очень быстро разваливаться, и преобразования стали неизбежными.

Фруменкова Т.Г.
Доктор И.А. Климов и Петроградский
воспитательный дом в 1917 г.

Доктор Иван Александрович Климов родился в 1865 г., в 1887 г. окончил Медико-хирургическую академию, стал военным врачом, но служил по гражданскому ведомству – сначала в детской больнице принца П.Г.Ольденбургского, затем в Казанском университете. В 1898 – 1899 гг. находился в заграничной командировке, в 1901 г. перевелся врачом в Петербургский Александровский женский институт, а в 1902 г. стал заведовать лечебной станцией для воспитан-

¹ Там же. ЛЛ. 4 об. – 5 об.

ниц в Гапсале. 1 сентября 1911 г. И.А.Климов был назначен главным врачом Петербургского воспитательного дома¹. К 1917 г. был доктором медицины и имел чин статского советника. В РНБ хранится одна его монография, подготовленный им отчет о работе детской амбулатории Казанской земской больницы за 1897 – 1898 гг., одна брошюра и отдельные оттиски трех статей, опубликованных в специальных журналах². Все обнаруженные публикации относятся к раннему, казанскому периоду деятельности И.А. Климова.

Драматическую роль в судьбе доктора И.А. Климова, как и в судьбах многих его сограждан, сыграл 1917 г. Вскоре после Февральской революции директор воспитательного дома П.Н. Исаев объявил себя больным, и директорские обязанности 11 марта 1917 г. были возложены на доктора И.А. Климова, который на революционной волне был избран коллегами главным врачом³. На протяжении чрезвычайно важного, переломного полугодия он совмещал должность главного врача и директора и нес ответственность как за медицинские, так и за административно-хозяйственные вопросы деятельности огромного учреждения. На него и других руководителей дома навалилась масса повседневных дел, как обычных, так и необычных.

Изменилась административная система, в которую включались столичные воспитательные дома. 7 марта 1917 г. было подготовлено «распоряжение комиссаров Временного правительства по учебным заведениям и учреждениям бывшего ведомства императрицы Марии». Комиссар Исполнительного комитета Государственной Думы Е.П. Ковалевский и его заместитель М.М. Ичас извещали, что «по постановлением Совета министров от 4 марта сего года ведомство передано в ведение Министерства народного просвещения с назначе-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1369. ЛЛ. 1 – 8, 33.

² *Климов И.А.* 1) О проводящих путях мозжечка (экспериментальное анатомическое исследование). Казань, 1897; 2) О связи мозжечка с ядром плазмодвигательного нерва. Предварительное сообщение... (отд. оттиск из «Врача». 1896. № 37). СПб., 1896; 3) О патологических изменениях нервных клеток сердечных узлов при дифтерийных параличах сердца... (отд. оттиск из журнала «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии»). СПб., 1898; 4) Заметка о 100 случаях сывороточного лечения дифтерии в Казанской губернской земской больнице (отд. оттиск из «Дневника общества врачей. 1898. Вып.1). Казань, 1898; 5) Преддверная ветвь слухового нерва и ее так называемые первичные центры. Казань, 1899; 6) Казанская губернская земская больница. Отчет. Казань, 1899.

³ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1369. Л. 184 об.

нием для временного управления при нем особых комиссаров»¹. Постановлением Временного правительства от 12 мая 1917 г. Ведомство учреждений императрицы Марии было включено в состав Министерства государственного призрения². 17 мая комиссары Е.П. Ковалевский³ и М.М. Ичас сложили свои полномочия и вскоре покинули столицу. До конца директорства И.А. Климова сменились 4 министра.

В ведении исполняющего обязанности директора находились прием на работу и увольнение со службы, перемещения, отпуска, командировки. Весной 1917 г. вслед за директором уволились многие прежние должностные лица: 22 марта Главное управление ведомства учреждений императрицы Марии уведомило его, что управлявший воспитательным домом почетный опекун генерал от инфантерии Брок был освобожден от должности «согласно его просьбе»⁴. Вскоре был расформирован и сам опекунский совет. 27 апреля комиссар Государственной думы дал согласие на представленное И.А. Климовым заявление главной надзирательницы Е.А. Люфнер об увольнении по собственному желанию. Для приема находившихся в ее ведении «белья детского, кормиличного и материалов для постройки такового» была создана специальная комиссия. Ее сменила Н.И. Каттани⁵. 12 мая временный директор объявил, что по распоряжению комиссара от 5 мая помощник директора Петроградского дома И.В. Пороховников, согласно прошению, уволен от службы, а на его место был переведен неперменный член Витебской губернской землеустроительной комиссии К.Г. Доппельмайер⁶. Так к началу мая 1917 г. сложилась группа администраторов, с которыми доктору предстояло проработать до начала осени.

В день своего назначения и.о. директора объявил о проведении «организационного заседания правления вместе с депутатами от групп служащих и кормилиц дома по вопросу о полном переустройстве воспитательного дома на новых началах»⁷. Однако 18 марта он сообщил подчиненным постановление Временного правительства о

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2227. Л. 13; Д. 2354. Л. 3.

² Там же. Д. 3767. Л. 1.

³ Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 256.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 24.

⁵ Там же. ЛЛ. 35, 43.

⁶ Там же. Л. 42.

⁷ Там же. Л. 15.

порядке определения на должности, которое должно было производиться указами правительства и начальства подведомственных ему учреждений. Таким образом, работой воспитательного дома по-прежнему должен был руководить директор вместе с правлением из высших чиновников. Тем не менее, совет делегатов от 13 групп служащих, сформированный по профессиональным признакам с учетом пола работников (имелись, например, депутаты от врачей-мужчин и врачей-женщин, от мужской и женской прислуги) был создан¹ и работал как совещательный орган, обладавший правом инициировать различные предложения и требования. С участием депутатов работали медицинский совет и хозяйственный комитет дома. По инициативе депутатов и.о. директора, в частности, 16 марта своим приказом установил дежурство на кухне, а 7 мая усилил контроль за распределением продуктов². 30 марта, опираясь на решение съезда врачей и надзирателей И.А.Климов выступил с инициативой увольнения «чиновника особых поручений при бывшем почетном опекуне г. камергера А.Г. фон Лауделя, потому что он проявляет неблагоприятные и нечестные поступки», по просьбе кормилиц и низших служащих добился выделения средств на проведение бесплатных просветительских лекций³. 15 мая правление во главе с и.о. директора поддержало мнение «совета делегатов, управляющего... домом» об увеличении сумм на содержание летних детских яслей для деревенских воспитанников в страдную пору. Значительная часть запрошенных сумм была отпущена. На протяжении 1917 г. делегатское совещание обсуждало подготовленный И.А. Климовым проект реформы воспитательных домов⁴.

Революция всколыхнула в первую очередь низших служителей дома, привела к тому, что они осознали свое бесправное положение и начали борьбу за его улучшение. Вероятно, ответной реакцией послужило объявление, подписанное И.А. Климовым 20 марта. И.о. директора сообщал, что, во-первых, «кормилицы грудных отделений дома штрафу впредь не подлежат». Во-вторых, «кормилица, поступившая в грудное отделение со своим ребенком, после отправления оного в округ или смерти его должна оставаться в воспитательном

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3964. ЛЛ. 131 – 131 об.

² ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 18.

³ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2339. ЛЛ. 1 – 2, 6 – 6 об.; Оп. 67. Д. 182. ЛЛ. 1 – 2 об.

⁴ Там же. Оп. 67. Д. 180. ЛЛ. 1 – 7; Д. 216. Л. 5 об.; Оп. 46. Д. 3960. ЛЛ. 165 – 166.

доме для кормления чужого ребенка в течение одного только месяца»¹ (ранее ей полагалось прослужить в доме не менее полугода).

Участие работников дома в управлении и определенная демократизация режима работы при И.А. Климове, видимо, способствовали тому, что в Петроградском воспитательном доме не было волнений служащих, которые произошли в Московском доме. Тем более грозно прозвучало здесь представленный и.о. директора циркуляр Министерства народного просвещения от 27 апреля, адресованный «местным начальствам заведений ведомства учреждений императрицы Марии». Циркуляр категорически запрещал собраниям служащих выносить «постановления о смещении лиц учебно-воспитательного и административного персонала». Министр народного просвещения по представлению комиссаров заявлял: «Подобные самочинные действия недопустимы в правовом государстве и не соответствуют принципам свободы и неприкосновенности личности»². Обоснованные жалобы на отдельных должностных лиц полагалось направлять по инстанциям.

Волнений и забастовок в Петроградском доме весной и летом 1917 г. не было, но и в нем наблюдалось характерное для революционных периодов падение дисциплины и рост числа правонарушений. Участились мелкие кражи. 17 мая И.А. Климов получил донесение аптекаря о том, что в ночь с 15 на 16 мая из рецептурной комнаты аптеки были украдены настольные часы в деревянном футляре, в столах выдвинуты ящики, вещи разбросаны. 27 июля его известили, что у 20-летней служительницы из воспитанниц Ольги Федоровой ночью украли белые туфли. Вахтер заподозрил в краже безместных питомцев и в присутствии «старшей девушки А.М. Чугуновой» произвел обыск в их комнате, однако похищенного найти не удалось³. И.о. директора поручил расследовать оба случая полицеймейстеру дома.

И.А. Климову, как директору, приходилось бороться с нарушителями дисциплины, в роли которых, как правило, выступали низшие служители и особенно кормилицы. Так, 24 августа правление дома под его председательством объявило служительнице из воспитанниц Клавдии «за ее самовольный поступок строгий выговор (подчеркнуто в тексте – Т.Ф.) с предупреждением, что она будет от-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л. 23.

² РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 4030. Л.27; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. Л.37.

³ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 935. ЛЛ. 24, 34.

правлена в округ, если будет еще раз замечена в недобросовестном отношении к своим обязанностям по службе»¹. 31 августа И.А. Климов подписал постановление хозяйственного комитета, согласно которому «запрещаются всем служителям без исключения с их детьми прогулки, сборища, игра на балалайках во дворах дома после 10 часов вечера, а также запрещается безусловно всякая карточная игра»².

Кормилицы были одной из главных проблем воспитательных домов на протяжении всей их истории. В начале XX в. в кормилицы поступали самые бедные женщины из низших слоев городского и сельского населения, имевшие грудных детей, чаще рожденных вне брака. Большая часть этих женщин, мягко говоря, не отличалась хорошим воспитанием и высокой нравственностью. К тому же, кормилиц постоянно не хватало и их, как уже отмечалось, старались удерживать разными способами и выгоняли только совсем отпетых. В революционном 1917 г., когда старые порядки рушились, а дисциплина в доме расшаталась, проблемы с кормилицами приобрели еще более острый характер. И.А. Климову пришлось заниматься их решением и как временному директору, и как главному врачу, которым он оставался до осени 1918 г. Так, по сообщению врача Осиповой, представленному И.А. Климову 17 августа 1917 г., находящаяся в 5-й палате лазарета кормилица Антонина Бойко «держит законного ребенка Клавдию Бойко, у которой оказывается перелом левой плечевой кости». По словам других кормилиц, мать часто била ребенка. Их товарка, Е. Николаева, не только била несчастную малышку, но и «прищемила раз руки Клавдии Бойко ящиком табуретки и в то же время била по спине». Е. Николаева «посадила Клавдию на табуретку, откуда та упала». Мать же девочки редко бывала в палате, в результате «Клавдия Бойко не становится на ножки и не ходит, уход за ней очень плохой». Получив эту информацию, доктор И.А. Климов потребовал представить жестоких и нерадивых женщин в один из коллегияльных органов дома³.

1 сентября еще одна кормилица бежала из дома, оставив своего ребенка. В октябре 1917 г. полицеймейстер дома по данным, представленным главным врачом и недавним директором, сообщал в милицию Казанского района, что крестьянка Олонецкой губернии Фев-

¹ Там же. Д. 934. Л. 66.

² Там же. Л. 69.

³ Там же. Д. 935. ЛЛ. 37 – 37 об.

рония Александрова Бараева «выпущена из дома» вместе со своим ребенком «за дерзкое и грубое поведение, за неоднократное оскорбление фельдшер и надзирательниц». К донесению прилагался паспорт исключенной женщины. Тогда же другая кормилица, отпущенная из дома на три часа, не вернулась и на третий день. Она ушла из дома в казенной одежде, бросив своего ребенка. В ноябре 1917 г. поступило донесение вахтера о двух подравшихся кормилицах¹.

Вопросы уголовного и дисциплинарного характера и.о. директора приходилось решать на фоне глубоких и сложных социально-экономических проблем. В связи с инфляцией, или, как в 1917 г. было принято говорить, «дороговизной», заложенного в смету финансирования не хватало для обеспечения нужд питомцев и служащих всех рангов, и И.А. Климову приходилось «выбивать» дополнительные средства для того, чтобы воспитанники, воспитатели, медики, чиновники и обслуживающий персонал могли хотя бы сколько-нибудь сносно существовать. Сверхсметное финансирование удавалось получить далеко не всегда. Возникли серьезные проблемы с продовольствием, пришлось наладить строгий учет распределения продуктов питания под контролем представителей различных групп служащих. «Дороговизна» привела к тому, что начала рушиться система распределения грудных воспитанников в деревенские округа дома, в которых под надзором окружных надзирателей-врачей их вскармливали и воспитывали в крестьянских семьях за определенную плату. Плата за питомцев в связи с инфляцией оказалась ничтожной, крестьяне начали возвращать детей окружным врачам и перестали приходить в воспитательный дом за новыми детишками, поступление которых не уменьшалось. Лишь в конце августа И.А. Климову удалось добиться от Министерства государственного призрения постановления об увеличении с 1 сентября платы за воспитание питомцев школьного возраста, но оно уже не смогло переломить ситуацию. Резко выросло число так называемых «безместных питомцев», то есть детей – от новорожденных до подростков, – либо не взятых крестьянами-воспитателями, либо возвращенных от них.

В результате 11 сентября и.о. директора сообщал начальству, что воспитательный дом, не имея «возможности за неприбытием из округов деревенских воспитателей, желающих принять к себе на воспитание детей из грудных отделений, возраст которых требует уже вспомогательного вскармливания, вынужден особо интенсивно

¹ Там же. ЛЛ. 42, 45, 48.

занияться приготовлением для этих детей продуктов питания (коровьего молока и других суррогатов), кроме того, работа в приготовлении последних еще увеличивается за отсутствием в доме молочных кормилиц». Эта работа требовала специальной подготовки, и И.А. Климов предложил внести в штат дома новую должность заведующего молочной кухней с жалованием 1800 руб. в год «при казенной квартире и со столом натурой». Работающим на кухне 4 фельдшерикам предлагалось увеличить оклад¹.

Нужно было позаботиться и об устройстве безместных питомцев более старшего возраста. У некоторых из окружных надзирателей к концу лета скопилось до 20 питомцев от 1 года до 8 – 9 лет. Окружные надзиратели в своих письмах в адрес администрации дома считали предпочтительным «устраивать таких детей в особых колониях наподобие тех, о которых уже не раз подымался вопрос в делегатских совещаниях..., о которых упоминается в подготовленном И.А. Климовым проекте реформы воспитательных домов... и об устройстве которых он уже возбудил ходатайство». В августе – сентябре 1917 г. под руководством и.о. директора дома были составлены и проекты таких многофункциональных колоний примерно в том виде, в котором они и будут созданы в советский период. 19 сентября товарищ министра утвердил решение об открытии первой колонии².

Таким образом, сама жизнь заставляла доктора И.А. Климова и руководителей тех министерств, в которые входили воспитательные дома, искать новые решения проблем призрения детей, оставшихся без попечения родителей. Еще весной 1917 г. он призвал к объединению всех специалистов, занимавшихся делом призрения. Это дело, по его убеждению, должно находиться «в руках врачебно-санитарной организации». 17 апреля 1917 г. в воспитательном доме по инициативе И.А. Климова состоялось собрание врачей, служивших «в бывшем Мариинском ведомстве и бывшем Императорском человеколюбивом обществе». Собрание заслушало и, вероятно, одобрило программу, предложенную главным врачом и и.о.директора Петроградского воспитательного дома. По его убеждению, объединение врачей должно было иметь «представительство в центральном ведомстве с правом решающего голоса», а также в совете общего союза врачей, врачебных съездах и т.д. В рамках объ-

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 2324. ЛЛ. 1 – 8.

² Там же. Оп. 67. Д. 216. ЛЛ. 1 – 18.

единения предполагалось создать кассы взаимопомощи, суды чести и «примирительные камеры», проводить научные заседания, издавать труды и отчеты. «Для ведения дел» И.А. Климов предлагал «выделить делегатский совет», который должен был стать «представительным органом всех заведений по представлению в центральное ведомство». Ближайшей задачей объединения доктор считал выработку его устава и пересмотр штатов воспитательных заведений, которым, по его мнению, должна быть предоставлена «автономия и внутреннее управление на коллегиальном выборном начале»¹. Такая организация врачей была создана и продолжала существовать в 1918 г.

В те же дни по запросу комиссара М.М. Ичаса доктор И.А. Климов представил ему имевшиеся в Петроградском доме наработки, связанные с проектом преобразования воспитательных домов. Вероятно, эта переписка послужила дополнительным толчком для дальнейшей работы над проектом. Во всяком случае, летом 1917 г. и.о. директора представил в Министерство государственного призрения «проект реформы воспитательных домов, принятый делегатским совещанием Петроградского воспитательного дома в ряде заседаний с 14 марта по 16 июня с.г.»². Краткое изложение общих идей этого проекта удалось обнаружить только в личном деле И.А. Климова в виде резолюции, принятой «общим собранием по проблемам первой секции» какого-то совещания. Скорее всего, это совещание «по беспризорности», в котором доктор принимал участие 17 июля 1917 г. Резолюция заявила, прежде всего, о «необходимости охраны материнства и младенчества», об организации государственного попечения и патронажа над матерью и ребенком. Участники совещания потребовали также «правильной постановки учреждений» охраны матери и ребенка. Они признавали, что «столичные воспитательные дома и провинциальные приюты для подкидышей в настоящем своем виде совершенно не отвечают возложенным на них задачам, из которых первая есть сохранение жизни младенцев». Совещание посчитало «необходимым безболезненную и постепенную ликвидацию этих учреждений и коренную реорганизацию всего дела призрения на принципах охраны материнства и младенчества — предпочтительно с применением системы открытого призрения и семейного воспитания». Его участники заявили, что «кормиличный промысел

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1369. ЛЛ. 154 – 156.

² Там же. Л. 165.

как явление безнравственное и социально несправедливое не может быть терпимо. В число задач по охране материнства и младенчества должна быть включена также и забота об удовлетворении неизбежной в жизни потребности некоторой категории детей в грудном молоке чужой матери при условии соблюдения интересов всех заинтересованных сторон». Наконец, они посчитали, что Министерство государственного призрения должно «немедленно приступить к планомерному развитию своей деятельности и к созданию путем законодательного творчества тех социально-экономических условий, которые необходимы для разрешения задач охраны материнства и младенчества»¹. Таким образом, соображения, представленные И.А. Климовым в апрельском письме к М.М. Ичасу через несколько месяцев получили более категоричное и вместе с тем слишком общее и расплывчатое воплощение в резолюции июльского совещания.

15 сентября 1917 г. Главное управление ведомства учреждений императрицы Марии уведомило, что «согласно прошению главный врач дома доктор медицины И.А. Климов освобожден от исполнения обязанностей директора дома. Исполнение обязанностей директора возложено на профессора Женского педагогического института С.И. Созонова»². Документы не разъясняют причины увольнения И.А. Климова с одной из его должностей. Возможно, уже тогда начался его конфликт с коллегами и подчиненными.

Главным врачом Петроградского воспитательного дома, в 1918 г. переименованного в Дом защиты детей, И.А. Климов оставался еще больше года. 11 ноября 1917 г. он также был избран профессором Психоневрологического института по кафедре детских болезней. Приказ об его избрании подписал академик В.М. Бехтерев³.

В качестве главного врача И.А. Климов в ноябре 1917 г. принимал участие в собраниях служащих, попытавшихся противостоять советской власти в лице «народного комиссара по Министерству государственного призрения» А.М. Коллонтай⁴. Однако сотрудники вскоре подчинились новой власти и выбрали по ее требованию административно-хозяйственный комитет, товарищем председателя которого стал И.А. Климов. Он был весьма востребованным администратором. Во всяком случае, главный врач не раз извещал админи-

¹ Там же. Л. 174.

² Там же. Оп. 1. Д. 934. ЛЛ. 73 – 74.

³ Там же. Оп. 3. Д. 1369. Л. 169.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 934 А. ЛЛ. 1 – 5.

стративно-хозяйственный комитет: «Вследствие экстренного приглашения меня в комиссию комитета (к начальству – Т.Ф.), прибыть к началу заседания не могу»¹. Весной 1918 г. ему удалось претворить в жизнь свою прошлогоднюю инициативу и создать в доме «примирительную камеру», на рассмотрение которой передавались, в преимущественно конфликты между низшими служителями и возбуждаемые главным врачом дела «безобразно ведущих себя» кормилиц². 15 июня 1918 г. он был включен в состав комиссии по вопросам устройства безместных питомцев и создания детских колоний, в частности занимался созданием в Лужском уезде колонии в имении Рапти³. С февраля 1918 г. по предложению главного врача и под его руководством разрабатывались устав дома и инструкции для разных категорий служащих⁴. Главный врач включился в обсуждение материалов ревизии дома, проведенной в марте 1918 г. Несогласие с выводами ревизоров, которое разделял И.А. Климов, вызвало конфликт с народным комиссаром Комитета социальной помощи Винокуровым⁵. Он назначал специалистов на медицинские должности, возлагал на них определенные обязанности⁶. 5 апреля И.А. Климов был включен в состав комиссии «для рассмотрения вопроса об улучшении постановки дела осмотра питомцев в округах»⁷. Как главный врач, он ведал организацией надзора за расходом молока на молочной кухне и сгущенного молока, вел учет «детского стола»⁸.

Однако за чередой повседневных забот в 1918 г. И.А. Климова простирают личные проблемы и неприятности, как с новой властью, так и с коллегами по службе. 27 апреля административно-хозяйственный комитет заслушал сообщение главного врача о том, что «к нему явился представитель районной управы и заявил, что занимаемая им квартира реквизируется для нужд управы». Комитет распорядился «просить квартирную комиссию безотлагательно отправиться к народному комиссару, доктору Королеву и в управу и просить о выселении районной управы из помещений воспитательного дома и об отмене предположенной реквизиции квартиры глав-

¹ Там же. ЛЛ. 38, 96.

² Там же. ЛЛ. 32, 80, 90

³ Там же. ЛЛ. 46. 94 об., 100.

⁴ Там же. ЛЛ. 53 – 53 об., 63, 78, 83.

⁵ Там же. ЛЛ. 71, 78, 81.

⁶ Там же. ЛЛ. 73, 76.

⁷ Там же. ЛЛ. 74.

⁸ Там же. ЛЛ. 74 об., 76, 86, 98 об., 100, 112.

ного врача»¹. Удалось ли отстоять служебную квартиру, и куда переехал И.А. Климов после упразднения должности главного врача, документы не сообщают.

В ходе заседания административно-хозяйственного комитета 8 июня было заслушано «заявление председательствовавшего в заседании комитета И.А. Климова о том, что им получена повестка от следственной комиссии при Петроградском революционном трибунале, которой он приглашается немедленно явиться в революционный трибунал для допроса, в виду чего должен оставить заседание и просить выбрать временного председателя»². В материалах ЦГИА СПб сведений о причинах вызова не обнаружено.

Постепенно все более напряженными становились отношения И.А. Климова с другими врачами воспитательного дома, объединившимися в коллегию врачей. Роль профессиональных объединений служащих значительно возросла после Октября 1917 г. Коллегия врачей стала претендовать на ведущую роль в решении медицинских проблем воспитательного учреждения, что явилось основанием для все более обостряющего конфликта с главным врачом. До лета 1918 г. руководители тех советских учреждений, которым дом подчинялся (Комитет государственного призрения, затем – Комитет социального обеспечения), а вслед за ними и административно-хозяйственный комитет, в этом противоборстве находились на стороне главного врача³.

Однако переломным во внутренней жизни дома стали заседания административно-хозяйственного комитета 1 июня. В результате борьбы между коллегией врачей, с одной стороны, и главным врачом и его сторонниками, с другой, в конце мая в течение двух дней остались без осмотра недоношенные дети. Разразился скандал. Стороны обвиняли в случившемся друг друга. Доктор С.И. Василькевич заявил: «При создавшемся уже несколько месяцев назад разрыве товарищеских отношений между коллегией врачей и докторами Климовым и Долинским (сторонником И.А. Климова – Т.Ф.), конечно, не без того, что дело иногда и пострадает. Цель наша в посещении г. комиссара социальной помощи заключалась... и в ревизии этих отношений... Мы имеем здесь две стороны: на одной – доктор Климов и доктор Долинский, на другой – корпорация почти из 30

¹ Там же. Л. 91.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Л. 58 об., 63 об., 70., 73, 76.

врачей. Каждый общественный деятель, а врач есть общественный деятель, если он видит, что из-за него в отдельности страдает дело, которому он служит..., должен уйти в отставку. Во время произнесения мною последней фразы доктор Климов встал и направился к выходу»¹. Пропустив заседание комитета 5 июня 1918 г. «по причине неотложных дел», главный врач принимал участие в его заседаниях, по крайней мере, до конца июня. 6 июля он получил отпуск на месяц. Между тем, коллегия провела перевыборы главного врача, на которых И.А. Климов получил только один голос из 32. В его личном деле сохранилось «мнение комиссии, избранной делегатским советом союза врачей ведомства Комитета социального обеспечения по делу И.А. Климова». Комиссия признала заслуживающими уважения обвинения в адрес главного врача, который, будучи председателем коллегии, по мнению ее членов, «не считался с ее постановлениями и действовал без ее ведома». Получив в ходе перевыборов «вотум недоверия», он счел возможным сохранить должность главного врача. По мнению комиссии, эти обвинения не опроверг и сам И.А. Климов, заявивший, что считает почти всех ее членов «совершенно беспринципными». Новая председательница коллегии, по его убеждению, не соответствует «нравственным требованиям..., недобросовестно относится к обязанностям, коллегиальные и политические взгляды ставит выше интересов дела..., способствует падению дисциплины». Членов коллегии изначально никто не выбирал, и главный врач не посчитал их «правомерными избирателями».

Комиссия заявила, что в сложившихся условиях сохранение «врачебно-общественным деятелем своего поста» является недопустимым. Мнение комиссии 3 августа 1918 г. было принято на заседании совета делегатами Союза врачей. На следующий день, 4 августа, доктор И.А. Климов заболел и вышел на службу только 13 сентября. 18 октября 1918 г. было принято постановление Комитета социального обеспечения «о передаче медицинской части дома защиты детей коллегии врачей с упразднением должности главного врача и об оставлении за штатом занимавшего эту должность доктора Климова»². Трудно разобраться в сути этих споров, но следует отметить, что к осени 1918 г. сменилось руководство Комитета социального обеспечения, а 15 октября были разом уволены «ответственные служащие бывшего правления дома», – по меньшей мере,

¹ Там же. Л. 101, 103 – 105.

² Там же. Оп. 3. Д. 1369. ЛЛ. 184 – 185, 188 – 191, 195.

11 человек, включая заведовавшего домом преемника и одного из противников И.А. Климова доктора С.И. Созонова. Так закончилась служба доктора И.А. Климова в Петроградском воспитательном доме и одновременно завершилась история самого «дореволюционно-го» воспитательного дома.

Колышницына Н.В. Петроградский историко-филологический институт в 1917 г.

Год 1917 в истории, как Петербурга, так и России в целом, – драматический. На сегодняшний день опубликовано значительное количество исторических исследований, мемуаров, сборников документов, отражающих или анализирующих события этого времени. Все происходившее в Петрограде в течение 1917 г. скрупулезно изучено: хлебные бунты, выступления рабочих, студенческие волнения, приход к власти Временного правительства. Однако революционизировались в это время далеко не все сферы жизни, многие организации и учреждения в городе даже на фоне этих бурных событий пытались продолжать свою деятельность в обычном русле, в частности это относилось к некоторым высшим учебным заведениям столицы. Одним из них был Петроградский историко-филологический институт, студенты и преподаватели которого жили достаточно обособленно в силу закрытости учебного заведения, когда студенты постоянно проживали в здании института, находясь на полном казенном обеспечении и в полном подчинении администрации.

Вопросы финансирования учебного заведения, организации учебно-воспитательного процесса, особенности нового приема слушателей и распределения выпускников в 1917 – 1918 гг. нашли достаточное полное отражение в документах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Ф. 53 – Историко-филологический институт) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Ф. 2856 – Педагогический институт при Петроградском государственном университете Наркомата просвещения РСФСР). Итак, как же сказались события 1917 г. на жизни Историко-филологического института?

Вначале рассмотрим экономическую ситуацию. Поскольку молодые люди, желающие посвятить себя преподавательской деятельности, были, как правило, из числа малообеспеченных семей, в закрытом учебном заведении казна брала на себя все расходы по быту

студентов: им предоставлялось удобное жилье, сытый и здоровый стол, библиотека и все учебные пособия, обмундирование. И хотя средний рост цен на продукты питания за период войны (1914 – 1917 гг.) составил около 289 %¹, согласно протоколам Правления института и отчетам эконома, на протяжении всего 1917 г. рацион студентов не менялся: регулярно производились закупки мяса 1-го и 2-го сорта, гусей, рыбы, сливочного и растительного масла, круп, сахара, клюквы, кореньев и овощей². Библиотека регулярно пополнялась новыми периодическими изданиями. Кроме того, «пережитой нами в отчетном году государственный переворот, к счастью, не только не отразился не выгодно на книжном приросте библиотеки, но даже отчасти содействовал тому, что удалось приобрести по весьма сходной цене одно очень хорошо подобранное частное собрание книг по истории, литературе и языкознанию»³. А вот с обмундированием воспитанников дело обстояло несколько хуже. Если воспитанники, поступившие в институт в 1916 г. получили полный комплект обмундирования, то осенью 1917 г. вопрос об обеспечении одеждой вновь поступивших в институт стоял уже остро. В октябре 1917 г. на очередном заседании правления института было принято решение «впредь до выяснения вопроса о том, будут ли выданы из министерства особые средства на обмундировку, которые испрашивались директором еще летом, студентам, поступившим ранее нынешнего года, новое платье не делать, а нужду вновь поступивших студентов в платье удовлетворять хозяйственным способом, именно выдавать им, хотя поношенные, но еще приличные тужурки из числа имеющих в цейхгаузе и пальто, оставшиеся в цейхгаузе от студентов, призванных на военную службу»⁴. Финансовое положение института постоянно ухудшалось. Директору В.В. Латышеву не раз приходилось обращаться за предоставлением субсидий на содержание студентов⁵. И если до февраля 1917 г. кредиты институту выдавали, то впоследствии чаще только обещали. Администрации учебного заведения еще с осени 1916 г. пришлось пойти почти на крайние меры: предоставить часть свободных помещений для общежития студентов Петроградского университета с платой по 15 руб. в месяц с каждого.

¹ Школа и жизнь. 1917. 1 февраля. № 4 – 5. С. 3.

² ЦГА СПб. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 16.

³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 2. Д. 7. Л.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 34 – 35 об.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 125. ЛЛ. 123 – 124; Оп. 13. Д. 220.

Этой платой окупались расходы на отопление, освещение и наем прислуги¹.

Растущая дороговизна сказалась и на материальном положении профессоров и преподавателей института, жалованье которых и так было не велико: инспектор института получал порядка 2 400 руб. в год, профессора – 1 200 руб. В этой связи было принято решение о введении процентных надбавок к содержанию служащих в размере 15 – 30 % от уровня заработной платы². Кроме того, регулярно выдавались пособия на лечение сотрудников института и членов их семей, а также увеличилось вознаграждение нижним служащим.

Уличные беспорядки и перестрелки конца февраля – начала марта 1917 г. практически не коснулись студентов института, внеучебная жизнь которых строго регламентировалась «Правилами поведения для студентов Императорского Историко-филологического института»³. Эти «Правила» обязывали воспитанников посещать все лекции и дополнительные занятия, ограничивали право выхода их из здания – в будние дни можно было выйти с 14 час 30 мин до 16 час и с 18 час до 23 час, в выходные и праздничные дни – с 9 до 23 час. Причем, покинуть институт можно было только со специального разрешения инспектора. Но все же студенты не были полностью оторваны от общественной жизни. В начале марта они подали директору В.В. Латышеву петицию, которая касалась «изложения некоторых частных учебно-экономических и житейского быта студентов»⁴. Студенты требовали кардинального изменения «Правил поведения», в частности, они добивались разрешения проживания на частных квартирах, а также пересмотра Устава 1867 г. в организации управления институтом и реформирования учебной части. Для обсуждения основных положений петиции 16 марта 1917

¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4290. ЛЛ. 1, 3, 4.

² Там же. Д. 4291. ЛЛ. 1 – 3 (Надбавки распределялись следующим образом: при заработной плате до 600 руб. – 30 %, от 600 до 1200 руб. – 25 %, от 1200 до 1800 руб. – 20 % и от 1800 до 2400 руб. – 15 %).

³ «Правила» были утверждены 16 декабря 1867г. Изменения в них вносились в 1871 и 1905 гг., но они не носили глобального характера, регулируя лишь частности студенческого быта: увеличено время, которое можно было проводить вне стен института, разрешено курение, дано право давать уроки в частных домах и т.п.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 2. Д. 7. ЛЛ. 5 – 5 об.

г. была создана специальная комиссия, в состав которой вошли профессор Л.П. Карсавин, А.И. Малеин и Н.М. Каринский¹.

Непосредственным результатом ее работы стало утверждение 22 марта «Временных правил для студентов института»² с 1917/1918 учебного года и до пересмотра Положения об институте³. 16 апреля 1917г. на очередном заседании специальной комиссии под председательством профессора Ф.Ф. Зелинского было признано желательным преобразовать как органы управления института, так и его учебный план. В сфере преобразования органов управления предполагалось расширить состав Конференции института, включив туда преподавателей научных предметов и наставников-руководителей и представителей педагогического совета гимназии при институте. Кроме того, последовательно должно было вводиться и выборное начало для всех преподавателей. Ни одно более или менее важное мероприятие учебного или административного характера с этого момента не могло быть проведено помимо Конференции или Правления института. Касаемо учебной части особая комиссия предложила в виду «большого приспособления преподавания к педагогической цели института, предметы, читаемые в Университете, не дублировать в институте, а давать возможность студентам прослушать их в непосредственно в университете»⁴. Последнее предложение вызвало бурное обсуждение Конференции института и было предложено для более детальной разработки реформы учебной части создать Комиссию в составе профессоров и преподавателей Л.П. Карсавина, А.И. Бороздина, Н.М. Каринского, А.И. Малеина, Н.Н. Томасова, Н.С. Карцова, С.П. Бобина и А.М. Ловягина. Забегая вперед, отметим, что эта идея была претворена в жизнь и закреплена Уставом 1919 г., когда Историко-филологический институт, прекратив свое самостоятельное существование, стал Педагогическим институтом при I Петроградском университете⁵. С этого момента все научные курсы читались в университете, а в институте – только курсы по педагогике и методике преподавания, а также те научные курсы, которые «имеют своей задачей надлежащее научное освещение материала, входящего в программу средней школы».

¹ Там же.

² Утверждены министром народного просвещения 3 июля 1917 г.

³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.

⁴ Там же. ЛЛ. 46 об. – 47.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2856. Оп. 2. Д. 1. ЛЛ. 37 – 40.

Нестабильная политическая и экономическая ситуация, а также продолжавшаяся война (часть студентов старших курсов ушла на фронт) не могли не отразиться и на состоянии учебного процесса. Протоколы заседаний Конференции института за весну-осень 1917 г. рисуют удручающую картину. Довольно частыми весной 1917 г. стали прошения такого рода: «прошу разрешить мне держать экзамен по истории русского языка в августе месяце сего года [1917 г.] в виду того, что я, будучи взят в октябре 1916 г. на военную службу, не имел возможности по возвращении в институт, держать репетицию по этому предмету, так что и теперь не имею возможности держать этот экзамен» (Из прошения студента Н. Милонова)¹ или «возвратясь после тяжелых и кровопролитных сражений в турецкой Армении, оторванный в течение почти двух лет от учебных занятий, я питаю скромную надежду, что Конференция войдет в положение человека, выбитого из колеи его обычной деятельности и даст закончить мне образование в институте, около которого прошли мое детство и юношество» (из прошения студента С. Барышева)². В первой половине 1917 г. в подобных случаях Конференция института всегда шла навстречу таким студентам, однако ситуация стала обостряться, когда прошения о переносе экзаменов на осень стали поступать и от тех студентов, которые не покидали стен учебного заведения. В этих случаях основными причинами неготовности к экзаменам указывались слабость здоровья, расстройство нервов (неврастения), сильное переутомление, недостаток питания, малокровие³. В результате в мае 1917 г. на выпускном IV курсе экзамены смогли сдать только 12 человек из 24. Всем остальным их перенесли на август, а семерым (тем, кто не смог добраться до Петрограда после летних каникул) и на октябрь – ноябрь 1917 г.⁴ Были и такие студенты на III и IV курсах, которые, сдав экзамены, не подлежали выпуску или переводу на следующий курс, так как не провели ни одного урока в гимназии. О судьбе части студентов администрация учебного заведения вообще не имела никаких сведений⁵.

С проблемами из-за неразберихи революционного времени столкнулись те выпускники института, которые направились к месту

¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. ЛЛ. 7 – 9, 13 – 17.

⁴ Там же. Д. 7. ЛЛ. 18 об., 30 об.

⁵ Там же. Л. 30 об.

службы летом 1917 г. Весной 1917 г., как и раньше, Конференция института стала собирать по учебным округам сведения о количестве учительских вакансий для распределения студентов, оканчивающих курс института. Надо отметить, что количество предложенных Министерством народного просвещения свободных учительских мест было довольно значительно – преподаватели истории и географии, русского и латинского языков требовались в 112 учебных заведений империи¹. В большинстве случаев проблем с определением к месту службы не возникало, Министерство по-прежнему оплачивало выпускникам прогонные деньги², но в некоторых случаях стали возникать и проблемы: в части учебных округов некоторые вакансии, представленные в министерство, в закрыли самостоятельно, не сообщая об этом в вышестоящие инстанции. В результате приехавшие к месту службы выпускники института оставались без работы и без средств и вынуждены были самостоятельно искать себе заработок, хотя бы на первое время, либо устраиваться на службу в частные учебные заведения. Особенно тяжело складывалась ситуация в Кавказском учебном округе, о чем ярко свидетельствует письмо выпускника института Н.В. Румянцева директору В.В. Латышеву в сентябре 1917 г. из Тифлиса: «... я приехал сюда 30 августа и сразу явился к директору 2-й гимназии. Моя бумага о назначении была для него неожиданностью. Неожиданна была из-за назначения министром. Но когда я объяснил ему положение и процедуру назначения, то он вынес мое дело на обсуждение в педагогический совет гимназии. И вот 4 сентября этот совет большинством семи голосов против четырех при пяти воздержавшихся, признал мое назначение правильным. Были выполнены уже все формальности, я получил документы из гимназии, как вдруг 8 числа меня вызвал в округ комиссар и заявил, что Краевое Бюро считает мое назначение, как исходящее от министра, незаконным. Кроме того, когда я сообщил, что педагогический совет меня утвердил, он ответил, что Бюро и Комиссариат с Советом не считаются. Я немедленно явился в гимназию, где как раз опять проходило заседание совета, и рассказал все. Поднялась буря негодования, т.к. усмотрели поход против автономии школы. Меня снова подвергли баллотировке и избрали единогласно. За меня вся гимназия и некоторые организации, ибо дело переходит в плос-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 1652. ЛЛ. 3 – 3 об.

² Там же. Л. 1.

кость борьбы за автономию педагогических советов и Комиссариата...»¹.

Столкнулся с проблемами и назначенный в Пятигорскую гимназию Н. Рождественский, который получил телеграмму следующего содержания: «Приказ о назначении Рождественского подлежит отмене, так как ранее назначен округом Соловьев. Председатель Комиссариата Дубровский». В этой связи В.В. Латышев писал министру народного просвещения С.Ф. Ольденбургу: «Я не знаю председателем какого Комиссариата является г. Дубровский и имеет ли право какой бы то ни было Комиссариат признавать подлежащим отмене* приказ министра народного просвещения по вверенному ему ведомству. Ссылка же на ранее замещенную вакансию представляется мне неуважительной потому, что окружное управление, предоставив вакансию в министерство, должно было ожидать его ответа, а не замещать вакансию до его получения»². И, тем не менее, проблемы сохранялись.

К лету 1917 г. продовольственная ситуация в Петрограде все более ухудшалась. А.А. Блок записал в дневнике 8 июня 1917 г.: «Продовольствие – безнадежно, в Министерстве опускаются руки»³. 24 июня в городе были введены карточки на сахар, а с 26 июня – ввели нормированное потребление хлебных продуктов: не более 25 фунтов муки и 3 фунтов крупы в месяц⁴. Многие жители стали покидать город. В столовую института стали меньше закупать мяса, правда, его закупки оставались регулярными. В рационе стали преобладать картофель, брюква, морковь, бычьи ноги, вобла, появился и хлопкожар (пищевой салолин) и кокосовое масло⁵.

Помимо этого, в конце лета – начале осени 1917 г. Временное правительство приняло решение о «разгрузке» Петрограда и его окрестностей вследствие продовольственных затруднений. В первую очередь эвакуации подлежали все институты бывшего Ведомства учреждений императрицы Марии, закрытые учебные заведения (к их

¹ Там же. ЛЛ. 78 – 84 об.

* Подчеркнуто в тексте документа

² ЦГА СПб. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 52 – 52 об.

³ Блок А.А. Дневник и записные книжки // Блок А.А. Последние дни царской власти. М., 2012. С. 119.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел 1. Второе полугодие. 1917. 8 августа. Ст. 1079, 1080.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 45. Л. 49.

числу относился и Историко-Филологический институт), а также, по возможности, и прочие учебные заведения. Процесс эвакуации учебных заведений должен был осуществляться централизованно. При этом в его основу было положено, разработанное еще в 1914 г. «Временное положение о вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств»¹. При эвакуации преподаватели и служащие должны были получить единовременное пособие в размере двухмесячного оклада для семейных и месячного оклада для холостых. Кроме того, если на новом месте они получали жалование ниже, чем в Петрограде, разница возмещалась за счет сумм Министерства народного просвещения². В целях оптимизации процесса эвакуации, в октябре 1917 г. была создана «Особая комиссия по составлению плана эвакуации из Петрограда высших учебных заведений» под председательством профессора А.А. Редлиха³. Однако выводы, к которым пришла эта Комиссия вряд ли порадовали Комитет по составлению плана по эвакуации Петрограда. Было признано технически невозможным эвакуировать учебные заведения как таковые, т.е. весь их личный состав и имущество. Связано это было как с тем, что большая часть профессоров и преподавателей служила в нескольких учебных заведениях или государственных учреждениях, так и с тем, что нигде в Европейской России невозможно было найти достаточных и удобных помещений. Таким образом, эвакуации подлежали только предметы, «имеющие национальную ценность, могущие считаться трофеем, предметы исключительной научной ценности»⁴.

В своей записке товарищу министра народного просвещения Н.И. Преображенскому директор Петроградского историко-филологического института В.В. Латышев указывал: «вверенный мне институт и состоящая при нем гимназия в течение всего своего 50-летнего существования получали на свое содержание столь скудные средства, что с трудом (особенно в последние годы) могли сводить концы с концами, и потому не могли приобретать особо ценных и редких коллекций и учебных пособий. Однако институт имеет очень ценную библиотеку, в которой ныне состоит до 33 тыс. томов

¹ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 9167. ЛЛ. 2 – 3.

² Там же. Ф. 14. Оп. 27. Д. 98. ЛЛ. 14 – 14 об.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. ЛЛ. 21 – 22.

книг и журналов, между которыми имеется не мало старинных и редких изданий»¹. Следовательно, библиотека подлежала обязательному вывозу, но для ее эвакуации требовалось не менее 500 ящиков, общий вес которых мог составить порядка 2 тыс. 500 пудов (40 000 кг). Кроме того, согласно циркулярным распоряжениям Министерства вывозу подлежали иконы, архив института и гимназии, портреты членов императорской семьи.

В поисках места для размещения имущества института его директор В.В. Латышев обратился в первую очередь к бывшим выпускникам А.Ф. Лебедеву (директору Коломенской гимназии), В.К. Гильвечу (директору Мценской гимназии), В.О. Эйнгорну (директору 2-й Нижегородской гимназии), И.И. Пенкину (директору 2-й Орловской гимназии), А.П. Гулену (директору Буйского реального училища), И.О. Аралову (директору Кашинского реального училища) и И.Н. Никольскому (директору Ковровского реального училища) с просьбой принять на хранение хотя бы часть эвакуированного из института имущества². Однако большинство из них ничем не могло помочь своей *Alma mater* поскольку и сами они находились в довольно стесненных условиях: где-то часть помещений занимали госпитали, где-то – другие эвакуированные учреждения. И только директор Коломенской гимназии А.Ф. Лебедев сообщил, что имеет возможность принять на хранение около 10 ящиков не особенно крупного размера³. В результате из Историко-филологического института удалось эвакуировать только две коробки с особо ценными вещами. Они были эвакуированы в Москву вместе с вещами Археологической комиссии.

9 августа 1917 г. вышел циркуляр Министерства народного просвещения о том, чтобы учащая молодежь, по возможности воздерживалась в 1917/18 учебном году от поступления в Петроградские учебные заведения и поступала в соответствующие учебные заведения других городов⁴. Тем не менее, прием студентов на 1917/1918 учебный год состоялся по «облегченному варианту»: еще 19 мая 1917 г. на заседании Конференции института было принято решение принимать без экзаменов выпускников духовных семинарий, имеющих по всем предметам оценки не ниже 4, а также и выпускников

¹ Там же. Ф. 53. Оп. 3. Д. 4 ЛЛ. 3 – 4.

² Там же. Д. 3. Л. 10.

³ Там же. Д. 4.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.

классических гимназий с двумя древними языками на тех же условиях¹.

В результате летом 1917г. в Конференцию института поступило 40 прошений, в том числе 1 – от студента 2-го курса Нежинского института (он был зачислен сразу) и 1 – «от лица женского пола». Девушке было предложено сдать экзамен по греческому языку, но ответа не последовало. Из оставшихся 38 человек двум было отказано по формальным причинам (они окончили семинарии по второму разряду), пятеро забрали документы обратно. Таким образом, в августе 1917г. в число студентов условно (до медицинского осмотра или экзаменов, кому это было необходимо) был зачислен 31 человек: без экзаменов – 25 (1 гимназист и 24 семинариста), с экзаменом по греческому языку – 6 (5 гимназистов и 1 семинарист). Фактически к началу учебных занятий явилось 24 человека².

В новом 1917/1918 учебном году занятия начались 16 октября. Со 2 по 14 октября были проведены приемные, переводные и выпускные экзамены³. Так или иначе, но учебный процесс начинал входить в свою колею. Осенью 1917 г. на заседании Конференции института было принято решение не разрешать больше никаких отсрочек по экзаменам (за исключением тех, кто возвращался с театра военных действий), и высказано требование к студентам старших курсов в срочном порядке отработать все задолженности по педагогической практике в гимназии, хотя бы и в отсутствии учеников.

Стали восстанавливаться и зарубежные научные связи. Например, осенью 1917 г. среди академических кругов Петрограда и Парижа возникла мысль о желательности большего научного сближения русских научных кругов с французскими и об учреждении в Париже «Русского института». По инициативе Министерства народного просвещения 15 октября 1917 г. состоялось заседание, посвященное обсуждению этого вопроса и выбора членов русской делегации для «разработки на месте вопроса о Русском институте». Представителем от института на собрании был избран профессор Л.П. Карсавин⁴. К сожалению, последующие события не дали никакой возможности реализовать это начинание.

¹ Там же. Л. 18 об.

² Там же. Л. 8; Оп. 3. Д. 3. Л. 19.

³ Там же. Ф. 53. Оп. 2. Д. 7. Л. 35 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 33 – 34

Надо отметить, что в документах фонда Петроградского историко-филологического института практически не упоминается о перевороте 25 октября 1917г. Смета на расходы по институту и гимназии на 1918 г. была утверждена в соответствии с расходами прежних лет¹.

В ноябре 1917 г. Институт отметил 50-летие своей учебной и научной деятельности. Но уже с начала 1918 г. он сменил название на Петроградский историко-филологический педагогический институт², а с 1919 г. он был реорганизован в Высший педагогический институт при I Петроградском университете и просуществовал еще до осени 1921 г., когда все его студенты были переведены на факультет общественных наук Петроградского университета³.

Таким образом, несмотря на все политические потрясения и экономические проблемы, учебная жизнь в Петроградском историко-филологическом институте шла своим чередом. Безусловно, события, происходившие в стране, не могли не отразиться на судьбах студентов и преподавателей учебного заведения: рост дороговизны, проблемы с трудоустройством и отсутствие, порой, возможности вернуться с каникул к экзаменам и началу учебного года, задержки начала учебного года и т.п. И, тем не менее, об участии студентов непосредственно в революционных выступлениях, о каких-либо беспорядках в институте сведений не имеется. По мере сил и преподаватели, и студенты пытались поддерживать нормальное течение жизни в институте.

Гордеев П.Н. **Февральская революция в московских императорских театрах**

Деятельность, быт и организация московских императорских театров в переломном для страны 1917 году изучена пока еще неудовлетворительно. Больше повезло в этом отношении Малому театру, по истории которого на рубеже XIX – XX вв. (включая период революции) имеется новаторский для своего времени, но несколько устаревший в наши дни труд Н.Г. Зографа⁴. Более трудный для изучения (ввиду сложности своей организации, состоящей из разных

¹ Там же. Оп. 3. Д. 2. ЛЛ. 7 – 13.

² Там же. Оп. 1. Д. 4250; Оп. 2. Д. 10. ЛЛ. 4, 15.

³ Там же. Оп. 2. Д. 10. ЛЛ. 21, 22, 26, 27, 28; Д. 11.

⁴ Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. М., 1966.

трупп) Большой театр подобного по масштабам исследования своей истории не имеет; что же касается вопросов управления театрами (то есть деятельности Московской конторы императорских театров), то они, применительно к событиям 1917 г., вообще еще не становились предметом специальной научной работы.

Цель настоящей статьи состоит в частичном заполнении указанного пробела в историографии, а именно, в изучении того, как – прежде всего, с организационной точки зрения – отразилась на московских императорских (после падения монархии – государственных) театрах Февральская революция. Хронологическими рамками исследования является период от конца февраля, когда в Москве стали замечаться первые признаки революционного брожения, до 8 марта, когда вернувшийся из Петрограда А.И. Сумбатов-Южин, наделенный полномочиями комиссара московских государственных театров, взял управление ими в свои руки. Основной источниковой базой статьи явились материалы архивных фондов и периодической печати; отметим, что многочисленные актерские воспоминания, изданные в советское время, не дают сколько-нибудь полной картины восприятия Февраля на императорской сцене, ограничиваясь, как правило, шаблонными заверениями в том, что «мы с восторгом приветствовали гибель самодержавия и начало революции»¹.

Московские императорские театры накануне падения монархии

К ведомству Дирекции императорских театров в Москве относились Большой и Малый театры, Московское театральное училище и Московская контора императорских театров. Оба театра, основанные еще в XVIII в. и бывшие с тех пор средоточием оперного, балетного и драматического искусства в Первопрестольной, в начале XX столетия обладали превосходными артистическими силами. В административном отношении первым лицом в Большом театре был и. о. главного режиссера оперной труппы Василий Петрович Шкафер, а в Малом – управляющий драматической труппой князь Александр Иванович Сумбатов, известный под сценическим псевдонимом Южин (впоследствии ставшем второй частью его фамилии). Восемь членов труппы Малого театра имели почетное звание «заслуженного артиста императорских театров» (актрисы М.Н. Ермолова, Е.К. Лешковская, Н.А. Никулина, О.О. Садовская, Г.Н. Федотова, актеры О.А.

¹ Яблочкина А.А. 75 лет в театре. М., 1966. С. 199.

Правдин, К.Н. Рыбаков, А.И. Сумбатов-Южин). В Большом театре это звание носили три артиста: главный хормейстер У.И. Авранек, балетмейстер А.А. Горский, певица А.В. Нежданова¹.

Всего в начале 1917 г. на службе в Большом театре состояли 67 членов оперной труппы (артисты и администрация труппы), 94 хориста, 140 артистов и артисток балета (вместе с администрацией балетной труппы), 138 музыкантов оркестра и 6 служащих Музыкальной библиотеки – итого 445 чел. (без технического персонала). Труппа Малого театра состояла из 81 человека (актеры, актрисы, администрация труппы). Личный состав Императорского Московского театрального училища включал в себя 27 человек: инспектора Н.Г. Тарасова (непосредственно руководившего жизнью училища; управляющим училищем считался управляющий Конторой С.Т. Обухов), инспектрису А.Д. Львову, двух воспитателей, двух классных дам, двух канцелярских служащих и 21 преподавателя (в основном, артистов балета). На драматические курсы училища в 1917 г. приема не было. Наконец, управление театральным ведомством в Первопрестольной сосредоточивалось в Московской конторе императорских театров, в которой работали 23 чиновника (вместе с полицеймейстером), 5 штатных и 28 дежурных врачей².

Во главе Конторы с 1910 г. стоял Сергей Трофимович Обухов (1855 – 1928) – в прошлом видный оперный артист (баритон), выступавший на русских и итальянских сценах, дядя знаменитой певицы Н.А. Обуховой и большой поклонник таланта Ф.И. Шаляпина. Аристократ, твердый монархист и беспрекословный исполнитель распоряжений своего начальника (директора императорских театров В.А. Теляковского), Обухов был весьма мало подготовлен к революционным событиям, которые ему вскоре пришлось пережить³.

Правой рукой С.Т. Обухова по службе был помощник управляющего Московской Конторой граф Владимир Викторович Ростопчин, правнук знаменитого Ф.В. Ростопчина (московского генерал-

¹ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. Отд. I. С. 1056 – 1064; РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 630. ЛЛ. 3 – 6.

² Подсчитано нами по: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. Отд. I. С. 79 – 80, 400, 1056 – 1064.

³ Гордеев П.Н. С.Т. Обухов – управляющий Московской Конторой императорских театров // Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории / Под. ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. С. 157 – 166.

губернатора в Отечественную войну)¹. В.В. Ростопчин родился 14 июля 1877 г. По окончании Первого кадетского корпуса в 1897 г. молодой граф еще два года (1897 – 1899 гг.) проучился в Николаевском кавалерийском училище, затем в 1899 – 1902 гг. служил в Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку (В.В. Ростопчин был обязан отбыть три года на военной службе после окончания училища – это положение ст. 345 кн. XV Свода военных постановлений 1869 года издания было специально отмечено в его формулярном списке). Однако, молодой граф был в гораздо большей степени обязательный к деятельности на гражданском поприще и, как только обязательный срок службы кончился, он перешел из гвардии на службу в Министерство императорского двора, будучи 28 декабря 1902 г. назначен контролером Варшавского отделения Контроля МИДв. Пробыв в этой должности более четырех лет, 21 марта 1907 г. В.В. Ростопчин обратился к директору императорских театров В.А. Теляковскому с просьбой о назначении его на должность делопроизводителя Московской конторы императорских театров. 5 апреля 1907 г. просьба Ростопчина была удовлетворена, и отныне его судьба оказалась связана с театральным ведомством. В 1911 г. граф становится чиновником особых поручений при Конторе; приказом по МИДв от 31 декабря 1912 г. он был назначен помощником управляющего Конторой. В предреволюционные годы С.Т. Обухов, уезжая в командировки за границу, поручал свои обязанности В.В. Ростопчину².

Видную роль в Конторе играли делопроизводители Николай Александрович Василевский и Мефодий Сафониевич Ганузин. Первый из них родился 5 апреля 1862 г. в семье мелкого чиновника и, окончив курс наук в Московском Заиконоспасском духовном училище, в течение почти четверти века (1879 – 1903 гг.) служил в Канцелярии московского обер-полицеймейстера, пройдя путь от канцелярского чиновника до надворного советника. 1 января 1903 г. Василевский был переведен в придворное ведомство (в качестве помощника делопроизводителя Конторы), а ко времени революции стал уже делопроизводителем³. В.П. Шкафер в своих мемуарах так отзывался о Василевском: «человек огромного опыта, всегда доступный и

¹ Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. М., 2008. Вып. 1. С. 107.

² РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Д. 3117. ЛЛ. 3, 6 – 8 об., 102, 109 об., 130, 167.

³ Там же. Ф. 649. Оп. 2. Д. 73. ЛЛ. 38, 65 об. – 69, 261.

обходительно-вежливый; он являлся исключением из чиновного мира, любил оперу и певцов»¹.

М.С. Ганузин, родившийся 13 июня 1878 г., происходил из крестьян Новгородской губернии, однако сумел получить образование в Санкт-Петербургском учительском институте, который и окончил в 1904 г. Затем в течение двух лет Ганузина переводили по учительским должностям в Новоржеве, Вологде и Петербурге; с 1 ноября 1907 г. он был определен чиновником X класса Московской конторы императорских театров². С тех пор его судьба оказалась связана с театральным миром.

Полицеймейстером московских императорских театров состоял подполковник гвардии и зять С.Т. Обухова Николай Петрович Штер. Поскольку он сыграл в будущем определенную роль (в качестве коменданта государственных театров), позволительно остановиться на его примечательной фигуре подробнее. Н.П. Штер родился в Петербурге 8 ноября 1880 г.³ Закончив по первому разряду элитный Пажеский корпус, 10 августа 1902 г. Штер был выпущен из него подпоручиком в старейший полк русской гвардии – Преображенский⁴. Его родственница Т.А. Аксакова-Сиверс оставила в своих записках описание внешнего облика молодого офицера: «Внешне Котя был строен, ловок и даже, может быть, красив. От бабушки Юлии Григорьевны (если верить ее портретам в молодости) он унаследовал миндалевидный разрез глаз. Черты лица у него были тонкие, рот капризный и во всем облике было что-то польское. Такими я представляла себе хлыщеватых шляхтичей-конфедератов»⁵.

¹ *Шкафер В.П.* Сорок лет на сцене русской оперы. Воспоминания 1890 – 1930 гг. Л., 1936. С. 227 – 228.

² РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Д. 771. ЛЛ. 3, 45, 100 – 103, 232.

³ Там же. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. Л. 18 об.

⁴ Там же. Л. 19. Т.А. Аксакова-Сиверс писала об этом периоде жизни Н.П. Штера: «Младший сын Валентины Петровны, Николай, не проявлявший склонности к науке, пятнадцати лет был отдан в Пажеский корпус, но и там продвигался с трудом. Вспоминая впоследствии годы учения, он рассказывал о каком-то легендарном паже (с которым несомненно имел много общего): “Будучи спрошен на экзамене о семилетней войне, этот паж мог ответить только, что она длилась семь лет и была кровопролитна. О тридцатилетней войне он знал, что она длилась тридцать лет и была еще более кровопролитной. Когда же преподаватель задал вопрос о войне Алой и Белой Розы, паж обиделся и сказал: “Вы можете поставить мне единицу, но я старый паж и издеваться над собой не позволю. Причем тут цветы?”» (*Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. М., 2006. С. 212).

⁵ *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. С. 212.

К периоду пребывания в полку относится один эпизод биографии Николая Петровича, который, стань он известным в 1917 и последующих годах, мог моментально положить конец карьере, а то и свободе коменданта театров. А именно, в послужном списке Н.П. Штера (составленном в 1915 г.), среди прочих командировок перечислена и такая: «В г. Кронштадт для подавления беспорядков», с 28 октября по 6 ноября 1905 г.¹ То есть подпоручик Штер был в числе усмирителей Кронштадтского восстания 1905 года, одного из наиболее серьезных военных мятежей эпохи первой революции. Надо полагать, что именно в связи с этой «командировкой» 22 марта 1906 г. Н.П. Штеру было пожаловано «право ношения Высочайше утвержденного в 14 день Января 1904 года нагрудного знака в память 200-летия Кронштадтской крепости»².

В 1907 г. Штер, уже в чине штабс-капитана, переводится из гвардии в ведомство Министерства внутренних дел, где до 1913 г. он служил в конно-полицейской страже Московской губернии, а в 1913 – 1915 гг. состоял адъютантом командира Отдельного корпуса жандармов (весьма щекотливая должность по меркам революционной России!)³ 30 мая 1914 г. Н.П. Штер, далекий от науки, но занимавший важный пост, избирается в действительные члены Тамбовской ученой архивной комиссии (курьезность этого избрания подчеркивается выборами в том же году в члены этой комиссии таких видных ученых, как С.Ф. Платонов, С.М. Середонин, В.И. Сайтов)⁴. Наконец, 9 апреля 1915 г. Штер был переведен в ведомство МИДв и назначен полициеймейстером московских императорских театров⁵. Это назначение, надо полагать, было связано с тем, что, не позднее 1910 г.⁶ Н.П. Штер женился на единственной дочери в то время помощника, а затем – управляющего Московской конторой императорских театров С.Т. Обухова Елизавете. «Николай Штер и его невеста мало подходили друг к другу и по внешности, и по внутреннему складу», писала Т.А. Аксакова-Сиверс, «что позволяло думать, что брак совершается, если не по расчету, то по разуму»⁷.

¹ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. Л. 24.

² Там же. Л. 19 об.

³ Там же. ЛЛ. 19 об. – 20; РГВИА. Ф. 400. Оп. 11. Д. 386. ЛЛ. 8 – 10.

⁴ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1917. Вып. 57. Ч. II. С. 15, 129.

⁵ РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 480. ЛЛ. 3, 8.

⁶ Там же. ЛЛ. 60 а – 60 б.

⁷ Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. С. 215.

Мемуаристка вспоминала, что Штер был не совсем чужд искусству, хотя и лишь со строго определенной стороны: «За годы петербургской жизни он еще обучился дирижировать танцами. Непревзойденным дирижером придворных балов много лет подряд был лейб-улан Михаил Евгеньевич Маслов. Потом его начал сменять стрелок барон Притвиц. Котя Штер, знавший толк в балете и танцах, наблюдал их приемы и, обосновавшись к 1908 году в Москве, получил признание опытного дирижера с петербургским стажем». Что же касается до исполнения Н.П. Штером обязанностей полицеймейстера, Т.А. Аксакова-Сиверс отмечала: «Должность эта была необременительна и давала постоянное место в третьем ряду партера. Став лицом так или иначе причастным к театральной жизни Москвы, Котя Штер более интересовался делами балета, чем делами “дома Щепкина”, однако сумел создать дружелюбное к себе отношение. <...> актеры находили, что Штер, “хотя и бывший гвардеец, но веселый и безобидный малый”»¹.

Таковы были основные деятели управления московских императорских театров накануне Февральской революции.

В дни переворота

Как и в петроградских императорских театрах², на московской казенной сцене в преддверии Февраля 1917 года развернулся конфликт между артистами хора и администрацией – однако, в данном случае, не на экономической, а на дисциплинарной почве. Главным фигурантом этого противостояния стал певец (баритон), выдающийся оперный режиссер и инспектор хора Петр Сергеевич Оленин (1870 или 1874 – 1922)³. Для контроля явки хористов на репетиции и спектакли администрацией была введена специальная книга, в которой хористы, приходя в Большой театр, должны были расписываться, за чем следил инспектор хора. Некоторые члены хоровой труппы сочли это для себя оскорбительным и отказались расписываться; в

¹ Там же. С. 213, 216 – 217.

² См.: *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 10 – 13.

³ П.С. Оленин, после обучения оперному искусству в Италии, в 1898 – 1900 гг. выступал в московском театре Г.Г. Солодовникова, а 1 сентября 1900 г. был принят в труппу Большого театра, в которой служил, с большим перерывом (1903 – 1915 гг. – время работы Оленина в Опере С.И. Зимина), до 1918 г. (РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Д. 2713. ЛЛ. 12, 14, 16, 19; *Пружанский А.М.* Отечественные певцы. 1755 – 1917: Словарь. М., 1991. Ч. 1. С. 370 – 371).

итоге, по представлению Оленина, четыре человека (хористы Г.П. Захаров, Н.М. Пашутин, С.И. Славницкий и Л.И. Юрьева) были уволены (кроме того, «за политические убеждения» – как утверждалось в 1917 г. – был уволен артист хора В.В. Видищев), с чего и началось брожение в труппе¹.

Помимо конфликта труппы хора с ее инспектором, московская театральная общественность накануне падения монархии увлеченно обсуждала прибавку к жалованью, которую возвестила телеграмма директоров императорских театров С.Т. Обухову от 23 февраля: «Можете объявить оркестру, хору, кордебалету – прибавка будет выдана [в] марте, получающим до 600 р. – 50 %, до 1200 – 40 %, до 1800 р. – 30 %, до 2400 – 25 %², до 3600 – 20 %, начиная с января сего года. Аванс под прибавку по сто рублей выдадут на днях»³.

Текст телеграммы, которая Московской Конторой театров была объявлена «всем заинтересованным лицам»⁴, вызвал недоумение у артистов – в ней говорилось о прибавке артистам хора, кордебалета и оркестра, получающим менее 3 600 руб., однако, столь высокие оклады имелись только в оркестре. В то же время, многие артисты оперы, драмы и балетной труппы (помимо кордебалета) получали менее 3 600 и надеялись, что прибавка, в видах справедливости, их также не обойдет. Лишь через несколько дней Контора получила разъяснение, что телеграмму надо понимать буквально и повышение жалованья коснется только указанных трех артистических групп⁵. Из Петрограда, впрочем, эти мелкие волнения, надежды и разочарования были незаметны. 27 февраля директор императорских театров В.А. Теляковский, с тревогой наблюдая за разрастанием «беспорядков» в столице, позвонил С.Т. Обухову. После состоявшегося между ними разговора Теляковский с облегчением записал в дневнике: «В Москве все покойно. О прибавках Обухов сообщил хору, оркестру и кордебалету – прибавкой довольны и даже хотели мне послать благодарственную телеграмму – но ввиду соединения телефоном Обу-

¹ Собрание артистов казенных театров // *Время*. 1917. 5 марта; *Мы* [Кузуский С.Л.] У рампы // *Новости сезона*. 1917. 23 – 25 марта. Инициалы уволенных хористов установлены по: *Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 год*. М., 1916. Отд. I. С. 1047 – 1048.

² В этом месте в тексте ошибочно вместо знака «%» написано «руб.»

³ РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1306. Л. 32.

⁴ Там же.

⁵ *Ш*. По поводу прибавок хору, оркестру и кордебалету // *Новости сезона*. 1917. 26 – 27 февраля; Кто получает прибавки? // Там же. 28 февраля – 1 марта.

хов просил меня принять эту благодарность. Все обошлось в Москве благополучно, потому что на днях выдали по 100, 75 и 50 рублей»¹.

Покой, однако, оказался недолгим – в начале марта революционные события перекинулись и на древнюю столицу, что не могло не сказаться и на театральном ведомстве. 28 февраля, бывшее «первым днем революции в Москве»², публика уже «воздерживалась выходить вечером на улицу и во многих театрах <...> в зрительном зале было много свободных мест», а в некоторых театрах миниатюр «спектакли были отменены за отсутствием сборов». Все же «большие» театры, включая Большой и Малый, в этот день работали³ (впрочем, по некоторым сведениям, уже вечером 28 февраля в здании Малого театра обосновалась революционная дружина, состоявшая из студентов-медиков⁴).

На следующий день, 1 марта, все московские театры были закрыты⁵. Москва по распоряжению командующего войсками Московского военного округа И.И. Мрозовского была объявлена в этот день на военном положении⁶. Что касается императорских театров, то

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 43 об. Выдача, о которой говорит Теляковский, не была связана с прибавкой к жалованью – в данном случае речь идет о единовременном пособии московским артистам по случаю «дороговизны жизни», разрешенном Кабинетом Его Величества 9 февраля и выданном 16 февраля и 3 марта 1917 г. Что касается прибавки к жалованью, определенной телеграммой 23 февраля, то, как отмечалось в рапорте заведующего Московским отделением Контроля бывшего МИДв П.А. Тыртова заведующему Контролем бывшего МИДв В.С. Федорову от 9 июня 1917 г., «когда разразилась революция, то артисты потребовали от Управляющего Конторою выдачи им обещанных авансов; в виду крайне напряженного положения того времени, Управляющим Конторою, по соглашению со мной, решено было выдать всем артистам, получающим месячный оклад содержания в 100 руб. – сто рублей, а получающим менее 100 руб. – месячный оклад и все эти выдачи произвести, в виде авансов, за счет обещанной процентной прибавки». Эти выдачи были произведены 3 и 7 марта (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1306. ЛЛ. 31 об. – 32).

² Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 18.

³ Московские театры в дни революции // Новости сезона. 1917. 12 – 13 марта. В цитируемой заметке эти события отнесены к 20 февраля, но это явная опечатка. Там же, после описания дня «20» февраля, говорится: «На другой день – 1-го марта».

⁴ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. С. 26.

⁵ В московских театрах // Русское слово. 1917. 2 марта; Московские театры в дни революции // Новости сезона. 1917. 12 – 13 марта.

⁶ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. С. 23.

распоряжение об отмене репетиций и спектаклей «впредь до особых распоряжений» было отдано в 1 марта С.Т. Обуховым¹. Вечером 1 марта Большой и Малый театры были заняты воинскими частями, которые, по-видимому, использовали театральные здания как место для отдыха после смены установленных в революционные дни караулов – «одна смена уходила к городской думе, другая возвращалась в театры на отдых»². Возможно, это были части 194-го запасного пехотного полка, которому в эти дни революционным командующим войсками московского гарнизона полковником А.Е. Грузиновым была поручена «охрана и поддержание порядка» в пределах территории: «Иверские ворота, Исторический музей, Александровский сад, Большая Московская гостиница, театры, скверы и др. прилегающие местности»³ (под «театрами» здесь, как представляется, следует понимать Театральную площадь). Впрочем, отдыхать в Большом и Малом театрах могли и ополченцы 663-й пешей дружины, 1-й роте которой Грузинов поручил надзор за порядком в здании Городской Думы⁴. По некоторым сведениям, воинские части заняли императорские театры, исполняя постановление образовавшегося 1 марта Комитета общественных организаций, который возглавил революционное движение в городе⁵.

2 марта в Малый театр прибыл управляющий драматической труппой А.И. Сумбатов-Южин, которому было сказано, что «сцена и зрительная зала театра останутся свободными, сцена поставлена под особую защиту, так что он может быть совершенно спокоен за полную целостность сценических приспособлений, декораций и т. п. Заняты будут войсками только коридоры, фойэ, вообще все служебные помещения, но отнюдь не зрительная зала или сцена. Такой же порядок установлен и для Большого театра»⁶. В этот день давали представле-

¹ Отмена спектаклей // Раннее утро. 1917. 2 марта.

² Солдаты в императорских театрах // Русское слово. 1917. 2 марта. По некоторым данным, в ночь с 1 на 2 марта воинские части из императорских театров ушли и вернулись 2 марта утром (Войска в театрах // Вечерний курьер. 1917. 2 марта; Большой и Малый театры // Русские ведомости. 1917. 3 марта).

³ Московская хроника // Московские ведомости. 1917. 3 марта.

⁴ Там же.

⁵ Большой и Малый театры // Русские ведомости. 1917. 3 марта; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. С. 45.

⁶ Большой и Малый театры // Русские ведомости. 1917. 3 марта. Судя по газетному сообщению, на момент приезда Южина в Малом театре, занятом войсками, «господствовал полный порядок» (Там же). Это известие представляется не-

ния лишь некоторые частные театры (Опера С.И. Зимина, «Мозаика», Новый Камерный), а на казенной сцене спектаклей не было¹. В здании МХТ состоялось совещание артистов императорских и частных театров (от первых в нем принимал участие, среди прочих, певец Ф.В. Павловский, игравший на протяжении всего 1917 г. весьма заметную роль в московской театральной «политике»²), входивших в союз «Артисты Москвы – русской армии и жертвам войны». Союз выбрал двух депутатов в Комитет общественных организаций и двух кандидатов к ним (в число последних вошел Павловский), а также отправил телеграмму на имя председателя ВКГД М.В. Родзянко, в которой, «горячо приветствуя новое правительство и с крепкой верой в будущее родины и победу над врагом», обещал продолжить «свой труд на благо доблестной армии»³.

Тогда же, 2 марта, труппа Большого театра избрала делегацию в составе артистов А.В. Неждановой, М.М. Мордкина и С.Е. Трезвинского, которая направилась к городскому голове М.В. Челнокову, получившему в ночь на 2 марта полномочия комиссара ВКГД «по управлению Москвой»⁴, чтобы узнать, «как он относится к открытию Большого и Малого театров». Челноков в ответ «сказал, что

сколько сомнительным – возможно, Южин в беседе с корреспондентом «Русских ведомостей» или последний при написании заметки несколько приукрасили события, чтобы не вносить диссонанс в восторженные описания революции.

¹ Московские театры в дни революции // Новости сезона. 1917. 12 – 13 марта.

² Павловский Феофан Венедиктович (1880 – 1936) – певец (баритон) и оперный режиссер. По первому образованию юрист (окончил Киевский университет св. Владимира); затем поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию, во время обучения в которой, в 1905 г., был одним из руководителей забастовочного комитета студентов. С 1910 – солист Большого театра; во время Гражданской войны эмигрировал. Скончался в Каунасе. В.П. Шкафер писал об общественной деятельности Ф.В. Павловского в 1917 г.: «Во вновь образованной корпорации артистов-солистов выделился ее лидер, Феофан Венедиктович Павловский, прекрасный певец, баритон. Он обладал редким даром красноречия; его доклады и импровизации отличались всегда обоснованностью, четкостью тематики и ясным построением формы. Слушать его было легко и приятно» (Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997: В 6 т. / Сост. Чуваков В.Н. М., 2004. Т. 5. С. 308; *Пружанский А.М.* Отечественные певцы. 1755 – 1917: Словарь. Ч. 1. С. 388; *Шкафер В.П.* Сорок лет на сцене русской оперы. С. 228).

³ Телеграмма М.В. Родзянко // Раннее утро. 1917. 3 марта; Театр в дни революции // Рампа и жизнь. 1917. № 10 – 11. С. 5; В Москве // Театр и искусство. 1917. № 10 – 11. С. 192.

⁴ *Николаев А.Б.* Челноков Михаил Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 672.

признает желательным возобновление спектаклей в этих театрах, и выдал им письменное разрешение»¹. 2 марта Челнокова посетили и делегаты московских частных театров², а 3 марта свою делегацию к комиссару (в лице А.А. Яблочкиной, И.С. Платона и А.И. Сумбатов-Южина) отправил Малый театр. Челноков вновь «повторил свое желание, чтобы в театрах начались спектакли, выразив глубокое уважение к Малому театру, как постоянному носителю лучших начал русской художественности и русской общественности» и обещал актерам «хотя бы на самый короткий срок посетить первый спектакль Малого театра». Кроме того, в беседе с представителями «Дома Щепкина» комиссар опроверг волновавший артистическую среду «слух об аресте министра Двора бар.³ Фредерикса и директора театров Теляковского»⁴ (первый из них, заметим, еще не был арестован, а последний – уже отпущен на свободу после кратковременного ареста⁵).

Днем 3 марта делегация Малого театра, посетив М.В. Челнокова, отправилась на общее собрание артистов правительственных театров, открывшееся в здании Большого театра, и доложила о своем разговоре с комиссаром⁶. Само по себе это собрание было довольно примечательным – артисты казенной сцены впервые сошлись вместе с целью определить свое положение и «платформу» в новых условиях. Председателем был избран певец Ф.В. Павловский⁷. Вновь была избрана делегация, в которую вошли оперные артисты А.И. Добровольская и С.Е. Трезвинский от Большого театра и актеры М.Я. Муратов (в другой газетной заметке вместо него назван М.Ф. Ленин) и И.Н. Худолеев – от Малого, направившаяся в казенную квартиру

¹ Большой и Малый театры // Русские ведомости. 1917. 3 марта.

² Открытие театров // Русское слово. 1917. 3 марта.

³ Так в тексте. С 1913 г. В.Б. Фредерикс носил графский титул.

⁴ В театрах // Русские ведомости. 1917. 4 марта.

⁵ Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2011. С. 26 – 27.

⁶ В театрах // Русские ведомости. 1917. 4 марта.

⁷ Протокол заседания не обнаружен; вывод о председательстве Ф.В. Павловского можно сделать на основании сообщения московской газеты «Время», сделанного 5 марта: «В Большом театре ежедневно происходят заседания артистов и служащих всех трупп московских правительственных театров. На собраниях председательствует Ф.В. Павловский» (Собрание артистов казенных театров // Время. 1917. 5 марта). Очевидно, речь тут могла идти только о собраниях 3 и 4 марта.

С.Т. Обухова с целью выяснить его отношение к революции¹. Обухов, по некоторым сведениям, растерявшийся и не сразу принявший делегатов², сообщил в итоге о признании нового правительства, и повторил это, придя на собрание артистов в Большой театр. Подобное заявление управляющего Конторой было встречено овацией³. Положение Обухова вскоре несколько облегчилось получением телеграммы от В.А. Теляковского с предписанием «беспрекословно немедленно исполнять все распоряжения» комиссара ВКГД над Дирекцией театров члена Государственной думы Н.Н. Львова, назначенного на этот пост 2 марта⁴. Таким образом, и с этой стороны

¹ В.П. Шафер оставил пристрастное, но не лишённое интереса описание своей беседы с С.Т. Обуховым в первые дни после переворота: «Управляющий конторой С.Т. Обухов осунулся, постарел и сгорбил: “Директор сообщил мне, что подал в отставку, и я тоже подал. Что-то будет, господи боже мой, Николай-чудотворец, спаси и сохрани!” Крестился. Он был человек верующий. <...> Он сидел передо мной в глубоком кожаном кресле казенного кабинета, раздавленный, тяжело дышал и, разумеется, сознавал, в какую пропасть провалилась самодержавная монархия, а вместе с ней и “они”, верные служители и охранители трона. “Ну, прощайте”, сказал он мне, и больше мы с ним не встречались до момента его неожиданного отъезда за границу» (*Шафер В.П.* Сорок лет на сцене русской оперы. С. 225 – 226).

² Колоритное описание этого эпизода поместило «Время»: «С.Т. Обухов не сразу принял депутацию. Сначала лакей доложил, что “их нет”, но когда депутация открыто выразила свое недовольство и потребовала управляющего, – последний нашелся.

Бледный, растерянный, жалкий вышел он к депутации и спросил, в чем дело.

На вопрос депутации, к какому правительству он принадлежит, С.Т. Обухов ответил не сразу. Колебался, пробовал возражать, усовещивать, но все это было в большой мере смешным, и делегация еще раз напомнила г. Обухову, что:

– Шутить не время, – положение серьезно.

Видя, что депутация непреклонна, С.Т. Обухов согласился подчиниться новому правительству и начал что-то говорить о дружной и совместной работе с артистами в дальнейшем» (Собрание артистов казенных театров // *Время*. 1917. 5 марта). Впрочем, достоверность данной заметки нуждается в подтверждении; возможно, корреспондентом двигало желание максимально унижить высокопоставленного деятеля театральной администрации.

³ Там же; В театрах // *Русские ведомости*. 1917. 4 марта; Признание новой власти // *Раннее утро*. 1917. 4 марта.

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 49. В.А. Теляковский в своем дневнике написал об отправке телеграммы 3 марта, но в Московской Конторе театров, судя по пометке на телеграмме «4/3», она, надо полагать, была получена 4 числа (РГА-ЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 10. Л. 5).

Обухов «входил в контакт» с новой властью – в данном случае по распоряжению непосредственного начальства.

Позднее, 24 мая 1917 г., Обухов, приехавший в Петроград, рассказывал Теляковскому, «как его в первые дни революции вызвали на митинг артистов в Большой Театр, причем артист Павловский спросил его, какого он мнения насчет нового Правительства. Больше всего возбуждены были артисты против Оленина, и рикошетом это падало на него и косвенно на меня» – записал Теляковский¹. Вопрос о П.С. Оленине, по-видимому, действительно поднимался на собрании. Ф.В. Павловский, как сообщила газета «Время», поставил вопрос о принятии обратно в театр уволенных по представлению Оленина хористов, после чего, по словам корреспондента, «по адресу присутствовавшего на собрании г. Оленина раздавались крики возмущения и негодования. Передают, что г. Оленин заявил, что он слагает с себя звание инспектора хора. Артисты, по-видимому, не удовлетворятся этим и будут требовать об оставлении им службы в Большом театре»². Однако, несколько дней спустя последовало письменное опровержение: на собрании оперной труппы 6 марта артисты постановили «печатно опровергнуть эту часть заметки и заявить, что артисты оперной труппы и не предполагают требовать удаления П.С. Оленина. Кроме того, собрание единогласно постановило выразить сочувствие П.С. Оленину»³. Таким образом, если хористы упорно продолжали преследовать Оленина и добиваться его

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 130. В мемуарах одного из тогдашних представителей театральной администрации, В.П. Шкафера (где он выставляет себя чуть ли не революционером), в описании состоявшегося после революции первого собрания артистов Большого театра (которое, видимо, можно соотнести с собранием артистов обоих театров 3 марта) зафиксированы эти настроения: «Потекли речи; каждый желал говорить и непременно говорить до самого конца и “высказаться”. Ругань и брань по адресу старого режима лились рекой; хлесткие фразы и образные выражения покрывались дружными аплодисментами и криками браво. Гнали в отставку чиновников управления театров – пощады не было» (*Шкафер В.П.* Сорок лет на сцене русской оперы. С. 226).

² Собрание артистов казенных театров // *Время*. 1917. 5 марта. В заметке говорилось о заседаниях артистов, идущих в Большом театре «ежедневно» (то есть 3 и 4 марта) – но в данном случае, как представляется, речь идет именно о заседании 3 марта, так как вопрос о принятии обратно уволенных хористов вряд ли мог быть поднят не в первый же день собраний, да и обсуждение 3 марта «оленинской» темы подтверждается цитированной записью в дневнике В.А. Теляковского.

³ Письмо в редакцию // Там же. 8 марта.

ухода из театра¹, оперные артисты, напротив, поддерживали своего коллегу.

Тогда же, 3 марта, из бывших императорских театров, наконец, ушли воинские части и вечером в обоих театрах состоялись спектакли, причем в Большом, где давали «Пиковую даму» и балетное представление, «в каждом антракте по требованию всей публики оркестром исполнялась “Марсельеза” при участии публики»². Затем, по постановлению Совета Русского театрального общества, спектакли во всех московских театрах были прекращены на 8 дней (4 – 11 марта), в течение которых (в субботу 3-й недели и на 4-й неделе Великого поста) театральные представления ранее воспрещались (Совет РГО решил поддержать запрет «по соображениям данного момента»)³. Наступивший перерыв в сценической работе, таким образом, способствовал еще более интенсивной деятельности артистов в области самоорганизации.

Насыщенным днем для деятелей московской «образцовой» сцены стало 4 марта. В Большом театре вновь состоялось собрание артистов бывших императорских театров (на этот раз – совместно со служащими Конторы), под председательством Ф.В. Павловского и с участием С.Т. Обухова. Собрание отправило на имя М.В. Родзянко популярную в то время приветственную телеграмму, которые председатель ВКГД получал сотнями: «Общее собрание артистов Большого и Малого театров выражает чувство беспредельного восторга перед спасительницей России – Государственной Думой и преклоняется перед дивным подвигом доблестной армии спасения народа и родины от гибели, к которой неминуемо вела старая власть. Собрание выражает надежду, что в новой свободной России воцарится свободное искусство и Большой и Малый театры получают автономное управление»⁴. Последняя строка содержала уже более-менее определенное требование, конкретные очертания которого предстояло еще выработать в переговорах с новой властью.

С этой целью артисты Большого и Малого театров выбрали 4 марта делегацию для поездки в Петроград. От Большого театра в состав делегации вошли А.М. Балашова, А.Ф. Гулин (секретарь),

¹ Протест против П.С. Оленина // Новости сезона. 1917. 21 – 22 марта.

² Большой и Малый театры // Русские ведомости. 1917. 3 марта; Отклики на события // Раннее утро. 1917. 4 марта.

³ Театральное общество // Русское слово. 1917. 5 марта.

⁴ Правительственные театры // Раннее утро. 1917. 5 марта.

А.В. Нежданова, Ф.В. Павловский, Л.В. Собинов, В.Д. Тихомиров. От труппы Малого театра были избраны: М.Н. Ермолова, Е.К. Лешковская, В.В. Максимов (секретарь), О.А. Правдин, О.О. Садовская, А.И. Сумбатов-Южин¹.

Общее собрание труппы Малого театра, состоявшееся в здании театра в тот же день, 4 марта, было созвано управляющим труппой А.И. Сумбатовым-Южиным с целью, как указано в протоколе, «выяснить настоящее положение труппы». Южин сообщил собравшимся, что «ввиду предписания Г. Московского Комиссара Государственной Думы все учреждения должны действовать согласно тому, как действовали при старом порядке». Прежде чем обратиться к комиссару М.В. Челнокову «за утверждением его в настоящей должности», Южин заявил, что «хочет узнать: желает ли труппа и впредь иметь его Управляющим Труппою, ввиду чего и просил высказаться вполне откровенно в его отсутствии». После этих слов артист временно покинул собрание, участники которого, под председательством режиссера И.С. Платона, единогласно вынесли резолюцию о доверии Южину («Поручить продолжать управление Драматической Труппою Заслуженному Артисту А.И. Южину князю А.И. Сумбатову и просить его взять на себя выяснение настоящего положения артистов и театра»). Вернувшийся после этого Южин был встречен аплодисментами; ему вручили постановление и избрали председателем собрания, товарищем председателя – И.С. Платона, актера В.В. Максимова и второго режиссера Н.А. Фролова – секретарем и товарищем секретаря².

Затем участники собрания заслушали письмо М.Н. Ермоловой «о том, что она всецело присоединяется к решениям товарищей» (приняли к сведению) и заявление представителя экстернов Малого

¹ Правительственные театры // Там же. 6 марта; Депутация артистов // Время. 1917. 6 марта; *Кашин Н.П.* Исторический очерк Управления Малого театра // Московский Малый театр: 1824 – 1924. М., [1924]. С. 591.

² РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 2. Л. 25. 21 марта, в письме к председателю общего собрания артистов Малого театра, Южин вспоминал об этом заседании (перепутав, правда, его дату – не 3, а 4 марта): «3-го Марта я созвал всю труппу и сказал: если Вы избираете меня на ту должность, которую я несу, я поеду к М.В. Челнокову и заявлю, что остаюсь. Если нет, немедленно сложу ее. Когда Вы единогласно не захотели меня выпустить, я не согласился на избрание *par acclamation* (без голосования – П.Г.) и ушел, чтобы дать Вам полную свободу решения. Вы через несколько минут вернули меня и Ваше дорогое доверие заплатило мне с лихвою за все, пережитое за эти 8 лет» (Там же. Ф. 659. Оп. 6. Д. 146. Л. 18 об.).

театра М.М. Тамарина «о необходимости изменить их правовое положение» (постановили принять к сведению «при дальнейшей разработке организации Малого Театра»). Далее, по предложению председателя А.И. Сумбатова-Южина, были избраны члены делегации для поездки в Петроград, которые получили от труппы полномочия «взять на себя, в полном объеме, выяснение правового положения Артистов и Театра, как в настоящем, так и в будущем, перед Его Высочайшим Превосходительством Господином Председателем Государственной Думы». После чего собрание, в котором участвовало 77 человек, завершилось¹.

На следующий день, 5 марта, труппа Малого вновь устроила общее собрание (под председательством И.С. Платона, при секретаре Н.А. Фролове). Председателем был поставлен вопрос о том, что «в настоящее время потребуется неизбежный расход, связанный с поездкою в Петроград избранных делегатов и поездкой, возможно, неоднократной, для каковой цели необходимо известное ассигнование». И.С. Платон сообщил собравшимся, что «в настоящее время в Кассе артистов имеется “остаток от %% ассигнований на нужды войны”, каковой остаток, по окончании вычетов для этой цели, по постановлению Комитета артистов, был перечислен в Кассу по представительству, но, принимая во внимание, что расходы могут потребоваться для насущных нужд труппы по текущим вопросам в сравнительно большой сумме и опасаясь, что остатка может хватить только на первое время», Платон предложил собравшимся увеличить процентные отчисления. В итоге участники собрания постановили отчислять в «Кассу артистов для представительства» по 2 % своего жалованья.

Затем на собрание приехал А.И. Сумбатов-Южин, посетивший ранее «Г. Московского Комиссара» (М.В. Челнокова). Последний, доложил артист своим коллегам, «подтвердил ему, А.И. Южину, лично, что все учреждения должны действовать согласно тому, как они действовали и раньше». Приняв это к сведению, собрание постановило, что, «для более точного выяснения вопроса о положении вещей, Делегации, в полном ее составе, необходимо выехать в Петроград сегодня же, то есть 5-го Марта 1917 года»².

¹ Там же. Ф. 649. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 25 – 26, 28; *Зограф Н.Г.* Малый театр в конце XIX – начале XX века. С. 516.

² РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

Не прекращались собрания артистов и в Большом театре. Примечательным событием явилось избрание труппой Большого в состав делегации, отправлявшейся в Петроград, Л.В. Собинова, который с 1915 г., вследствие конфликта с Дирекцией театров, в императорских театрах не служил¹. Здесь, конечно, сыграли роль выдающийся талант Собинова и его всероссийская известность. Амбициозный певец, имевший множество претензий к театральной администрации, с головой окунулся в политику. 5 марта в здании Большого театра вновь состоялось общее собрание артистов обоих казенных театров под председательством Ф.В. Павловского, на котором Собинов, выступая, «наметил программу действий делегации пред новым правительством о выяснении правового положения правительственных театров». После чего вечером 5 марта делегация (за исключением А.М. Балашовой, отказавшейся от поездки) выехала на поезде в Петроград, где теперь и должны были решаться судьбы московской императорской сцены².

Тем временем, театральная жизнь в Первопрестольной продолжалась. 5 марта С.Т. Обухов получил от комиссара ВКГД по Москве М.В. Челнокова официальное письмо; Челноков просил «Ваше Превосходительство продолжать заведывание Московскими Большим и Малым Театрами со всеми относящимися к ним учреждениями: 1) Контора, 2) Театральное училище, 3) Медицинская часть, со всеми принадлежащими Вам правами Управляющего»³. Эта бумага улучшила незавидное положение управляющего Конторой, вынужденного в последнее время присутствовать на собраниях артистов в качестве слушателя, а то и «ответчика»: теперь его административные права были признаны представителем новой власти.

В труппах обоих театров активно шел процесс самоорганизации. Большую активность проявили в этом артисты оркестра Большого театра. Первое общее собрание они устроили не позднее 4 марта⁴, но его протокол пока что выявить не удалось. Гораздо больше информации имеется о собрании оркестрантов, состоявшемся 5 марта. Председателем его был избран Я.К. Королев, секретарем – С.А.

¹ Волков Н.Д. Творческий путь Л.В. Собинова // Л.В. Собинов. Жизнь и творчество. М., 1937. С. 76.

² Правительственные театры // Раннее утро. 1917. 6 марта; Депутация артистов // Время. 1917. 6 марта; В Москве // Театр и искусство. 1917. № 10 – 11. С. 192.

³ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 10. Л. 1.

⁴ На собрании оркестрантов, состоявшемся 5 марта, был зачитан протокол собрания 4 марта (Там же. Ф. 648. Оп. 2. Д. 3. Л. 1).

Логинов. Перед собравшимися выступил капельмейстер Э.А. Купер, заявивший, что «время старого режима создало неприязненные отношения между ним и некоторыми членами оркестра». Далее, «приписав подобное явление ненормальности взаимоотношений между младшими и старшими сотрудниками в деле условиях старого режима», Купер «просил предать забвению прошлое и выставить свою кандидатуру в равноправные члены оркестра». Закрытой баллотировкой Купер, временно удалившийся с собрания, был избран в члены оркестра; впрочем, результаты голосования (62 голоса – за, 21 – против, 2 – воздержались) показывали, что у каждого четвертого музыканта действительно сложились с дирижером «неприязненные отношения»¹.

Единения с рядовыми оркестрантами искал и главный капельмейстер оперы Большого театра В.И. Сук, чье заявление огласил председатель собрания Я.К. Королев. Сук извещал о своем «желании идти рука об руку с Артистами оркестра Большого Московского театра». Как гласит протокол, заявление Сука было «принято единогласно». На том же заседании артисты оркестра постановили «выбрать комиссию из 15-ти лиц с правом “кооптации” для выработки проекта устава о правовом положении Артистов оркестра Московского Большого театра и предоставить право всем Артистам оркестра посылать в комиссию письменные заявления по вопросам, касающимся выработки устава». Сами выборы решили отложить до следующего собрания².

Оно состоялось 7 марта, при тех же председателе и секретаре (впрочем, на должность последнего, в связи с необходимостью для С.А. Логинова покинуть собрание, был временно избран оркестрант А.Г. Дубенский). В начале заседания, при рассмотрении заявления аккомпаниатора Ф.В. Оцепа «о желании его вступить в члены оркестровой корпорации», возник вопрос о том, «принять ли всех дирижеров, заявивших о желании присоединиться к оркестровой корпорации, или обсуждать о каждом дирижере отдельно». В итоге музыканты решили «рассматривать каждое заявление отдельно», подвергая тем самым дирижеров унижительной, в общем, процедуре «рассмотрения» их кандидатур. Если заявления Ф.В. Оцепа и (такое же) дирижера балетной труппы А.Ф. Арендса были приняты единогласно, то при обсуждении кандидатуры дирижера оперы Н.А. Фе-

¹ Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

² Там же. ЛЛ. 1 об. – 2.

дорова лишь 68 участников собрания высказались за принятие его в члены «оркестровой корпорации», 18 были против этого, 3 – воздержались¹.

Следующее общее собрание артистов оркестра состоялось 8 марта. На нем, наконец, были произведены выборы «старост внутреннего распорядка», намеченные еще 5 марта². Были избраны восемь человек: А.Г. Дубенский (от первых скрипок), А.М. Крулев (от вторых скрипок), Л.М. Пульвер (от альтов), М.А. Ефовский (от виолончелей), П.Ф. Чибор (от арф, фортепиано и контрабасов), В.Н. Денте (от деревянных духовых), С.А. Логинов (от медных духовых), Е.В. Костин (от ударных). Обсудив также порядок выборов комиссии из 15 человек, которая должна была разработать проект устава оркестра (сама баллотировка была отложена на следующее заседание), музыканты перешли к вопросу об избрании членов Художественного совета Большого театра. Один из присутствовавших на собрании (неясно, на каких основаниях) артистов хора, Ф.П. Боянов, выступил с «особым мнением», согласно которому эти выборы «должны производиться не по группам, а общим Собранием всех трупп, мотивируя свое мнение, что групповое избрание не может дать тех положительных результатов, для столь высокого назначения, ввиду различности групп по существу». Боянов предложил избрать в Художественный совет театра С.В. Рахманинова, Л.В. Собинова и В.Д. Тихомирова; собранием это было «принято к сведению»³.

Еще один инцидент с участием хористов произошел в конце заседания 8 марта. Присутствовавшие на нем артисты хора А.Л. Давыдов и Н.Г. Подгорецкая внесли внеочередное заявление «о немедленном удалении Директора театров Теляковского, Управляющего Конторой Московск[их] театров Обухова, служащих при Московской конторе Василевского и Силина». Это предложение, очевидно, выходило за пределы компетенции общего собрания оркестра Большого театра. Тем не менее, участники собрания постановили «впредь до приезда делегации из Петрограда вопрос оставить открытым», поручив своему коллеге А.М. Крулеву о последовавшем решении артистов оркестра довести до сведения хора. Тогда же, в целях дальнейшего единения оркестра и хора, музыканты единогласно поста-

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. ЛЛ. 10 – 10 об.

новили образовать «через посредство согласительной комиссии «ОРКЕСТРОВО-ХОРОВОЙ БЛОК» по вопросам общего характера»¹. В этом решении сказалась чисто административная логика. По своему художественному значению, равно как и по окладам жалования, оркестранты стояли гораздо ближе к артистам оперы и балета, чем к хору, бывшему всего лишь придатком оперной труппы. Но с точки зрения отстаивания прав своего «коллектива» во внутритеатральной политике альянс оркестра с радикально настроенными хористами мог уравновесить влияние «коллективов» оперной и балетной трупп, артисты которых, прежде всего, и ассоциировались у широкой публики с представлением о Большом театре.

Если первые шаги оркестрантов на ниве самоорганизации, благодаря сохранившимся протоколам заседаний, могут быть освещены достаточно подробно, то столь же информативные источники по истории оперной труппы пока еще не выявлены. 6 марта артисты оперы (под председательством певца А.В. Богдановича²) собрались на заседание и постановили «избрать Комиссию из г.г. артистов Оперной труппы для решения художественных и правовых вопросов, касающихся артистов оперной труппы Московского Большого Театра». В комиссию были избраны артисты А.В. Богданович, И.Н. Комаровский, В.В. Осипов, Ф.В. Павловский, Ф.Ф. Эрнст³. Собирались артисты оперы и 7 марта⁴. На одном из этих первых собраний и о. главного режиссера оперной труппы В.П. Шкафер (против которого, так же, как и против других театральных администраторов, стали

¹ Там же. ЛЛ. 10, 11.

² Богданович Александр Владимирович (1874 – 1950) – певец, вокальному искусству учился у Л.В. Собинова. В молодости участвовал в революционных кружках, в декабре 1901 г. арестовывался полицией, в январе 1902 г. благодаря хлопотам Собинова освобожден. В 1905 – 1906 гг. – солист Мариинского, в 1906 – 1936 гг. – Большого театра. В.П. Шкафер вспоминал о выдающейся роли Богдановича в собраниях артистов на протяжении 1917 г.: «не менее энергичным общественником в труппе был тенор Александр Владимирович Богданович, бесценно председательствовавший в корпорации артистов-солистов, врач по образованию; он отличался большим умением улаживать жизненные конфликты как внутреннего характера, так и всякого сорта междуведомственные трения и неприятности, касающиеся отдельных лиц труппы и театра и искусства в целом» (*Пружанский А.М.* Отечественные певцы. 1755 – 1917: Словарь. Ч. 1. С. 62; *Шкафер В.П.* Сорок лет на сцене русской оперы. С. 228).

³ Музей Большого театра. КП 3500/2515. Л. 1.

⁴ Большой театр // Раннее утро. 1917. 8 марта.

раздаваться обвинения в печати¹⁾ заявил, что «в качестве служащего по назначению он оставляет свой пост». Однако, собрание «in согороге просило г. Шкафера не покидать своего места и остаться главным режиссером», на что последний дал свое согласие².

Московская делегация в Петрограде

Утром 6 марта делегаты от московских императорских театров прибыли в Петроград, сопровождаемые слухами об их радикальном настрое – так, корреспондент «Русской воли» утверждал, будто бы москвичи заявили комиссару Дирекции театров Н.Н. Львову об отказе «от дальнейшей совместной работы с Теляковским и начальником московской конторы Обуховым»³.

Остановились артисты в квартире видного либерального политика М.А. Стаховича⁴. Это, несомненно, было сделано под влиянием А.И. Сумбатова-Южина, игравшего ведущую роль в делегации: Стахович был его другом, и Южин часто гостил у него во время своих многочисленных приездов в Петроград в 1917 г.⁵ Здесь, у Стаховича, с делегатами встретился комиссар ВКГД и Временного правительства над Дирекцией театров Н.Н. Львов⁶ – близкий знакомый Стаховича, бывший некогда, вместе с ним, основателем Партии мирного обновления⁷.

¹ Так, один из авторов «Времени» писал: «Как мы читали в газетах, директором правительственных театров по-прежнему остается г. Теляковский, а сотрудниками его та почетная гвардия, которая в течение многих лет усиленно хлороформировала живой и здоровый организм русской оперы для того, чтобы производить над ним операции, никому ненужные, кроме как гг. Теляковским, Обуховым, Тартаковым, Лениным, Шкаферам и несть им числа другим “администраторам” и театральным генералам» (*Донатов И.* Московский Правительственный Большой оперный театр // *Время.* 1917. 8 марта).

² В опере Большого театра // *Театр.* 1917. 12 – 13 марта.

³ Театр // *Русская воля* (вечерний выпуск). 1917. 8 марта. «Делегацией выработана конституция для московских государственных театров» – сообщалось в той же заметке. Это было преувеличением – сведений о каком-либо документе, подготовленном в то время делегатами московской казенной сцены, обнаружить не удалось.

⁴ В Москве // *Театр и искусство.* 1917. № 10 – 11. С. 192.

⁵ АРО ГЦТМБ. Ф. 317. № 3025. Л. 1; 3027. Л. 2; 3029. Л. 2; 3054. Л. 1.

⁶ В Москве // *Театр и искусство.* 1917. № 10 – 11. С. 192.

⁷ Стахович Михаил Александрович // *Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия.* С. 588.

Подробности переговоров артистов с Н.Н. Львовым пока что выяснить не удалось. Около 3 часов дня делегаты приехали на казенную квартиру В.А. Теляковского (которому еще утром звонил Южин, сообщив, что он и его коллеги прибыли в Петроград «дабы определить ту позицию, которую должны занять Московские Театры»¹). Директор театров описал в дневнике произошедшее столкновение с весьма радикальным настроенным Л.В. Собиновым, который «конечно, стал нападать на прежние порядки и сказал, что много талантливых артистов покинули из-за режима службу в Императорских Театрах». Теляковский не преминул тут же отметить, что «большого сочувствия среди артистов эта выходка не имела», так как, по мнению автора дневника, «все знают, что никто из выдающихся на самом деле не ушел», а если и уходили, то лишь те, кому «за границей и в частных театрах больше платили». Сам же Собинов «хотел получать наравне с Шаляпиным – но тогда обижался Шаляпин и требовал больше. Дирекция же не имела средств поднимать еще бюджет»².

Итог переговоров с артистами также нашел свое отражение в дневнике В.А. Теляковского: «В общем, схема предполагаемого будущего управления Московскими Театрами вылилась в такую форму. В Большом и Малом Театре по управляющему Театрами. В Малом остается Южин, в Большом предполагают выбрать Собинова – кроме того, артисты выбирают заведующих труппами оперной и балетной. В Конторе остается управляющий – но художественные функции переходят в коллегиальные советы под председательством управляющих труппами»³.

Цитированная запись фиксирует, прежде всего, желаемые в будущем очертания московской театральной администрации. Основной же непосредственный результат переговоров артистов с Н.Н. Львовым и В.А. Теляковским заключался в назначении А.И. Сумбатова-Южина комиссаром «по Управлению Конторою Московских театров, Большим и Малым Московскими театрами и Московским

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 51 об.

² Там же. ЛЛ. 51 об. – 52. В.А. Теляковский сделал тогда же в дневнике не лишнее интереса примечание о взглядах Л.В. Собинова на положение оркестра и хора Большого театра, которые «значительно разнятся от взглядов Петроградских оперных артистов. Собинов считает оркестр и хор за единицы коллективные и потому не могущих (так в тексте – П. Г.) решать главные вопросы» (Там же. Л. 52).

³ Там же. Л. 52.

Театральным Училищем». «Всем его предписаниям», говорилось в изданном 6 марта приказе Н.Н. Львова за № 9, «должны подчиняться беспрекословно и немедленно все служащие при Московских театрах и Училище», а «более важные распоряжения должны подлежать власти моей, Комиссара Государственной Думы, через представленные Дирекции»¹. Как видно, приказ Н.Н. Львова не блистал правовой точностью (чего стоят только «более важные распоряжения»), которой можно было бы ожидать от выпускника юридического факультета Московского университета и депутата Государственной Думы трех созывов². Впрочем, в переживаемое время непросто было выработать ясные и четкие формулировки – настолько изменчивой и динамичной была сама действительность.

В.А. Теляковский, почему-то не занесший новость о назначении Южина комиссаром московских театров 6 марта в дневник, вечером этого дня (на телеграмме отмечено время 22 ч. 46 мин.) дал телеграмму С.Т. Обухову: «Комиссаром Государственной Думы Николаем Николаевичем Львовым назначен уполномоченным Комиссаром по Управлению Конторой, Большим, Малым театрами, училищем Князь Сумбатов-Южин. Всем его предписаниям должны подчиняться беспрекословно немедленно все служащие и артисты. По моему соглашению с Южиным Вы и все служащие продолжаете исполнять свои обязанности, оставаясь в своих должностях. Теляковский»³.

Еще одним итогом переговоров 6 марта стало предложение, сделанное Л.В. Собинову (вероятно, остальными делегатами и Н.Н. Львовым), возглавить Большой театр. Однако артист отказался пойти на это, не будучи избран труппой⁴. Собравшаяся на следующий день труппа театра постановила просить великого певца принять избрание⁵. Официальное оформление руководящей роли Собинова в Большом театре состоялось уже после возвращения делегации в Москву.

Если, таким образом, будущее Большого и Малого театров было в общих чертах определено, то статус Московской конторы театров и судьба ее управляющего оставались еще неясными. Вечером 6

¹ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 10. Л. 2; РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 3.

² Нарский И.В. Львов Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. С. 338.

³ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 10. Л. 6. Южин 7 марта сообщил телеграммой о состоявшемся назначении своей супруге (АРО ГЦТМБ. Ф. 317. № 3024. Л. 1).

⁴ Комиссары московских театров // Раннее утро. 1917. 7 марта.

⁵ Большой театр // Там же. 8 марта.

марта В.А. Теляковский, беспокоившийся о судьбе своего московского подчиненного и соратника, вызвал к себе А.И. Сумбатова-Южина, с которым «переговорил относительно Обухова, причем просил его шадить самолюбие Обухова и уговорить его оставаться временно управляющим Конторой и заявить, что все сделано с моего согласия и одобрения»¹. 7 марта Теляковский переговорил с С.Т. Обуховым по телефону и «просил его временно, как и я, остаться на месте до сдачи дел»².

Второй день пребывания делегации в Петрограде (7 марта) был посвящен преимущественно денежным вопросам. Артисты посетили министра финансов М.И. Терещенко и комиссара Н.Н. Львова³. Последний утром приехал к В.А. Теляковскому, с которым они вместе «говорили по поводу текущих дел и главным образом по поводу ассигновки для Московских Императорских Театров. Вопрос денег и немедленного удовлетворения рабочих – вопрос первостепенной важности», отметил в дневнике Теляковский, «а в Московской Кассе Министерства наверное денег мало – к тому же Обухов с разрешения Городского Головы Челнокова обещал рабочим прибавку несмотря на то, что прибавка была дана осенью. А кроме рабочих в Москве не удовлетворены артисты, хор, оркестр, которые совершенно несправедливо обижены против служащих в Петроградских Театрах»⁴.

Вечером 7 марта делегация артистов отправилась в Москву. Перед отъездом А.И. Сумбатов-Южин спросил В.А. Теляковского, не откажется ли он уступить ему чиновника Петроградской Конторы театров (отвечавшего в ней за сношения с московскими театрами) П.П. Посникова, «если Обухов не захочет остаться на своем месте». Теляковский «сказал, что подумаю и не могу этого сделать, не переговорив с Н.Н. Львовым»⁵. Размышляя о новых полномочиях и новой роли самого А.И. Сумбатова-Южина, директор театров записал в дневнике: «Он будет действовать в Москве как комиссар от нового Правительства в силу данного ему приказа от Н.Н. Львова и ему в этом отношении будет подчинен Обухов. Все текущее дело Южин обязан мне доносить, как Директору Правительственных Театров, а я

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 52.

² Там же. Л. 53.

³ Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 8 марта.

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 52 об.

⁵ Там же. Л. 53.

уже докладываю комиссару»¹. Заметим, что обязанность Южина «доносить» директору театров была оговорена в приказе Н.Н. Львова № 9 относительно «более важных распоряжений», поступающих к комиссару «через представление Дирекции»; при этом оставалось не вполне ясным, является ли в таком случае директор театров самостоятельной инстанцией или просто «передаточным звеном», отсылающим бумаги, пришедшие из Москвы, на рассмотрение правительственного комиссара. Вопрос о соотношении полномочий руководителя ведомства государственных театров, находящегося в Петрограде, и выборной администрации казенных театров Москвы, неоднократно поднимался впоследствии в течение 1917 г.²

8 марта, в половине двенадцатого утра, к В.А. Теляковскому приехал Н.Н. Львов, чтобы заниматься «текущими делами» и, между прочим, спросил, «хорошо ли, что Комиссаром Государственных Театров он назначил в Москву Кн. Сумбатова». Теляковский, согласно его дневниковой записи, «повторил, как и третьего дня, что выбор этот вполне одобряю, ибо думаю, что Обухову одному будет очень трудно справиться с артистами, служащими и рабочими при совершившемся перевороте – особенно принимая во внимание его растерянность и боязнь допустить новшества»³.

Тем временем, 8 марта делегация артистов во главе с А.И. Сумбатовым-Южиным вернулась в Москву⁴ (по всей видимости, так и не побывав на приеме у М.В. Родзянко, к которому делегаты изначально, в соответствии с данными им полномочиями, планировали поехать). Для московских театров наступало новое время, когда во главе их встал выбранный самими артистами и утвержденный революционной властью комиссар, выдающийся актер и крупный администратор, пользовавшийся общим уважением. В этом заключался один из важнейших результатов Февральской революции в московских императорских театрах (ставших теперь государственными). Другие последствия были схожи с тем, что сделал Февраль во всех сферах русской жизни, вызвав всеобщую демократизацию, выдвинув

¹ Там же.

² См: *Гордеев П.Н.* «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2012. С. 97 – 166.

³ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 54.

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 3.

на первый план в каждом деле роль коллектива. Это выразилось в начавшихся уже на первой неделе марта «общих собраниях» отдельных групп артистов, которые в 1917 г. стали обязательной приметой в жизни русских театров. Здесь, на собраниях, в роли неуверенных просителей (просивших о доверии, о том, чтобы считаться членами «коллективов») выступали представители прежней театральной администрации – от главного капельмейстера В.И. Сука до и. о. главного режиссера оперной труппы Большого театра В.П. Шкафера. Здесь же избирались новые руководители теперь уже не императорских, а государственных театров; и если труппа Малого театра, сохраняя преемственность эпох, облекла «революционными» полномочиями своего прежнего управляющего, А.И. Сумбатова-Южина, то артисты Большого, в целом настроенные более радикально, вручают власть знаменитому певцу Л.В. Собинову, непримиримому противнику Дирекции и Московской конторы театров, который неоднократно в 1917 г. будет вступать в противоборство с представителями Временного правительства в Комиссариате над бывшим Министерством двора, к ведомству которого относились государственные театры.

Бажанов Д.А.

Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорской военно-морской базы в марте-мае 1917 г.: повседневность и политика

*У нас масса беспартийных, и партийные
только верхи...*

*Масса же идет только за теми, кто пред-
лагает более подходящую комбинацию.*

А.М. Брушвинт, 18.04.18

Вопросы снабжения военнослужащих в годы Первой мировой войны остаются второстепенными для исследователей. Некоторое внимание этому вопросу уделил впервые В.В. Петраш, указавший сумму, выделявшуюся на ежедневное питание матросов Балтийского флота в феврале 1917 г.¹ Однако в дальнейшем это направление не получило продолжения. В то же время в 90-е гг. началась ревизия в

¹ *Петраш В.В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1963. С. 26.

отношении к роли снабжения. Важные замечания, базировавшиеся на материалах изученных фронтовых писем, были сделаны Е.С. Сенявской¹.

Снабжение личного состава можно разделить на три категории. Первая распространялась на весь личный состав и заключалась в денежном довольствии. Две остальные касались унтер-офицеров и рядовых. За казенный счет они получали обмундирование, а также продовольствие. Питание и экипировка офицеров производились ими из собственных средств.

К началу 1917 г. можно говорить о бесперебойном денежном снабжении. В то же время, начиная с 1916 г., экипажи стали ощущать разрушительное действие войны и на свой быт. Кризисные явления возникали постепенно во всех сферах. Так, 10 марта 1916 г., например, командир «Полтавы» капитан I ранга барон В.Е. Гревениц рапортом сообщил начальнику бригады о претензии месячной давности двух матросов своего корабля. Матросы I статьи Н. Новиков и Л. Сенцов не получили в комплекте обмундирования носки. Далее В.Е. Гревениц докладывал: «Носки не были выданы за неимением их в порту, почему претензия Новикова и Сенцова справедлива, но не удовлетворима, так как до сего времени носков в порту не было и не предвидится»². Показателен в этом смысле рапорт, отправленный на имя командира линейного корабля «Петропавловск» капитана I ранга В.К. Пилкина инженер-механиком того же корабля мичманом Яковлевым: «Доношу Вашему Высокоблагородию, что при выдаче мною нижним чинам вверенной мне роты денег за кальсоны, некоторые нижние чины заявляли мне, что денег 2 рубля 55 копеек при современной дороговизне на три пары кальсон слишком мало, и что кальсоны им крайне нужны, так как старые пришли в негодность»³. Рапорт был отправлен 18 августа 1916 г. Около недели он пролежал без движения у командира, а затем был передан в штаб бригады, где было решено обратиться с ходатайством к командующему флотом об увеличении средств, отпускаемых на содержание команд ежемесячно. Ответа непосредственно на рапорт не последовало.

Поставляемое обмундирование также было не всегда отличного качества. 11 ноября судовая комиссия линейного корабля «Андрей

¹ Сенявская Е.С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. С. 75.

² РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 45. Л. 154.

³ Там же. Ф. 743. Оп. 1. Д. 67. Л. 53.

Первозванный» отказалась принимать матросские фуражки, присланные из Свеаборгского порта. Аналогичная ситуация сложилась на крейсере «Громобой»: сначала были признаны непригодными половина присланных из порта одеял, а затем забракованы и 40 бушлатов¹.

Положение офицеров и кондукторов оказывалось по-своему еще более сложным, т.к. они должны были заказывать предметы обмундирования на берегу. В Гельсингфорсе ситуация усложнялась отсутствием в порту необходимых мастерских и швален. Поэтому приходилось либо заказывать все необходимое в Кронштадте, через мастерские Морского экономического общества, пользуясь услугами местных портных. С августа 1916 г. командование флота пыталось решить проблему и добилось выделения портом помещений под мастерскую и швальню. Однако кредиты для приобретения оборудования не поступили и в 1917 г.²

Не редкостью стали и задержки в поставках материалов. Фактически с лета 1916 г. снабжение ими осуществлялось по мере закупок Главным морским хозяйственным управлением. Так, решить проблему недостатка материалов для офицерского обмундирования летом 1916 г. отчасти удалось приобретением у общества «Братья Бабкины» сукна, кастора, диагонали и драпа. Однако его хватало на пошив всего 350 пальто и 200 синих кителей. Получив, сообщение из управления об этом, 5 июля начальник штаба контр-адмирал Н.М. Григоров наложил резолюцию: «По возможности удовлетворить тех, кто получает малое содержание и не больше пока [чем – Д.Б.] на один комплект на срок не меньше года»³. С августа снабжение офицеров материалами Главное морское хозяйственное управление предложило проводить по спискам. Заниматься их составлением должен был штаб флота⁴.

27 декабря 1916 г. из Петрограда в штаб флота пришел циркуляр с просьбой сократить на 50 % потребление кожи, т.к. запасы были исчерпаны и быстрого пополнения не предвиделось. 11 января 1917 г. комиссия, состоявшая из представителей флота, Главного морского штаба, Главного морского хозяйственного управления и Петроградского порта предложила компенсировать недостаток ко-

¹ Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 814. ЛЛ. 20, 53, 77.

² Там же. ЛЛ. 2, 4, 5, 10.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 6.

жанных ботинок и сапог для моряков с помощью обуви с армейских складов¹. В начале 1917 г. произошла задержка с поставкой сукна в Гельсингфорс. Как сообщалось в рапорте начальника 1-й бригады линейных кораблей, в магазины Свеаборгского порта поступило по 40 аршин вместо положенных 54 на корабль. Были обнаружены дефекты: отсутствовала белая нитка по краям, в отдельных кусках имелись потертости и прорехи². При этом количество материалов, предназначенное для матросов, фактически было еще меньше, т. к. штаб флота, не видя иных возможностей, предложил начальникам соединений 16 февраля отпускать сукно и для кондукторов. То же касалось и фланели³.

Произошли в 1916 г. и изменения в питании. Основные из них коснулись мяса, масла и хлеба. Согласно новому рациону, вступившему в силу с 1 июня, по вторникам и пятницам у экипажей были постные дни. Т.е. в их меню отсутствовали блюда, в которые входило мясо. Кроме того, в некоторых блюдах этот продукт либо исчез полностью, либо его количество уменьшилось. Так, если по раскладке января в рисовую кашу надо было класть 12 фунтов свинины на 100 чел., то во втором полугодии каша стала постной. В макаронный и гороховый суп вместо 12 фунтов мяса на 100 чел. стали добавлять 10,4. Также в суп макаронный перестали добавлять специи. Однако и эти меры были признаны недостаточными. С 1 сентября 1916 г. вводился и третий постный день⁴.

К январю 1917 г. продовольственный склад Свеаборгского порта испытывал трудности с запасами масла. 5 января управляющий портом сообщал в штаб флота, что в магазинах осталось не более 350 пудов. При этом минимальная необходимая дополнительная поставка, согласно его расчетам, должна быть не меньше 300 пудов. Принимая во внимание, что, согласно подготовленной справке, месячный расход в декабре 1916 г. составлял 2067 пудов 13 фунтов, норму выдачи предполагалось сократить весьма серьезно⁵.

Пытаясь найти выход, штаб 31 января предложил заменить в рационе завтрака выдачу черного хлеба с маслом простым ситным. Но в том же циркуляре оговаривалось «если не будет дополнитель-

¹ Там же. Л. 88.

² Там же. Ф. р-266. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

³ Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 814. Л. 105.

⁴ Там же. Д. 821. Л. 8.

⁵ Там же. ЛЛ. 17, 22.

ных затрат с пшеничной мукой»¹. Однако эта рекомендация оказалась малодейственной, т. к. корабли уже столкнулись с дефицитом пшеничной муки. Еще осенью, согласно «Годовому отчету» судового врача с линейного корабля «Севастополь», «прекратили, за отсутствием муки, выпечку белого хлеба, который раньше давали 4 раза в неделю»².

Прямые последствия ухудшения продовольственного снабжения проявились в нескольких сферах. Явно это выразилось в потере веса моряками. Старший врач «Севастополя» И.И. Тржемесский продолжал в «Отчете»: «Взвешивание команды, произведенное осенью, показало, что за исключением матросов срока службы 1916 года, то есть в этом году прибывших на корабль, большинство прочих нижних чинов убыло в весе, что[,] безусловно[,] необходимо приписать вышеуказанной мере (т.е. уменьшению количества мяса и хлеба – Д.Б.), так как в 1915 году такого падения в весе при одинаковых условиях жизни и службы не наблюдалось»³. На линкоре той же бригады «Гангут» из взвешенных 1135 чел. прибавили в весе 447, потеряли – 642, остались с прежним – 46 чел.⁴

Также ухудшилось общее медицинское состояние. В документах за февраль 1917 г. из 9 чел., нуждавшихся в серьезном обследовании (еще 10 чел. были обследованы ранее, поэтому точных данных об их диагнозах не имеется), четверо заболели «при упадке питания». У кочегара линейного корабля «Полтава» П. Панова был обнаружен связанный с этим катар дыхательных путей. Еще у 3 чел.: санитары с «Петропавловска» Г. Комарова, электрика с того же корабля И. Нагорнюка и комендора с «Севастополя» П. Мищенкова диагноз был одинаков – осложнение после сделанных операций после заворота кишок, вызванного некачественным питанием. Подобного в течение месяца ранее не наблюдалось⁵. На фоне этих цифр нет ничего удивительного, что если за январь 1917 г. списано, переведено и уволено в отпуск 18 нижних чинов (в том числе только 2 вообще освобождены от службы по состоянию здоровья и 6 отправлены в отпуск по той же причине), то в феврале эти цифры возросли так: 59 чел. списаны, переведены и уволены в отпуск (по состоянию здоро-

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 131. Л. 11.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 127. Л. 38.

⁵ Там же. Д. 157. ЛЛ. 10 – 10 об.

вья уволены от службы 3 чел. и в отпуска отправлено 16)¹. Косвенно эти проблемы проявились и в составе преступлений. Так, в 1916 г. корабельные суды столкнулись с не имевшими до этого времени места кражами корабельного продовольствия. Подобных случаев было рассмотрено 3, что составило более 17 % от общего количества².

С первых революционных дней дело снабжения стало переходить в руки создававшихся революционных органов власти. Вопрос распределения продовольствия и обмундирования на кораблях стал решаться созданными в начале марта судовыми комитетами. Меры в первом направлении успешно реализовывались благодаря полному переходу всего процесса в руки экипажа. Следили за этим специальные продовольственные комиссии, существовавшие автономно, как это было на линейном корабле «Севастополь», транспорте «Снаряд» или штабном судне «Кречет», или входившие в состав хозяйственных комиссий, как на линкоре «Цесаревич». О роли и популярности этой комиссии, можно судить хотя бы по тому факту, что в комитете линейного корабля «Севастополь» II состава (18 апреля – 28 июня) из 25 человек в продовольственную комиссию входило 9, в комиссию «по проверке харчевых сумм» – 4 и в комиссию по проверке буфета – 3 человека³, т.е. более 50 % от численности всего комитета. Выбирались они на первых собраниях судовых комитетов. Так, на «Севастополе» упоминалась на первом заседании, а на «Кречете» и на «Снаряде» – на втором.

Как правило, это приводило к тому, что на первых порах пищевое снабжение на кораблях улучшалось. Так, на «Кречете» продовольственная комиссия вынесла на заседание 16 марта предложение увеличить количество мяса, отпускаемое на неделю. За счет этого члены комитета предполагали добавить второе мясное блюдо. Запасы рыбы предлагалось использовать для приготовления блюд на Страстной неделе⁴. Комитет транспорта «Снаряд», опираясь на постановление общего собрания команды, постановил разрешить вы-

¹ Там же. Д. 158. ЛЛ. 22 об., 38.

² См. подробн.: *Бажанов Д.А.* Кражи как элемент военной повседневности в 1914 – 1917 гг. (на материалах кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы) // Наука и бизнес: пути развития. 2012. №7(13). С. 32 – 38.

³ РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. ЛЛ. 74 об. – 75.

⁴ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. ЛЛ. 1, 3.

дачу дополнительного сахара тем членам экипажа, которые имели семьи¹.

В случае необходимости закупки для нужд экипажа члены комиссии обращались к командиру корабля, а тот, в свою очередь, выписывал соответствующее удостоверение.

Однако такое хозяйствование приводило к тому, что уже в апреле комитеты вынуждены были обращаться в вышестоящие инстанции за пополнением запасов. Поставки продовольствия в Гельсингфорс осуществлялось по-прежнему через штаб флота и Свеаборгский порт. Запасы в комиссариатских магазинах были ограничены. При этом помимо масла и мяса наметился и дефицит муки. Как следует из переписки интенданта порта капитана II ранга Н.С. Вечеслова с Главным морским хозяйственным управлением министерства, флот практически месяц, с 25 февраля по 21 марта, не имел не только поставок продовольствия, но и сведений, когда их можно ожидать. Лишь 21 марта из Петрограда пришло сообщение о выходе из Ростова-на-Дону и Екатеринодара 42 вагонов с мукой². Однако их еще нужно было дожидаться. Тем временем, порт запросил Свеаборгскую крепость о передаче «заимообразно» 35 тыс. пудов ржаной муки, что составляло примерно месячный запас. Спустя три дня было получено согласие³. 7 апреля Главное морское хозяйственное управление сообщило, что еще 8 марта было принято решение о выделении 10 тыс. пудов коровьего масла уполномоченному от ведомства Баранову. Из них 2 тыс. пудов предназначались к отправке в Гельсингфорс. 10 апреля хозяйственное управление постановило отправлять в Свеаборгский порт подобное количество ежемесячно⁴.

Аналогичным образом складывалась ситуация и с обмундированием. Определенные перебои с поставками, наметившиеся еще в 1916 г., приводили к неполучению смены комплекта формы за 1917 г., отсутствию тех или иных его элементов. Первые попытки добиться получения обмундирования относились еще к середине марта. В канцелярию Свеаборгского порта, а затем и в штаб флота стали поступать запросы о наличии запасов. 15 марта запрос был сделан с линейного корабля «Император Павел I», еще через два дня – с дредноута «Севастополь» и крейсера «Диана», а 29 марта – с по-

¹ Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

² Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 821. ЛЛ. 61, 89, 91 – 92.

³ Там же. ЛЛ. 94, 98.

⁴ Там же. ЛЛ. 89, 102.

сылного судна «Кречет»¹. Однако в сложившихся условиях смены командования и нарушения традиционных возможностей поставок через Петроградский и Кронштадтский порты добиться ответов оказалось невозможно. Особенно серьезной проблемой становился дефицит обуви и материалов для ее изготовления. Еще 11 января 1917 г. специально созданная комиссия при Главном морском хозяйственном управлении постановила выдавать при недостатке кожи «полусапоги со шнурками». Предполагалось, что новобранцы получат одну пару в марте 1917 г., а вторую – в августе². Старослужащие должны были получить сапоги из запасов, хранившихся в Свеаборгском порту. Однако полусапоги заготовить не успели. 16 марта капитан II ранга Н.С. Вечеслов просил ускорить высылку из-за большого количества «письменных и словесных запросов»³. Однако их прибытие задерживалось, и 8 апреля начальник штаба флота разрешил выдавать новобранцам со складов имевшиеся запасы сапог. В этих условиях обувь не смогли получить старослужащие, поэтому запросы продолжались.

В таких условиях моряки пытались апеллировать к новым властям. Поначалу это делали те представители кораблей, которые являлись их членами. Так, 7 апреля председатель судового комитета крейсера «Россия» и депутат Гельсингфорского совета лейтенант Б. Белевич поставил вопрос об организации снабжения обувью на заседании Исполнительного комитета. Спустя еще 2 недели на заседание ИК было вынесено предложение экипажа линкора «Андрей Первозванный» о выдаче вместо сапог денег. Тем самым, фактически, моряки предложили внести обувь в перечень предметов, по которым производился так называемый «зачет имеющегося обмундирования». Но обнаружилась еще одна проблема, которая раскрывала, на наш взгляд, истинные намерения части экипажей. 25 апреля штаб флота официально обратился в ИК Совета сообщив, что «полученные полусапоги и заготовительные цены матросов не удовлетворяют», и решение «вопроса удовлетворения обувью» штаб отправляет в Совет. Полагаем, таким образом, что многие моряки вовсе не хотели получать новую обувь, им была нужна денежная компенсация.

Однако и депутаты Гельсингфорского совета решить проблему были, по-видимому, не в состоянии, тем более что в это время на

¹ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 106. Л. 12.

² Там же. Ф. 479. Оп. 3. Д. 814. Л. 88.

³ Там же. ЛЛ. 128, 138.

заседаниях активно обсуждался вопрос о доверии правительству. Это было связано с известной нотой П.Н. Милокова, давшей начало политическому кризису. Что касается Матросской секции Совета, то она также свое основное внимание посвятила иному вопросу. 26 апреля ее членами был утвержден «Проект организации Центрального комитета Балтийского флота». В тот же день на общем собрании делегатов было принято принципиальное решение об учреждении ЦКБФ. Спустя три дня доработанный проект был окончательно принят Советом¹. Именно в Центробалт 2 мая и передали рассмотрение этого вопроса. 5 мая его делегаты постановили выдавать матросам деньги вместо сапог из расчета 24 руб. (42 марки) за пару. Это практически в два раза превышало предварительные расчеты штаба (12 руб. 33 коп.)². 9 мая новый морской министр А.Ф. Керенский утвердил размер денежного «отпуска» за сапоги³.

В дальнейшем решение подобных вопросов в ЦКБФ легло на плечи Хозяйственной секции Центробалта. В частности, именно с санкции ЦКБФ судовые комитеты в летние месяцы стали заниматься организацией самоснабжения. Иногда для этих целей использовались матросы, посылавшиеся в качестве агитаторов от лица Центробалта. Так, 11 августа, судовой комитет линкора «Петропавловск» поручил члену Всероссийского Крестьянского союза М. Самсонову, направленному в Рязанскую губернию, собрать сведения о ценах на мясо, рыбу, молоко, картофель. Их отсутствие ощущалось в Гельсингфорсе очень остро⁴. К осени масштабы таких самозаготовок значительно выросли. Так, 5 октября 1917 г. отдел заготовок и снабжения министерства продовольствия сообщал в морское министерство, что «разрешить заказывать и вывозить матросам, действующим по поручению Центробалта, из Томской губернии ежемесячно 1500 пудов коровьего масла... не представляется возможным»⁵.

Позднее ЦКБФ сумел на своих складах собрать и некоторые запасы материалов для обмундирования. 3 августа судовая организация «Полтавы» решала проблему покупки сукна. В конечном счете,

¹ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 г. (март – октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 87 – 89.

² РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 814. ЛЛ. 250, 259 – 260, 273.

³ Там же. Л. 287.

⁴ [Б/а] [Б/н] / Хроника // Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 11 (24) августа.

⁵ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 821. Л. 249.

его приобрели в интендантской секции Центробалта¹. На заседании комитета «Севастополя» 17 сентября после сравнения цен на подошвенную кожу для обуви, депутаты постановили закупить партию на всю бригаду у Центрального Комитета Балтийского флота, продававшего ее дешевле остальных, по 2 руб. за фунт².

Таким образом, с первых дней существования комитеты, а также Центральный комитет Балтийского флота заняли важное место в снабжении личного состава военных кораблей. Полагаем, что именно это обстоятельство играло немаловажную роль в обретении ими авторитета в матросских массах. Детальное изучение этой стороны деятельности революционных органов власти поможет, несомненно, более полно раскрыть те причины и механизмы, с помощью которых им удалось в короткие сроки завоевать свое «место по солнцем» и стать, по выражению Н.А. Ховрина, «грозной силой, способной со временем повести за собой весь флот»³.

Дубровская Е.Ю.
Российские военнослужащие в Финляндии и
финляндские национальные и социальные
движения в 1917 году: история изучения и
перспективы исследования *

В годы Первой мировой войны до предела обострились отношения внутри сложного узла противоречий между финляндским национальным движением и российскими стратегическими интересами в автономной Финляндии. Специфика политической ситуации, сложившейся здесь в период войны и российской революции 1917 г. заключалась в том, что к старому конфликту между имперским центром и автономией по вопросу о прерогативах верховной власти добавился и новый конфликт. Он вытекал из необходимости тотальной мобилизации, а значит, увеличения степени государственного вмешательства в местные дела, расширения роли армии и военной администрации в государственном управлении.

¹ Там же. Ф. р-402. Оп. 2. Д. 118. Л. 8.

² Там же. Ф. 878. Оп. 1 Д. 151. Л. 21.

³ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 95.

* Статья подготовлена в рамках проекта по созданию междисциплинарного научно-образовательного Центра прибалтийско-финских исследований «Fennica» (программа стратегического развития ПетрГУ на 2012 – 2016 гг.)

В заключительный период финляндской автономии связи между русской и финляндской интеллигенцией, политическими партиями, как радикальными, так и либеральными, оставались весьма тесными. Российская революция, состоявшая из нескольких потоков, включала в себя и антифеодальную, и антимилиитаристскую, и национальную, точнее – комплекс национальных революций. И хотя каждый из этих потоков, несомненно, нес в себе положительный заряд, на практике решение одной проблемы затрудняло решение другой, тем более, что характер революции отличался усилением антибуржуазных позиций.

Цель настоящей работы – проследить за развитием «солдатской революции» в Финляндии марта – октября 1917 года, показать степень ее изученности и направления возможных будущих исследований. Как и «национальная» революция финляндцев, она оказалась тем фактором, который при параллельном существовании гражданских и военных властей приводил государственные структуры бывшего Великого княжества к управленческой неразберихе. Работа этих структур блокировалась или значительно замедлялась вторжением военных в важнейшие сферы гражданского управления. Происходило и обратное противодействие финляндской гражданской администрации всех уровней начинаниям и требованиям военных. Эти конфликты были частью продолжавшейся Первой мировой в Финляндии так же, как и стычки местного населения с войсками, как и общая атмосфера взаимного недоверия, и самое главное – насаждение чрезвычайных мер военного времени в качестве «государственной политики». Все это до предела обострило противоречия между финским национальным движением и российскими стратегическими интересами в Финляндии, которая до 1809 г. являлась «заботнической провинцией» Шведского королевства, но уже более столетия принадлежала Российской империи.

Финляндские войска, стоявшие в непосредственной близости от российской столицы, в числе первых оказались под влиянием социалистических партий, чьи газеты сразу же в день выхода попадали в гарнизоны. Особым положением Великого княжества, сохранявшего известную свободу от общерусских административных органов, определялось то обстоятельство, что в финляндских частях члены этих организаций в меньшей степени подвергались преследованиям по сравнению с другими участками фронта и прифронтовой полосы.

Примечательно, что еще до падения самодержавной власти партия эсеров выпустила воззвание «К солдатам войск, расположенных

в Финляндии». Оно разъясняло, что такое финляндский сейм и как финляндцы добивались расширения своих прав. «Вам говорят, что финляндцы – злостные и вздорные бунтовщики, – популярно излагали свои взгляды авторы воззвания, – и что ваша обязанность – штыком, пулей и шашкой усмирить их, если они пошевельнутся... Долг вашей совести перед Отечеством в том, чтобы защищать родину от чужого нашествия, не делать ничего во вред чужому народу и честно блюсти непорочным русское имя. Вас же заставляют поступать как раз наоборот!». Призвав весь народ и все войска «встать грудью за народное дело против нашего злого правительства, за землю и волю», социалисты-революционеры обратились к российским военным: «Вы видите, товарищи солдаты, что вас заставляют делать в Финляндии постыдное дело и что вы по долгу чести и совести перед вашей родиной не должны брать этого греха на душу»¹.

Падение самодержавия вызвало прилив симпатий финляндцев к России. Из Гельсингфорса революционный энтузиазм распространялся по всему бывшему княжеству, население которого надеялось на восстановление автономных прав Финляндии и ее основных законов, ослабление тягот военного времени². Однако факты межэтнических конфликтов между российскими военными и населением Финляндии не позволяют довольствоваться идиллической картиной «классовой солидарности русских солдат и матросов с революционным финляндским пролетариатом», которая долгое время рисовалась в отечественной исторической литературе.

И все же, делая акцент на конфликтах и противоречиях между военнослужащими и финляндцами в период российской революции 1917 г., следует избегать другой крайности – отрицания всякого взаимодействия между ними. Преодоление «перекосов» такого рода позволяет уйти из-под влияния новых мифов и стереотипов в отечественной историографии, пришедших на смену старым.

Всестороннее рассмотрение процессов, развивавшихся в 1914 – 1918 гг. в русских войсках в Финляндии, еще не являлось самостоятельным предметом исследования. Однако трудно

¹ К солдатам войск, расположенных в Финляндии. Гельсингфорс, 1917. С. 1 – 4.

² *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998; *Старцев В.И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Россия и Финляндия в XX веке / Ред. С.Б. Коренева, А.В. Прохоренко. СПб., 1997. С. 6 – 32; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Ред. В.Ю. Черняев. СПб., 1994. С. 308 – 323.

назвать работу отечественных или зарубежных авторов о событиях российской революции 1917 г. в бывшем Финляндском княжестве, где бы вопрос о положении российских военнослужащих в период, предшествовавший обретению Финляндией независимости, не получил то или иное освещение. Это же справедливо и в отношении проблемы российского административного и военного присутствия в Финляндии в 1914 – 1918 гг.

Сегодня исследователи пересматривают стереотипы, связанные с восприятием происходившего в Финляндии лишь «глядя из революционного Петрограда». Весной – летом, и особенно осенью 1917 г. моряки-балтийцы и армейцы, служившие в финляндской столице Гельсингфорс (Хельсинки) становились «законодателями революционной моды», оказавшись более радикализированными по сравнению с российской столицей¹.

Письма российских военных, обнаруженные в коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии и в фондах РГАВМФ, позволяют проследить, как в обстановке продолжавшейся мировой войны и революционных потрясений в России и Финляндии у солдат, матросов и офицеров создавался образ врага, культивировалась психология гражданской войны, когда поиск врага перемещался извне внутрь страны, а разграничение понятий «свой – чужой» начинало терять прежнюю определенность, и врагом мог оказаться каждый. Это порождало всеобщую подозрительность, коренившуюся в шпиономании военного времени.

Если об изменениях, коснувшихся быта и нравов русских войск в Финляндии в 1917 – 1918 гг., свидетельствуют многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, то отчеты военных цензоров стали незаменимым источником, позволяющим судить о настроениях военнослужащих, об их отношении к местному населению как в первые годы мировой войны, так и во время российской революции 1917 года.

Благодаря материалам военной цензуры, публикациям читательских писем в русских газетах различных направлений, выходящих в Финляндии в период революции, и особенно с корреспонденцией, не попавшей на страницы периодики, становится понятно,

¹ Колоницкий Б.И. 1) Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; 2) Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

каким сложился этнический образ финна в представлениях российских военных ко времени обретения Финляндией независимости на рубеже 1917 и 1918 гг.

В советской исторической науке влияние Первой мировой войны на жизнь общества рассматривалось чаще всего в плане воздействия на состояние господствующей общественной формации, анализировались соответствующий подъем классовой борьбы и революционная ситуация, возникшая во время войны¹. Однако практически не исследовалось воздействие военного фактора на институты и явления, не вписывающиеся в формационный и классовый подходы. К таковым можно отнести антирусские и антиимперские выступления в заключительный период «русской истории» Финляндии.

Наступление имперской власти на автономные привилегии Великого княжества в составе Российского государства, осуществлявшееся в 1909 – 1917 гг., в финляндской историографии принято было характеризовать как второй (последовавший за 1899 – 1905 гг.) «период угнетения». Затем это явление, причины которого продолжают оставаться дискуссионным вопросом, предпочли называть «русификацией», наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация»².

Несмотря на то, что финляндская политика Российской империи и Временного правительства в годы Первой мировой войны не раз привлекала внимание отечественных историков³, тема использова-

¹ *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Сидоров А.Л.* 1) Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; 2) Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Шаццлло К.Ф.* 1) Русский империализм и развитие флота накануне мировой войны (1906 – 1908). М., 1968; 2) Государство и монополии в военной промышленности России: конец XIX в. – 1914 год. М., 1992, и др.

² См., напр.: *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.) М., 1997. С. 7; *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX – XX вв. Петрозаводск, 1986; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 118 – 133; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898 – 1904. СПб., 1997. С. 247 – 258.

³ *Бобович И.М.* Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции (эпоха империализма). Л., 1968; *Бобович И.М., Китанина Т.М.* 1) Финляндский транзит и союзнические поставки стран Антанты в годы первой мировой войны // Россия и Финляндия в XVIII –

ния вооруженных сил в качестве гарантии сохранения общественного порядка и обеспечения лояльности населения Великого княжества центральной власти освещалась мало. В монографическом исследовании И.М. Соломеща наряду с политическим содержанием финляндского вопроса в 1914 – 1917 гг. рассмотрены и военные аспекты взаимоотношений России и Финляндии в годы Первой мировой войны. Автор отмечает моменты противостояния военных и гражданской администрации Великого княжества в обстановке, когда Финляндия была объявлена на военном положении¹.

Наиболее обстоятельным исследованием о судьбах российской армии и флота в Финляндии за более чем вековой период вхождения Великого княжества в состав России стала монография финского историка П. Лунтинена, обобщившая выводы десятков его работ по избранной проблематике².

Проблема особенностей общественного сознания и психологии рядовых и офицеров, служивших на границе империи, получила то или иное освещение в монографических исследованиях финляндских историков О. Маннинена, А. Тансканена, Т. Хоппу, авторов сборников статей «Людские потери 1914 – 1922 гг. в Финляндии», вышедших под редакцией Л. Вестерлунда, и др. Их новейшие исследования позволяют увидеть особенности психологии «человека с ружьем» из частей и подразделений, дислоцированных в Финляндии в период российской революции 1917 г.³ Однако контакты российских военнослужащих с населением Финляндии во время Первой мировой войны, противоречия, возникавшие между ними и представления, складывающиеся друг о друге, еще не становились предметом специального изучения. Единственным исключением является необы-

XX вв.: специфика границы. СПб., 1999 С. 81 – 87; 2) Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX в. СПб., 1997. С. 232 – 238; *Старцев В.И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Там же. С. 6 – 33.

¹ *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск, 1986.

² *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808 – 1918. Helsinki, 1997.

³ *Hoppu T.* Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870 – 2010. Tallinn, 2011. S. 135 – 148; *Manninen O.* Kapina, kansalaissota, vapaussota; Sodanjohdanto ja strategia; Taistelevat osapuolet // Itsenäistymisen vuodet 1917 – 1920. Osa II. Helsinki, 1993; *Tanskanen A.* Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; *Venäläissurmat Suomessa 1914 – 22.* Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. Helsinki, 2004. Osa 1, 2.

чайно интересное монографическое исследование О. Каремаа, рассмотревшей феномен неприязненного отношения к русским в Финляндии в 1917–м и в первые годы финляндской независимости¹.

Обращают на себя внимание наработки исследователей в области изучения изменений, которые происходили в представлениях «человека с ружьем» под влиянием перемен в политической, культурной и религиозной жизни российского общества в годы первой мировой войны, в предреволюционный период, и в 1917 – 1918 гг.²

Отечественные историки на «финляндском» материале изучали особенности ситуации власти и проблемы политической культуры российской революции 1917 года, взаимоотношения российских военных и населения Финляндии на заключительном этапе ее автономии и в период гражданской войны 1918 г. в ставшем независимым финляндском государстве, проявления революционного насилия, вопросы армейской и флотской повседневности (работы Д.А. Бажанова, В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, И.Н. Новиковой, В.И. Старцева, В.Ю. Черняева, А.Н. Чистикова и др.)³.

Так, тематика научных изысканий В.Ю. Черняева лежит на пересечении двух исследовательских проблем: русский вопрос в Финляндии и финляндский вопрос в России. До поры эти вопросы существовали как бы симметрично, но такой клубок политических и нравственных проблем стал причиной крайне непростой ситуации

¹ *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syäpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917 – 1923. Helsinki, 1998.

² *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet State. 1917 – 1936. Ithaca, London, 1990; *Longley D.A.* Officers and men: a study on the development of political attitudes among the sailors on the Baltic Fleet in 1917 // *Soviet Studies*. 1973. XXV; *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 – April 1918. London, 1978; *Saul N.* Sailors in Revolt. Lawrence, Kansas, 1978; *Westerlund L.* Massakern i Jakobstad. Klubbbliv. Jägarprotest. Privatjustis. Helsingfors, 1993.

³ *Бажанов Д.А.* Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 119 – 139, 145; *Новикова И.Н.* 1) Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начале XX вв.). М., 1997. С. 130 – 148; 2) «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы первой мировой войны. СПб., 2002; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России: 1917 – 1920. СПб., 1995. С. 159 – 174; *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. Yale University Press. New Haven and London, 1999 и др.

весны – осени 1917 г. Если сравнивать его точку зрения с выводами финского историка Э. Кетолы, то последний утверждает, что в Финляндии не было и мысли о демократизации по российскому образцу, как не было и двоевластия, что, впрочем, не мешало расхождению во мнениях внутри финляндского правительства¹.

В дальнейшем целесообразным представляется изучение развития революционного процесса в российских войсках и влияния революции 1917 года на состояние российских вооруженных сил в период утверждения среди населения Финляндии идеи образования независимого государства. Ждут своих исследователей проблемы политической культуры российских военнослужащих, вопросы взаимодействия военных властей с финляндской гражданской администрацией и освещение процесса «демократизации» армии и флота в специфических финляндских условиях весны – осени 1917 года.

Новые подходы к проблеме «Революция и человек» открывают перспективы для дальнейшего исследования истории российской армии и флота на «своей»/ «чужой» территории, какой в начале XX столетия по-прежнему воспринималась Финляндия жителями России. Необходимо отметить, что весной – осенью 1917 г. дислоцированные в Финляндии флотские и армейские части были единственной военной силой, способной существенно влиять на ход революционного процесса в гарнизонных городах на территории бывшего Великого княжества. Характерное для воюющей страны армейское восприятие чрезвычайных мер по отношению к населению как нормы в годы Первой мировой войны стало тенденцией, все более проявляющейся в общественной жизни России.

Одной из особенностей российских войск, остававшихся в это время в Финляндии, стало их менее требовательное отношение к гражданскому населению по сравнению с настроениями в частях и подразделениях, действовавших на передовой или находившихся в прифронтовой полосе. На это повлияло как постоянное опасение возмущений и восстания «ненадежных» финляндцев, так и отсутствие необходимости крайними мерами добиваться поддержки со стороны жителей территории, не оказавшейся театром военных действий.

¹ Кетولا Э. Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Ред. В.Ю. Черняев. СПб., 1994. С. 292 – 307.

В дни Февральской революции 1917 года, несмотря на сохранявшееся недоверие между матросами и солдатами и финскими рабочими, российские военные пытались революционизировать трудящееся население Финляндии. Участвуя в политических акциях финнов и обещая силой поддержать выдвинутые рабочими требования, военные содействовали радикализации как социальных движений, так и национальных устремлений финляндцев.

Весной 1917 г. финны использовали поддержку военных для того, чтобы добиться узаконения восьмичасового рабочего дня. С лета шли совместные учения будущих «белых» и «красных» финнов, что называется, на одном плацу¹. По просьбе тех и других их проводили русские военные инструкторы, поскольку с начала столетия финляндцы не имели возможности обучаться военному делу.

После победы Февральской революции для финляндских политических кругов сложились две модели поведения: сохранять лояльность новому российскому правительству в надежде на желаемое разрешение вопроса о судьбе Финляндии, либо настаивать на независимости. По мере развития событий все отчетливее ощущалась тенденция смещения приоритетов от лояльности к конфронтации по отношению к российской власти. Обсуждение этого вопроса вело к расколу финляндского общества, что проявилось в противостоянии сторон во время Гражданской войны в Финляндии 1918 г.

Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ) находила точки соприкосновения не с российской демократией, казалось бы, естественным союзником, а с гельсингфорскими большевиками и их центральным руководством, которые оказывали все возрастающее влияние на радикализовавшиеся русские советы и комитеты. Примечательно, что при содействии весьма умеренных политиков парламентского толка, какими были финские социал-демократы, происходила «обратная» радикализация матросов и солдат финляндских гарнизонов. В период обострения конфликта с Временным правительством из-за его намерения ограничить законодательную деятельность сейма СДПФ популяризировала свою позицию через агитационную литературу, издаваемую для русских солдат и матросов, и добилась очевидной поддержки со стороны руководивших ими массовых военных организаций.

Весной – осенью 1917 г. вовлечение рядовых военнослужащих в набирающую силу солдатскую революцию непреднамеренно усили-

¹ Черняев В.Ю. Российское двоевластие. С. 312

вало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства. Отказ от единоначалия командного состава в армейских и морских гарнизонах Финляндии вел к нарушению боеспособности и к фактическому разложению финляндских войск, что стало очевидным к концу 1917 г.

О неизбежных в такой ситуации переменах во взаимоотношениях военнотружущих и финляндцев свидетельствуют письма матросов и солдат в редакции русских газет, выходивших в Гельсингфорсе, Або, Выборге. Стремление к независимости усиливалось не только благодаря пропаганде «активистских взглядов», но и под воздействием беспорядочных выступлений русских солдат и матросов¹, которые сыграли свою роль в радикализации национальных устремлений финляндцев.

После обретения Финляндией независимости в декабре 1917 г. в бывшем Великом княжестве продолжали оставаться десятки тысяч российских военных, что делало достигнутую независимость весьма непрочной. Воздействие русской политической культуры на финских красногвардейцев сказывалось и на их облике, сохраненном фотографиями периода Гражданской войны 1918 г. Полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулеметные ленты через плечо позволяют безошибочно угадывать сторонников будущих «красных» – участников Гражданской войны в России, которая уже стояла на пороге.

Мусаев В.И.

Православная церковь на окраинах России в 1917 г.

Активизация национального движения на окраинах бывшей Российской империи в 1917 году, рост национального и регионального сепаратизма проявились и в церковной сфере: единство Русской Православной церкви оказалось под вопросом.

В Финляндской православной епархии еще до 1917 г. сформировалась группировка, вступавшая за «национализацию» православия в Финляндии и за снятие с него клейма «русской веры». Сепаратистские тенденции в финляндском православии получили развитие в 1917 и последующие годы. Уже в первой половине 1917 г., в связи

¹ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 570 – 573.

с финансовыми трудностями, которые испытывала РПЦ, Синод не мог более финансировать Финляндскую епархию. В связи с этим Сенат Великого княжества увеличил субсидии для Православной церкви¹. Вскоре после Февральской революции в ряде общин Приграничной Карелии стали созываться народные собрания, на которых звучали требования и принимались решения об отстранении и удалении священнослужителей, имевших репутацию наиболее ярых «приспешников тирании» («sortovallan kätyreitä»), и закрытии русских школ. Делалось это во многом под влиянием агитации «Сортавальского предостельского общества» (Sortavalan Esitysseura), деятельность которого отличалась явно выраженной антирусской направленностью. В приходе Суйстамо были уволены два священника и диакон, приходские священники были отстранены от должности в приходах Салми и Кителя. В некоторых приходах русские священнослужители по собственной воле оставляли свои должности и покидали Финляндию. В Россию уехали протоиереи П. Забелин и М. Успенский из Выборга, протоиерей В. Соболев из Сортавалы, настоятель прихода Салми К. Яковлев и священник того же прихода Иван Михайлов, настоятель прихода Питкяранта Архип Михайлов, священник из Куопио и разъездной священник Павел Боротинской, а также трое диаконов и несколько псаломщиков². Руководство РПЦ, в условиях, когда в стране происходили политические перемены, и когда полным ходом шла подготовка к созыву Поместного Собора, не могло в достаточной степени контролировать положение церковных дел на окраинах. В газете «Helsingin Sanomat» было опубликовано заявление товарища обер-прокурора Синода профессора А.В. Карташева³ о том, что Святейший Синод пока не будет предпринимать каких-либо мер по отношению к Финляндской епархии, так как ему приходится заниматься более важными делами, касающимися всей Церкви⁴.

¹ Kirkinen H., Railas V. Ortodoksisen kirkon historia. Kuopio, 1963. S. 209.

² Setälä U.V.J. Kansallisen ortodoksisen kirkkokunnan perustamiskysymys Suomen politiikassa 1917 – 1925. Porvoo, 1966. S. 26 – 27.

³ Профессор Антон Владимирович Карташев (1875 – 1960) занимал пост товарища обер-прокурора Святейшего Синода с 15 марта 1917 г. С 25 июля – обер-прокурор Синода (последний на этом посту). Министр вероисповеданий Временного правительства. От имени правительства 15 августа 1917 г. открыл Поместный Собор РПЦ.

⁴ Helsingin Sanomat. 1917. 12. huhtikuuta.

9 – 10 апреля 1917 г. в Сортавале состоялся всеобщий просветительский съезд Приграничной Карелии, который был подготовлен Сортавальским представительским обществом. На съезде в основном обсуждался вопрос об официальном упразднении русских школ и организации школьного обучения на родном языке. Однако съезд высказался и по общецерковным вопросам: в его заключительной декларации звучало предложение, чтобы «правительство назначило комитет из принадлежащих к православному исповеданию компетентных лиц, к сфере деятельности которого принадлежала бы организация внутреннего устройства греко-католической церкви в Карелии»¹. За несколько дней до проведения съезда, 3 апреля, новый финляндский генерал-губернатор М.А. Стахович, сменивший смещенного и арестованного Ф.А. Зейна, потребовал у Сената расследовать положение православных священнослужителей и русских школ в Карелии. 13 апреля решением Сената были учреждены два комитета, состоявшие из сенатских чиновников и должностных лиц епархии. Один из них, который возглавлял сенатор профессор Э.Н. Сетяля, занимался вопросами преобразования русских министерских школ и дальнейшего распоряжения их имуществом. Другой комитет, во главе с протоиереем М.Н. Казанским, занимался устройством дел Православной церкви. Членами комитета были священники С. Окулов и С. Солнцев, его секретарем – учитель народной школы Я. Хярккенен². Комитету надлежало выработать положение о Православной церкви в Финляндии. Подготовка этого документа была завершена осенью, и его основные пункты были утверждены на собрании высших иереев епархии в Валаамском монастыре³. Примечательное новшество было принято на экстренном съезде духовенства Финляндской епархии в Выборге 13 – 14 (26 – 27) апреля 1917 г.: решением съезда впервые духовенству было официально разрешено вне службы носить светскую одежду, что объяснялось соображениями «местных условий, в целях ограждения священного сана и достоинства православного священнослужителя от оскорблений, насмешек,

¹ *Setälä U. V. J. Kansallisen ortodoksisen kirkkokunnan perustamiskysymys Suomen poliitikassa. S. 27.*

² *Surakka A. Suomen ortodoksisen kirkon historiallisia vaiheita Suomessa. Sortavala, 1936. S. 77.*

³ *Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset. Kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900 – 1923. Joensuu, 1995. S. 92 – 93.*

особенно в тех местностях Финляндии, где этот костюм непривычен для глаз населения»¹.

В разработанном проекте нового положения о Финляндской Православной церкви (в русских текстах обычно использовался термин «уложение») было записано: «Православная церковь в Финляндии состоит в канонической зависимости от Российской Православной церкви, во внутренней же своей жизни и управлении пользуется автономией и в гражданско-экономическом отношении подчиняется финляндским установлениям. Монастыри в своей церковной и монашеской жизни подчинены непосредственно архиерею, в гражданско-экономическом отношении Церковному управлению и финляндским узаконениям, а строй своей внутренней монастырской жизни устанавливают сами». Церковную организацию возглавлял архиепископ, который должен был избираться установленным для этого порядком на экстренном соборе Православной церкви в Финляндии под председательством епископа, командированного на этот собор высшей церковной властью в России. Высшая власть Православной церкви в России утверждала избранного и распоряжалась о посвящении его в сан, если избранный еще не имел епископского сана. Отмечалось, что «при выборе архиепископа представитель Финляндского Сената высказывает свое мнение относительно избранного только с политической точки зрения». Архиепископ «по требованию обстоятельств» мог иметь помощника в лице викарного архиерея. Согласно этому же проекту, высшее управление церкви составлял Церковный собор. Он должен был собираться раз в два года. Для выбора архиепископа «и в других потребных случаях» собирался экстренный собор. Текущими делами церкви ведало Церковное управление, которое состояло из архиерея, кафедрального протоиерея и избираемых на четыре года церковным собором двух священников, одного диакона или псаломщика и двух мирян. Узаконивалось использование в делопроизводстве Церковного управления двух языков – русского и финского. Церковь делилась на благочинные округа, количество и состав которых определялись Церковным Собором². При разработке проекта протоиерей С. Окулов предлагал внести и определенные изменения в правила церковного благочестия, а именно сократить число праздников и постов. Последний

¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 388. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 475. ЛЛ. 1–3; Ф. 833. Оп. 1. Д. 35. ЛЛ. 122–126.

пункт он объяснял неудобством соблюдения постов, так как в северных районах люди не имели другой пищи, кроме мяса, рыбы и молока; поэтому он считал, что правила постов необходимо отменить, а строго хранить только Страстную и Крестопоклонную седмицы, среды и пятницы Великого поста, канун Рождества и Крещения¹.

Проект нового положения был направлен для утверждения на проходивший в это время Поместный Собор РПЦ. 23 октября Святейший Правительствующий Синод своим определением постановил «просить Соборный совет внести проект уложения Православной церкви в Финляндии на рассмотрение в подлежащий отдел Священного Собора»². На пленарном заседании 28 октября (10 ноября) 1917 г. было рассмотрено заявление за подписью епископа Сердобольского Серафима с предложением проекта «Уложения Православной Церкви в Финляндии». Соборный совет постановил передать этот проект в Отдел миссии, который занимался устройством церковного быта на окраинах³. Если 1917 год в жизни Православной церкви в Финляндии прошел относительно спокойно, последующие несколько лет внутри и вокруг финляндского православия шла напряженная борьба, которая в конечном итоге завершилась односторонним выходом Финляндской церкви из юрисдикции Московской патриархии и ее переходом, на правах автономной церкви, под омофор Вселенского патриарха Константинопольского.

Между тем подъем национального движения на окраинах Империи находил отражение в церковно-религиозной сфере и на других бывших имперских окраинах. Стали подниматься вопросы о переводе богослужения и религиозной литературы на национальные языки, об избрании архиереев из представителей своей народности (то есть, начали проявляться те же тенденции, которые в Финляндии наметились еще в конце предыдущего столетия), а в некоторых случаях о введении автономии или даже об установлении или восстановлении автокефалии национальной церкви.

Раньше всего и в наиболее радикальной форме церковный сепаратизм проявился в Грузии. 12 (25) марта 1917 г. на Мцхетском Соборе была провозглашена автокефалия Грузинской церкви. В каче-

¹ Шевченко Т.И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917 – 1957). М., 2012. С. 78.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 475. Л. 13.

³ Деяния Священного Собора Православной Российской церкви 1917 – 1918. М., 1994. Т. 3. С. 16.

стве канонического обоснования восстановления автокефалии Православной церкви в Грузии выдвигалась незаконность ее ликвидации, которая была произведена без созыва Вселенского Собора¹. Местоблюстителем престола католикоса (патриарха) был избран епископ Гурийско-Мингрельский Леонид (Окропиридзе). Последний 13 (26) марта уведомил экзарха Грузии архиепископа Картлийско-Кахетинского Платона (Рождественского) о его смещении с кафедры, чего тот не признал, так как считал, что сместить его с должности может только Синод или Собор Русской церкви. 27 марта (9 апреля) 1917 г. Временное правительство признало автокефалию Грузинской церкви в принципе. Правительство, однако, соглашалось признать автокефалию Грузинской церкви как национальной, без географических границ, оставляя русские приходы в Закавказье в ведении Русской церкви, тогда как грузинские клирики настаивали на территориальной автокефалии своей церкви. 10 (23) июля 1917 года совместное заседание Временного правительства и Синода постановило учредить Кавказский экзархат для добровольного вхождения в него русских приходов Тифлисской, Елизаветпольской, Бакинской, Эриванской, Кутаисской, Черноморской губерний и Карской, Батумской областей, Артвинского, Закатальского и Сухумского округов. Епископом в Тифлисе был назначен Феофилакт (Клементьев), вскоре удаленный грузинскими архиереями из Грузии².

17 (30) сентября 1917 г. на Соборе Грузинской церкви католикосом был избран Кирион (Садзаглишвили), бывший епископ Полоцкий и Витебский. Его интронизация состоялась 1 (14) октября в Мцхете в патриаршем соборе 12 апостолов при большом стечении народа³. Патриарх Московский и всея Руси Тихон в своем послании от 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) католикосу Кириону II осудил самочинный характер восстановления грузинской автокефалии. В послании, в частности, говорилось: «Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви, без Собора же кириархальной Церкви всякие акты провозглашения церковной независимости признаются недействительными

¹ Автокефалия Грузинской Православной церкви была отменена после присоединения Грузии в России. До 1917 г. православная церковная организация в Грузии существовала на правах экзархата.

² Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917 – 1999). СПб., 2001. С. 70–71;

³ [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://blackterror.org/zevdio/Кирион_II

и не имеющими канонической силы. В этом состоит коренное требование церковно-канонического порядка и традиции Вселенской Православной Церкви. Если это требование не соблюдается, Церкви угрожает схизма. Церковная автокефалия не может быть приобретена ни в силу соборного определения только той церкви, которая ищет автокефалии, ни в силу постановления гражданской власти»¹. Послание заканчивалось призывом: «Указав ваши заблуждения и ошибки, предлагаем вам, Преосвященные епископы, подчиниться требованию церковного права и, следуя каноническому порядку, явиться на Всероссийской Священный Собор и, сознав свои заблуждения, предать свои вожелания об автокефальном устройении Грузинской Церкви на суд сего Всероссийского Собора»². Призыв, однако, не был услышан. Каноническое общение между Московской патриархией и Грузинской церковью было прервано.

Церковный сепаратизм дал себя знать и на Украине. Весной 1917 г. украинские автокефалисты образовали Церковный комитет, стремившийся обособить Православную церковь на Украине от РПЦ. В мае 1917 г. была начата подготовка издания Библии на украинском языке, и Синод летом того же года выступил с заявлением о том, что не будет препятствовать введению «в местностях с малорусским населением малорусского языка в церковной проповеди и церковно-приходских школах». В ноябре 1917 г. Церковный комитет был преобразован в Церковную раду, которая начала подготовку к созыву Украинского Поместного Собора. Ее председателем был архиепископ Алексей (Дородницын). Украинские самостийники пытались использовать Украинский Церковный Собор, чтобы добиться автокефалии Украинской церкви³. Митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский) стойко противостоял устремлениям церковных сепаратистов. Его отношения с Церковной радой имели напряженный характер. Деятели Рады утверждали, что митрополит Владимир отказывается признавать этот или какие-либо другие новые церковные органы и заявляет, что не допустит никаких нов-

¹ Послание Святейшего Патриарха Тихона грузинским епископам-«автокефалистам» // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 74.

² Там же. С. 74 – 75.

³ Мосс В. Православная церковь на перепутье. С. 71; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 575 – 576.

шеств до созыва московского Собора и принятия им соответствующих решений¹. 26 января (8 февраля) 1918 г. митрополит Владимир был убит при невыясненных обстоятельствах². На Церковном Соборе, начавшем работу в Киеве 7 (20) января 1918 г., добиться принятия какого-либо принципиального решения не удалось: после занятия города красными многие участники Собора разбежались, и сессия была прервана. В последующие годы церковная смута на Украине продолжалась. Новый митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий)³ также решительно боролся против церковных самостийников, поддерживаемых украинской Директорией.

В некоторых других епархиях часть клира и прихожан летом – осенью 1917 г. стала выступать за придание своим церковным организациям автономного статуса. Так, на съезде духовенства Владикавказской епархии говорилось о необходимости учреждения особой осетинской епархии. Чрезвычайное собрание представителей клира и мирян Бессарабии высказалось в пользу восстановления былой автономии местной церкви⁴. После оккупации Бессарабии румынскими войсками в марте 1918 г. руководство Румынской церкви в одностороннем порядке, несмотря на категорические возражения патриарха Тихона, подчинило Кишиневскую епархию своей канонической власти⁵.

В августе 1917 г. было принято решение об образовании викариата Рижской епархии в Ревеле (Таллинне) для эстонских приходов, а в декабре того же года на должность викарного епископа был избран эстонский священник Павел Кульбуш, настоятель эстонского православного прихода в Петрограде (он принял постриг под именем Платона и был рукоположен во епископа митрополитом Петроградским Вениамином 31 декабря; с конца января 1918 г. он находился

¹ *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 46.

² Вооруженная банда, ворвавшаяся в Киево-Печерскую лавру, где тогда находился митрополит, захватила его и расстреляла. Убийство митрополита Владимира традиционно приписывается большевикам, однако это нельзя считать полностью доказанным. Тем более, что красные вошли в Киев только 9 (22) февраля.

³ Будущий председатель Архиерейского Синода Русской Православной церкви за границей.

⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 269.

⁵ См.: Послание Святейшего Патриарха Тихона Священному Синоду Румынской Церкви // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. С. 153 – 154.

во главе всей Рижской епархии, сменив в качестве временно управляющего епархией епископа Иосифа (Петровых), будущего митрополита Ленинградского)¹. После обретения Эстонией политической независимости в конце 1918 г. православная церковная организация в стране отделилась от Рижской епархии, а на собравшемся в марте 1919 г. церковном соборе был поставлен вопрос о достижении автокефалии. После гибели епископа Платона (он был убит красными в Тарту в январе 1919 г.) священник Александр Паулулус был избран на должность архиепископа. Священный Синод РПЦ и патриарх Тихон в 1920 г. утвердили автономию Эстонской церкви, а Александр был посвящен во епископа². Позднее Эстонская церковь, так же, как и Финляндская, перешла под омофор Константинопольского патриарха.

Таким образом, в 1917 г. возникли предпосылки не только для политической дезинтеграции российского пост-имперского пространства, но и для «нестроений» и расколов внутри единой прежде Православной церкви в России.

Соколов А.В.

Депутация Поместного Собора в Московском военно-революционном комитете 2 ноября 1917 года

В последнее время появляется все больше исследований, посвященных взаимоотношениям Советского государства и Православной церкви в 1917 – начале 1920-х гг.³ Однако ни в одной из этих работ не дано исчерпывающего ответа на вопрос о том, почему первая официальная реакция церкви на приход к власти большевиков последовала только спустя три месяца после Октября, а именно 19 января 1918 г., когда Патриарх Тихон обратился к верующим с

¹ *Кумыш В.* Жизнеописание священномученика Платона, епископа Ревельского (1869 – 1919). СПб., 1999. С. 21 – 22.

² *Setälä U.V.J.* Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita // *Ortodoksia*. 13. 1962. S. 55, 57 – 58.

³ *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 гг. // *Вопросы истории*. 1993. № 8. С. 40 – 54; *Кашизаров А.Н.* 1) Церковь и власть: Русская Православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999; 2) Православная Российская церковь и Советское государство (1917 – 1922 гг.). М., 2005; *Порватова Л.В.* Особенности взаимоотношений государства и церкви в период становления советской власти // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 1. С. 132 – 134.

возвращением против «гонителей веры». Более того, авторами совершенно не рассмотрена проблема взаимодействия Советов и церковного руководства в конце 1917 – начале 1918 годов, без чего невозможно делать какие-либо заключения о характере государственно-церковных отношений в России в этот период. Хотя источники свидетельствуют о том, что образованный в Петрограде 26 октября 1917 года Совет Народных Комиссаров поначалу полностью игнорировал «Синодальное ведомство», тем не менее, нельзя упускать из виду тот факт, что Святейший Синод и Поместный Собор работали в это время в Москве. Поэтому представляется чрезвычайно важным остановиться на изучении контактов церковного руководства с органами советской власти в этом городе. И ключевое значение здесь приобретает визит делегации Поместного Собора в Московский военнореволюционный комитет (ВРК) утром 2 ноября 1917 года.

После свержения Временного правительства в Петрограде и начала уличных боев в Москве Поместный Собор несколько дней никак не проявлял своей позиции по отношению к происходящим событиям. Очевидно, сыграли свою роль опыт, полученный в дни корниловского выступления, когда духовенство чуть было не выступило в поддержку мятежного генерала, и уверенность в скором начале работ Учредительного собрания. Кроме того, внимание членов Собора в последние дни октября 1917 года в значительной степени сконцентрировалось на вопросе о восстановлении патриаршества¹.

Вместе с тем съехавшиеся в Москву делегаты не могли оставаться равнодушными к происходившему на улицах кровопролитию. Некоторые представители духовенства отправились в районы боев в качестве санитаров. Например, епископ Камчатский Нестор (Анисимов) 29 – 30 октября оказывал под перекрестным огнем первую медицинскую помощь раненым горожанам на Пречистенке и Остоженке². В донесениях начальника разведки Московского ВРК К.Т. Максимова имеется сообщение еще об одном священнике, возглавившем группу санитаров недалеко от здания Моссовета. Максимов докладывал, что 1 ноября в 5 часов вечера по Малому Гнездииковскому переулку со стороны храма Николы в Гнездииковых «шел крас-

¹ Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. С. 136 – 140.

² Нестор Камчатский, еп. Расстрел Московского Кремля. М., 1995. С. 33.

ный крест во главе с попом». Все из участников шествия кричали: «граждане, мы присоединяемся к вам» (что имелось в виду – не понятно), идущих задержали. Максимов запрашивал у ВРК указаний, что с ними делать, «чтобы не вышло недоразумения»¹.

Некоторым делегатам Собора так и не удалось прибыть на заседания в эти дни. Расквартированные в покоях Чудова монастыря в Кремле митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) и архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков) оказались на период осады заперты внутри кремлевских стен, а с началом массированного артиллерийского обстрела вместе с монахами обители перебрались в пещерный храм. Это спасло митрополита от неминуемой гибели, так как в отведенные ему комнаты попали два снаряда, оставившие после себя лишь «груды камней и мусора»². Под огнем оказалась Московская синодальная типография на Никольской улице, подвергшаяся «нападению и разгрому». Ее управляющий А.С. Орлов, служащие и рабочие несколько дней не могли покинуть здание. Им приносили еду местные жители – директор АО «Теплые ряды» С.К. Иванов и его супруга. Впоследствии Синод постановил призвать на всех них «благословение Божие» за самоотверженность³.

Вечером 1 ноября епископ Камчатский Нестор обратился к соборным архиереям с просьбой благословить его на поход в Московский ВРК для проведения «решительных и настойчивых переговоров о прекращении братоубийства и ограждении от разрушения и поругания Кремля», и предложил в качестве своего спутника кандидатуру архиепископа Таврического Дмитрия (Абашидзе)⁴. Собор епископов благословил Нестора, а возглавить делегацию вызвался митрополит Тифлисский Платон (Рождественский). Отметим, что на тот момент Платон как первоприсутствующий в Святейшем Синоде *de jure* являлся первым лицом в Православной Российской церкви, и, возможно, именно это побудило его возглавить делегацию в ВРК. После обсуждения вопроса в общем собрании к ней присоединились настоятель Макариево-Унженского монастыря архимандрит Виссарион, протоиерей Э.И. Бекаревич, священник В.А. Чернявский и два крестьянина: А.И. Юдин (Иудин) и П.И. Уткин. В ночь на 2 ноября

¹ ГА РФ. Ф. Р 1. Д. 5. Л. 50. Записка с донесением не датирована, дата установлена на основании соседних сообщений.

² *Нестор Камчатский, еп.* Указ. соч. С. 40.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л. 135.

⁴ *Нестор Камчатский, еп.* Указ. соч. С. 34.

1917 г. члены Собора отслужили в семинарском храме молебен «об умиротворении враждующих братии», а наутро делегация отправилась в Московский ВРК. Планировалось посетить также юнкеров в Кремле и Комитет общественной безопасности.

Шествие выглядело довольно впечатляюще. Епископ Нестор вспоминал, что «впереди... процессии шли два крестьянина с белыми флагами, на которых был красный крест, далее следовали два священника, архимандрит с иконой Свяителя Патриарха Ермогена, архиепископ Димитрий шел со святым Евангелием, рядом с ним я, имея на себе Св. Дары, а позади нас шел митрополит Платон со Св. Крестом. Батюшки были в епитрахиях, а архиереи в епитрахиях, малых омофорах и клобуках»¹. Примечательно, но члены процессии не знали точно, где именно находится ВРК, и даже спросили об этом у встреченного по пути милиционера. Тот сказал, что надо идти к дому бывшего генерал-губернатора на Скобелевскую площадь.

Процессия находилась в центре внимания улицы. От здания Соборной Палаты в Лиховом переулке до Петровского монастыря ее с пением молитв провожали другие члены Собора. При виде депутации некоторые случайные прохожие «с благоговением снимали шапки, молились и многие плакали, становились на колена», а кое-кто даже хотел присоединиться к делегации, но им отказали, чтобы не подвергать их жизнь опасности². Платон говорил, что по пути их «всюду сопровождал крест, творимый на себе массой людей, бывших на тротуарах и глядевших из домов», многие – даже солдаты – целовали крест, который нес митрополит³. Прот. Э. Бекаревич отметил, что практически все встреченные гражданские лица при виде депутации крестились, а из военных это делало менее половины⁴.

Но по мере приближения к Моссовету настроения встречаемых военнослужащих менялось. На Скобелевской площади депутация наткнулась на «солдатскую толпу», настроенную совсем недоброжелательно⁵. Солдаты стали кричать: «Где вы были раньше? Зачем мешаете религию в наши дела? Зачем тут духовенство? Оно уже известно своим раболепством. Идите лучше к своим, юнкерам». Пла-

¹ Там же. С. 35.

² Там же.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI – XL. Петроград, 1918. С. 67.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 67.

тону кто-то сказал: «Уходи в Кремль. Там твой»¹. По сообщению А.И. Иудина многие солдаты на площади, выказывая крайне негативное отношение к священникам, кричали «дать надо», а другие их останавливали². Священник В.А. Чернявский добавил, что «солдаты Московского гарнизона настроены менее враждебно, а те, которые пришли с фронта, более враждебно. А красная гвардия совсем остервенела и смотреть на нас не желает». «Зачем вы пришли к нам? Идите в Кремль, там ваша кровь, там сражаются поповичи... – говорили солдаты. – Нам дела нет до Бога, до святых: нужно здесь на земле устроить порядок, чтобы быть сытыми»³.

Митрополит Платон сообщил охранникам о намерении побеседовать с ВРК, заявив солдатам, что «религии здесь – место, что мы не исполнили бы долга, если бы не думали об этой гражданской войне, а теперь мы на своем месте»⁴. После некоторого ожидания на улице в «комиссариат» пропустили только митрополита⁵. Перед его уходом члены Собора стали свидетелями того, как в ВРК привели группу служащих («евреев»), обвиняемых в установке пулемета, которых хотели подвергнуть самосуду⁶. Увиденное действовало на делегатов крайне подавляюще.

Когда Платон ушел в здание, остальные делегаты остались на площади и, разбившись на группы, стали беседовать с солдатами. Постепенно враждебное отношение к членам Собора менялось. Бекаревич заявил одному молодому солдату: «ты во внуки мне годишься... и я очень плакал бы, если бы ты остался без руки или без ноги, но прежде чем дать тебе оружие в руки, я, как ребенка, высек бы тебя крапивой». По словам протоиерея, это замечание вызвало улыбки: «люди не потеряли способности быть добрыми»⁷. Только двое из собеседников Бекаревича оказались неумолимы, заявив, что готовы погибнуть, но не сдадутся, так как отстаивают «народные задачи и цели». Разговоры производили умиротворяющее впечатле-

¹ Там же.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ *Нестор Камчатский, еп.* Указ. соч. С. 37. В 17 ч. 00 м. 2 ноября 1917 г. ВРК и Комитет общественной безопасности заключили мир, однако ночью со 2 на 3 ноября обстрел Кремля продолжился.

⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI – XL. С. 68.

⁷ Там же. С. 70.

ние на толпу, которая входила и выходила из здания. Какой-то офицер пытался приказать солдатам отойти от членов Собора и не разговаривать с ними, но солдаты не слушались. Бекаревич спросил, где находится Городская дума и Комитет безопасности. В ответ «раздавались голоса: «Нельзя, нельзя говорить», но другие возражали: «Да нет, им нужно знать: Вознесенская»»¹.

А.И. Иудин также отметил, что разговоры успокаивали солдат. Делегатов попросили отойти к памятнику М.Д. Скобелеву и трое человек стали следить за их безопасностью, пока Платон находился в ВРК. «Хорошо, что в числе других отравили к ним от Церковного Собора и двух крестьян: к крестьянам они относятся более сочувственно, – сообщил Иудин, – а если бы послали чиновников, то, пожалуй, вышло бы плохо»². П.И. Уткин тоже отметил симпатию солдат к крестьянам, а также пересказал слова одного из встреченных у штаба ВРК военных: «Хорошо вы сделали, что не пришли с крестным ходом». Уткин обратился к солдатам со следующей пространной речью: «вот, мои дорогие, что заставило нас выступить. У меня есть два брата... и я боюсь, что один брат здесь, а другой в Кремле, и возможно, что брат идет на брата». Однако на предложение «помириться» солдаты сказали: «пусть сдадут оружие»³.

Об обстановке внутри здания Совета митрополит Платон заметил, что «если на улице всюду теперь грязь, то там в полном смысле болото!» Ему пришлось протискиваться «среди женщин, среди всевозможного народа, с свирепыми лицам, в загрязненном виде, не знающими туалета. У многих людей были испитые лица от бессонных ночей»⁴. Платона привели в комнату ВРК, где митрополит заявил, что «пришел с приветом и с Христом», говорить будет о любви, и от имени Поместного Собора призвал к прекращению братоубийства⁵. О дальнейшем митрополит сообщает следующее: «...какой-то господин предложил мне сесть и утешал меня. Я сел. Он также опустился на сиденье против меня. Я стал умолять его употребить все силы к прекращению междоусобия. “Если нужно, – добавил я, – то прибегну к последнему средству”. При этом я стал опускаться перед ним на колена. Он подхватил меня и стал рассказывать, что

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же.

драма переживает последние минуты; что всего несколько часов отделяют нас от мира; но что перемирия другой стороне дано не будет». Далее член ВРК, назвавшийся Соловьевым, рассказал, что двое парламентариев уже ушли в Кремль, а «дума в лице правительственного состава сдалась и согласилась на удаление»¹. На заявление Платона о том, что юнкера «как юноши горячи, что они отстаивают родину, и можно допустить, что они будут сражаться до последнего», член ВРК заверил, что расправы над юнкерами не будет и уже вечером заключат мир². По поводу обстрела Кремля Соловьев сообщил, что пострадал только Чудов монастырь, а на Успенский Собор «не было направлено специальных ударов». Пытаясь убедить Платона, Соловьев стал рассказывать митрополиту разные малозначащие для него подробности о том, что в примирении враждующих участвуют «железно-дорожный союз, социал-революционеры, меньшевики и прибывшие из Петрограда представители газеты “Новая жизнь”»³. Огромное впечатление на митрополита оказал инцидент, когда во время разговора в комнату вбежал офицер, сообщивший, что с одной церкви сняли установленный там пулемет. Платон попросил Соловьева пощадить храм, на что представитель ВРК ответил, что церковь не пострадает. Однако, услышав о намерении делегации направиться дальше в Кремль, Соловьев порекомендовал не делать этого: там шел бой, и делегаты могли попасть под перекрестный обстрел. По словам митрополита, в конце беседы Соловьев взял у него благословение, проводил к памятнику Скобелеву и обеспечил делегатов пропуском и проводником⁴.

Рассказ об этом эпизоде имеется в воспоминаниях двух членов Московского ВРК – Е.Н. Игнатова и самого В.И. Соловьева. Они написаны через несколько лет после событий, поэтому в них, безусловно, имеются неточности. Например, Игнатов хронологически поместил сообщение о посещении делегации Поместного Собора в повествование о событиях 1 ноября, видимо по ошибке. Игнатов писал: «днем в Военно-Революционный Комитет приходила в полном облачении делегация от церковного Собора во главе с митрополитом Платоном». Из членов ВРК в этот момент на месте были только сам Игнатов и А.П. Розенгольц. Последний попросил Игнатова

¹ Там же. С. 68 – 69.

² Там же. С. 69.

³ Там же.

⁴ Там же.

поговорить с митрополитом, объяснив: «я пошел бы, но мне неудобно. Вы знаете почему»¹. Дальнейшее Игнатов описал следующим образом: «делать было нечего, и я пошел к трясущемуся от страха “духовному миротворцу”. В дверях мне попалась благообразная физиономия тов. Соловьева.

– Василий Иванович, пойдёмте, примите и переговорите с митрополитом.

– Ефим Никитич, позвольте, – забрыкался тов. Соловьев, но во время пререканий я его постепенно вытеснил в приемную и, обращаясь к митрополиту, сказал, что вот, товарищ вас примет и с вами побеседует. Красный, как рак, подходит тов. Соловьев к митрополиту, у которого от страха тряслись поджилки, так что он чуть было не опустился на колени. Но митрополит был приятно удивлен тем приемом, который оказал ему Василий Иванович, и уходил из Совета с гордо поднятой головой, с сознанием, что он исполнил свой пастырский долг, обещая принять все меры, чтобы склонить противную сторону к прекращению борьбы»².

Сам В.И. Соловьев вспоминал, что в один из дней боев в ВРК вбежал красногвардеец с винтовкой и удивленно доложил: «Товарищи, какой-то митрополит или шут его знает кто, в белом облачении, просится войти в Совет». Решили пропустить, но принять в передней комнате, чтобы не мешать работе Комитета. Возник вопрос, кто выйдет разговаривать, и тогда стоящий у двери Е.Н. Игнатов в буквальном смысле вытолкнул Соловьева из помещения со словами «идите, и никаких». В шумной соседней комнате среди ходящих туда-сюда красногвардейцев и солдат «в полном облачении, в митре, с крестом в руках» стоял Платон. Соловьев предложил митрополиту сесть, но тот упал на колени и «бессвязно и волнуясь» начал говорить: «прекратите кровопролитие... Не надо смертей... В городе ужас... Когда все это кончится?..». Комиссар усадил Платона на стул, начал успокаивать и объявил, что в кровопролитии виноват Комитет общественной безопасности, который не желает признавать и подчиняться власти Советов, единственной народной власти. «Идите к ним и с ними разговаривайте, – добавил Соловьев, – Как только юнкера сложат оружие, мы прекратим обстрел». «Так это верно? Вы не жадете крови? Согласны прекратить борьбу?..» – переспросил мит-

¹ Розенгольц явно намекал на свою национальность.

² *Игнатов Е.Н.* Московский совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925. С. 395.

рополит. На это уполномоченный ВРК ответил, что «как только белогвардейцы сдадутся, мы приступим к мирной работе». «Хорошо, хорошо, я все передам Собору», – сказал Платон и удалился. По сообщению Соловьева, он вызвал карету Красного креста и поручил отвести митрополита в подворье, где тот жил¹.

Данные фрагменты воспоминаний советских деятелей позволяют проанализировать отношение членов ВРК к прибывшим соборным делегатам. Прежде всего, необходимо отметить отсутствие открытого неприятия, хотя имело место некоторое пренебрежение: В.И. Соловьева в качестве переговорщика просто выпихнули навстречу Платону. Вместе с тем, у ВРК не возникло мысли отказать в приеме, а А.П. Розенгольц посчитал «неудобным», если он – не православный – выйдет к митрополиту. Думается, немаловажную роль имело то обстоятельство, что бои в Москве еще не окончились, а комитет позиционировал себя в качестве народной власти, обещавшей обеспечить порядок и безопасность всем жителям города. Даже можно предположить, что Игнатов и Соловьев включили эпизод с посещением Платона в свои воспоминания как показатель того, что еще до подписания перемирия с юнкерами церковное руководство «на поклон» к большевикам, признавая их очевидную победу.

Но гораздо большее впечатление визит в ВРК оказал на делегатов Собора. Они вернулись в Лихов переулок еще до дневного перерыва заседания, объявленного в 13 часов 15 минут, и один за другим рассказали о том, что видели и слышали утром. Митрополит Платон сообщил Собору, что ему обещано «сохранить в целости Кремль и объявлено, что стрельба в этот же день будет прекращена и что переговоры об этом уже ведутся»². О большевиках Платон вынес убеждение, что «религиозное чувство у этих людей не умерло; оно у них есть»³. Из речей Бекаревича, Чернявского, Иудина и Уткина также следовало, что сражающиеся на стороне большевиков солдаты в основной массе готовы прислушаться к голосу церкви⁴.

Сообщения делегатов вовсе не успокоили других членов Собора. Поступили предложения организовать ширококомасштабный

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 394 – 402.

² *Нестор Камчатский, еп.* Указ. соч. С. 37.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI – XL. С. 71.

⁴ Там же. С. 67 – 74.

крестный ход вокруг района боев, а священник С.В. Нежинцев призвал Собор создать ополчение и выступить «за спасение Родины»¹. Однако большинство не поддержало этих идей, согласившись, что крестный ход может стать жертвой провокации и обернется бессмысленной кровью². Член Собора генерал Л.К. Артамонов заявил, что, как военачальник, он считает, что ночью, скорее всего, состоится штурм Кремля. Поэтому необходимо обратиться с «коротким и ясным, но энергичным письменным посланием» к обеим сторонам о пощаде к побежденным и охране святынь Кремля³. После этого Собор утвердил текст обращения к Московскому ВРК, Московскому Комитету общественной безопасности и «старшему военному начальнику обороны Кремля», в котором призвал «воздержаться от дальнейшей кровопролитной брани», умолял победителей «не допускать актов мести» и «не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу»⁴. О том, как планировалось передать текст адресатам, источники не сообщают, а на следующий день, 3 ноября, бои прекратились, и документ утратил актуальность.

Вместе с тем, Е.Н. Игнатов дословно приводит в своей работе это обращение, указав, что Платон привез его в ВРК во время своего первого визита⁵. Видимо, при написании воспоминаний Е.Н. Игнатов использовал сохранившийся экземпляр соборного послания, так как далее он добавлял, что «такое же обращение было вручено Комитету общественной безопасности, начальнику обороны Кремля и распространено среди солдат». На самом деле делегаты Собора штабы противников большевиков не посещали: Игнатов просто перечислил указанных на бумаге адресатов⁶. Сомнительно и то, что Платон вручил послание Соловьеву утром 2 ноября, так как оно было выработано позже. Остается предположить, что его или успели раздать солдатам в ночь на 3 ноября, или воззвание попало в ВРК во время посещения его митрополитом Платоном через два дня.

Говоря об итогах похода делегатов Поместного Собора 2 ноября 1917 года, историк А.Н. Кашеваров предположил, что именно это посещение вызвало в ВРК бурные споры о том, можно ли продол-

¹ Там же. С. 76 – 77.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 83. Печатный экземпляр возвания сохранился в Государственном архиве Российской Федерации (См.: ГА РФ. Ф. 3431. Оп.1. Д. 621. Л. 19).

⁵ *Игнатов Е.Н.* Указ. соч. С. 396.

⁶ Там же.

жать обстрел Кремля или нет. Однако этот тезис не подтверждается материалами самого Комитета¹. Исследователь В.А. Алексеев высказал противоположное мнение, согласно которому юнкера начали сдаваться, вняв голосу Собора², что также выглядит неубедительным: Платон и его спутники не были в Кремле. И хотя главной целью депутации действительно являлся призыв к прекращению огня, думается, переоценивать результаты ее миротворческой миссии не следует. Скорее всего, беседа митрополита с В.И. Соловьевым имела наибольшее значение для самого Собора, кардинально повлияв на отношение его верхушки к нарождающейся советской власти в Москве. «Благообразная физиономия» члена ВРК вселила в руководство Собора убеждение, что с большевиками можно иметь дело, и многие из них – люди верующие. Важнейшим результатом депутации 2 ноября стало налаживание контакта церкви с ВРК, что сыграло свою роль в последующие месяцы, и, в частности, при организации наречения Патриарха.

Например, через два дня, 4 ноября, митрополит Платон в сопровождении А.И. Иудина и П.И. Уткина вновь отправился в ВРК. Задачей митрополита было сообщить о намеченном на 5 ноября избрании Патриарха и договориться о переносе для этого из Успенского Собора в Храм Христа Спасителя иконы Владимирской Божьей Матери. Кроме того, Платону поручили обсудить с представителями ВРК предложение Собора о «нейтрализации» Кремля (то есть об освобождении его от военных) и об организации охраны кремлевских храмов силами причтов³. По всем этим вопросам ВРК ответил положительно. Хотя самих бумаг, полученных Платоном 4 ноября, найти в архивах не удалось, но в книге исходящих бумаг ВРК имеется запись о том, что практически одновременно им было выдано 5 документов: №№ 658 – 660 – пропуска в Кремль митрополиту Платону, членам Поместного Собора Иудину и Уткину⁴; под № 664 числится «удостоверение в том, что Рев[олюционн]ый к[омитет] не препятствует наречению патриарха, но предостерегает от выходов прокаторов»⁵; следующий № 665 – «Удостоверение в том, что Во-

¹ *Кашеваров А.Н.* Православная Российская церковь и Советское государство (1917 – 1922 гг.). С. 87.

² *Алексеев В.А.* Указ. соч. С. 25.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. III. Вып. 1. Деяния XXXI – XL. С. 129.

⁴ ГА РФ. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 26 об.

⁵ Там же. Л. 27.

ен[но]-Рев[олюционный] Ком[ите]т не препятствует причту Кремлевских храмов установить свою охрану»¹. Архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) написал в своем дневнике, что 4 ноября Платон «после долгих усилий и унижений» справился с порученным ему Собором заданием. По пересказу Арсения, пропуск ВРК гласил, что «со стороны Штаба нет препятствий к избранию Патриарха (sic), но лучше бы было с этим повременить в виду неспокойного времени и возможности каких-либо противонациональных попыток. Но что вообще 40% за спокойствие». Арсений добавил, что ВРК разрешил взять из Успенского Собора икону, но порекомендовал нести ее не торжественным образом, а везти в карете. При этом «митрополита Платона заставили около часу сидеть в передней на рундуке, под конвоем часового (но специально для митрополита), и пропуск получен из рук служащей еврейки, которая небрежно вручила его ему»². Таким образом, Московский ВРК, хотя и не выказывал симпатий к Поместному Собору и Православной церкви, но, вместе с тем, не допускал никаких враждебных действий по отношению к ним, держа себя подчеркнуто нейтрально и рассматривая все обращения по существу дела.

Установившийся контакт с новой властью позволил духовенству провести 13 ноября 1917 года многолюдные похороны погибших юнкеров, причем в этой церемонии участвовал весь состав Собора. Отпевание совершили 5 архиереев и 29 священников в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, а затем гробы понесли на Братское кладбище. У могил с речами выступили епископ Тобольский Гермоген (Долганов), В.В. Руднев, П.И. Астров и другие. После похорон люди с факелами и пением похоронного марша вернулась в город, причем, как отмечали газеты, «посреди толпы шли епископы и духовенство с целью оградить толпу от возможных эксцессов»³. В тот момент присутствие духовных лиц еще обеспечивало шествию безопасность.

¹ Там же.

² Воробьев В., прот., Кривошеева Н.А. Митрополит Арсений (Стадницкий) о Соборе 1917 – 1918 гг. и восстановлении патриаршества // XIX ежегодная богословская конференция. Материалы. М., 2009. Т. I. С. 251. Упоминание служащей-еврейки, появление которой было воспринято как унижение митрополита, заставляет еще раз вспомнить тактичность А.П. Розенгольца 2 ноября 1917 года.

³ Похороны жертв гражданской войны // Киевская мысль. 1917. 14 ноября (утр. вып.).

В то время как в Петрограде большевики избегали контактов с церковными учреждениями, Московский совет рабочих и солдатских депутатов в конце 1917 года не брезговал общаться с «клерикалами». Так, на официальный запрос Собора о церемонии похорон на Красной площади погибших рабочих и солдат, Президиум Моссовета сообщил 16 ноября, что он «считает совершение тех или иных религиозных обрядов делом совести как определенных членов, так и целой религиозной общины и не считает возможным в какой бы то ни было мере вмешиваться в совершение религиозных обрядов над братской могилой захороненных гражданскими похоронами павших за дело революции». В то же время Президиум Совета попросил духовенство «своевременно дать знать о времени совершения религиозного обряда на братской могиле»¹. В ответ 17 ноября Собор принял постановление, в котором объявил, что «в преднамеренно совершенном без церковной молитвы погребении под стенами Кремля людей, которые осквернили его святыни, разрушали его храмы и, поднявши знамя братоубийственной войны, возмутили народную совесть, Собор видит явное и сознательное оскорбление церкви и неуважение к святыне»². На этом же заседании Собор поручил Московскому епархиальному начальству «для успокоения смущенной совести верующих и для облегчения загробной жизни самих погребенных» совершить на братской могиле на Красной площади «положенное по церковному чину заупокойное моление»³.

В конце ноября – декабре 1917 года Московский совет рабочих и солдатских депутатов выступил арбитром и даже защитником церкви в ее столкновениях с местными органами советской власти. После проведенных 18 – 20 ноября обысков в Троицко-Сергиевой лавре, где в те дни находился избранный Патриарх Тихон, члены Поместного Собора генерал Л.К. Артамонов и П.И. Астров посетили Совет рабочих и солдатских депутатов и пожаловались на самоуправство Сергиево-Посадского ВРК. В ответ депутаты заявили, что Совет не давал никаких распоряжений и обещали послать в Посад своих представителей для захвата лиц, позволяющих самочинные

¹ Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 ноября.

² Прибавление к Церковным ведомостям. 1918. № 5. С. 173.

³ Там же. С. 174.

обыски в Лавре¹. В итоге объявленная реквизиция монастыря не состоялась².

29 ноября 1917 года генерал Л.К. Артамонов снова обратился в Московский совет рабочих и солдатских депутатов с жалобой на действия Коломенского совета, самочинно изъявшего капиталы из кассы Успенско-Брусенского женского монастыря. Артамонов «по полномочию Святейшего Патриарха» попросил Моссовет «впредь до общего для всех монастырей России решения вопроса об имуществе и капиталах Учредительным собранием, сделать распоряжение о приостановке всяких частных и самоуправных конфискаций». На письме генерала имеется приписка от руки, сделанная одним из членов Президиума Моссовета: «послана бумага товарищу Губернскому комиссару и Коломенскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»³. В связи с другой жалобой духовенства 29 декабря 1917 года Московский губернский совет направил официальное отношение в волостное земство села Остров с требованием приостановить начатое крестьянами выселение местной богадельни, а также сообщить «точные причины» производимой реквизиции. После этого 30 декабря Островское земское собрание объявило епархиальному попечительству, что согласно приостановить выселение «из принадлежащих крестьянам помещений» до 15 мая 1918 года, если епархия внесет за этот период арендную плату в 5 000 рублей⁴.

Перечисленные факты заставляют несколько пересмотреть установившуюся точку зрения на характер взаимоотношений Православной церкви и советской власти в Москве в первые послеоктябрьские месяцы. Политику Московского совета в религиозной сфере нельзя свести к набору репрессивных действий, и уж точно невозможно обрисовать исключительно термином «гонения». Короткое посещение ВРК делегацией Поместного Собора утром 2 ноября 1917 года заложило основу «технического» взаимодействия руководства Православной церкви и Московского совета при сохранении их идеологического противостояния. И именно факт наличия этого контакта – наряду с ожиданием Учредительного Собрания – позволяет

¹ Московский листок. 1917. 21 ноября.

² Богословский сборник. М., 2000. Вып. VI. С. 91.

³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 960. ЛЛ. 1 – 1 об. Коломенский совет реквизирует монастыря значительную по тем временам сумму – 163 812 рублей процентными бумагами.

⁴ Московские епархиальные ведомости. 1918. 15 января. № 1. С. 4.

объяснить пассивность церковного руководства по отношению большевистскому правительству в конце 1917 – начале 1918 года.

Сапон В.П. Нижегородские эсеры осенью 1917 года

Осенью 1917 г. нижегородские эсеры, под давлением «снизу» и вопреки установкам «сверху», вносят в свою партийную повестку дня коррективы достаточно радикального характера. Решающее влияние на их позицию после разгрома «корниловщины» оказало крестьянство и в частности его представители в Губернском совете крестьянских депутатов. 11 сентября 1917 г. на заседании Совета были избраны депутаты на Демократическое совещание в Петрограде (эсеры Фокеев, Тяпкин и Новиков) и сформулированы следующие наказания: «1) содействовать созданию социалистического министерства с участием торгово-промышленного класса без к.-д.; 2) предложить вступить в мирные переговоры, с сохранением жизненных интересов России и воюющих стран; 3) передачи всех земель в ведение земельных комитетов»¹.

Однако указанными шагами нижегородские эсеры не собирались ограничиваться. В этом отношении большой интерес представляет статья, опубликованная в губернской эсеровской газете «Народ» в начале сентября 1917 года. Автор этой статьи, В.К. Медокс, справедливо отмечал, что фактическими руководителями общественно-политической жизни России являются Советы рабочих солдатских и крестьянских депутатов, что идейными лидерами революционной демократии являются социалисты, а «массы социалистичны» в том смысле, что существует «вполне определенный уклон в области народной мысли в сторону социализма». Все это позволило публицисту сделать оптимистичные для Партии социалистов-революционеров прогнозы: подавляющее большинство населения страны составляют крестьяне, которые уже сейчас на выборах органов самоуправления разных уровней активно голосуют за эсеров, следовательно, и «Учредительное собрание в большинстве будет состоять из социалистов, в частности из социалистов-революционеров»². Любопытно, что по прогнозу автора статьи, социалисты в Учредительном собрании «вынуждены будут расширить

¹ Известия Губ[ернского] Сов[ета] кр[естьянских] д[епутатов] // Народ. 1917. № 65.

² Медокс В.К. Одна из неотложных задач Революции // Народ. 1917. № 65.

свои программы-минимум и, при пересмотре всего законодательства, исключить из него все то, что является пережитками погибающего буржуазного строя. Как далеко пойдут эти преобразования, учесть, конечно, трудно, но несомненно одно, что *будут устранены все препятствия со стороны законодательства к легкому переходу к социалистическому строю* (курсив мой – В.С.)...»¹. Однако, как оказалось, у самой многочисленной российской партии осталось слишком мало времени для сохранения своего авторитета, власти и исторического будущего.

Как будто стремясь использовать последний шанс, нижегородские эсеры развернули в октябре 1917 года кипучую деятельность. Например, 3 октября 1917 г. состоялось общее собрание Городской и Канавинской организаций ПСР. В самом начале внеочередное слово получил представитель 183-го полка, после его выступления было решено делегировать в полк организаторов для создания низовой партийной организации. Затем, в соответствии с запланированной повесткой дня, Е.Ф. Тяпкин и И.И. Калюжнов выступили с отчетами об участии в Демократическом совещании; как отмечалось в прессе, «после докладов произошли горячие прения и живой обмен мнений». Выступая по следующему вопросу – об организационной работе – Тяпкин сообщил о намерении губернского комитета ПСР созвать на 15 – 16 октября губернскую партконференцию и огласил пункты повестки дня. Кроме того, Тяпкин предложил полкам местного гарнизона «соорганизоваться в крестьянские организации и выдвинуть крестьянский гарнизонный Совет депутатов Н.-Новгорода». В заключение общее собрание двух районных эсеровских организаций приняло решение провести ряд мероприятий «по изысканию средств»: провести «самообложение» и сборы как среди членов партии, так и среди сочувствующих, организовать концерты-митинги и т.п. Для осуществления указанных решений участники конференции избрали комиссию из 7 человек (Е.Ф. Тяпкин, М.С. Фокеев, Ясницкая, Павленков, Родионов, Старшевский, Мисуси)².

11 октября 1917 г. во Дворце свободы в экстренном порядке было проведено объединенное закрытое заседание исполкомов трех губернских Советов, представителей социалистических партий (эсеров, большевиков, меньшевиков и бундовцев), губернских управленческих структур (в частности, земства, продовольственной управы,

¹ Там же.

² См.: Партийная жизнь // Народ. 1917. № 74.

земельного комитета), городского самоуправления, полковых комитетов, с участием губернского и уездных комиссаров, начальника гарнизона и начальника милиции. Участники совещания обсудили вопрос о борьбе с «анархией» в губернии и решили создать губернский комитет по борьбе с анархией, предоставив в нем по одному месту революционным организациям, социалистическим партиям, городской думе и земству, губернской продуправе, губернскому земельному комитету, Совету рабочих и солдатских депутатов, Совету крестьянских депутатов¹. В тот же день после полуночи Губернский совет крестьянских депутатов на своем экстренном заседании избрал представителя в вышеуказанный комитет (им стал Е.Ф. Тяпкин), а также разработал соответствующий наказ². 12 октября под председательством губернского комиссара эсера М.И. Сумгина состоялось еще одно представительное собрание местных демократических организаций. Депутаты Губернского совета крестьянских депутатов, губернский комитет эсеровской партии, губернский земельный комитет, губернский комиссар и представитель губернской продовольственной управы единодушно высказались в пользу того, что «единственно мерой предупреждения и пресечения роста анархии в губернии является *немедленная передача земель и лесов в ведение земельных комитетов* (курсив источника – В.С.)». Объединенное собрание приняло ряд конкретных решений: издать соответствующее постановление за подписью общественных организаций, Советов, комитетов, губернского комиссара, прокуратуры и т.п.; создать особую комиссию для рассмотрения практических мер по передаче земли и лесов в ведение народных организаций вплоть до разрешения этого вопроса на Учредительном собрании; выработанные комиссией рекомендации обсудить на губернском съезде волостных представителей; заручиться поддержкой всех местных советских и государственных организаций. Было решено также обратиться по телеграфу к руководству российского правительства и ряда демократических организаций со следующим извещением: «В Нижегородской губернии идут и разрастаются аграрные беспорядки. Единственной мерой предупреждения роста движения является передача всех земель земельным комитетам. Ради спасения культурных хозяйств и успокоения населения необходимо немедленное предоставление права губернским организациям издания постановления, а также передачи

¹ Борьба с анархией // Народ. 1917. № 78.

² Там же.

земли земельным комитетам, иначе губернские организации вынуждены будут самостоятельно издать таковое постановление»¹. На следующий день, 13 октября, телеграмма с таким текстом была выслана в Петроград, на адрес председателя Совета министров А.Ф. Керенского, копии – в МВД, Министерство земледелия, Главный земельный комитет, председателю Временного совета республики Н.Д. Авксентьеву, в Исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов и в ЦК ПСР².

Вероятно, на одном из описанных выше мероприятий эсеры из губкомитета ПСР и Губернского совета крестьянских депутатов были вынуждены отвечать на энергичные возражения со стороны другого фланга «умеренных» социалистов – меньшевиков. В частности, П.Ф. Налетов увидел в передаче всех земель в руки земельных комитетов не способ умиротворения деревни, а наоборот, потворство дальнейшему расширению «анархии» в губернии. Отвечая оппоненту из социал-демократического лагеря, председатель Нижегородского совета крестьянских депутатов, эсер Михаил Кутузов настаивал: «чтобы не было этого хищения будущего народного добра, чтобы крестьянство не растаскивало его к мелочам и чтобы крестьянам достались не одни только головешки, необходимо немедленно передать все земли, леса и все сел[ьско]-хоз[яйственные] богатства в ведение земельных комитетов и земельных комитетов и демократических самоуправлений». Не говоря уже о том, что «эта мера решительно и определенно внесет успокоение в возбужденную крестьянскую массу»³. История уже не раз подвергала сомнению взгляды социал-демократов на крестьянство и на аграрный вопрос в целом, напомнил М. Кутузов, поэтому «можно полагать, что и на этот раз жизнь и воля крестьянства разобьют предположения и надежды т.т. [товарищей] соц[иал]-демократов и вся земля, так или иначе, но перейдет в конце концов к трудовому народу, крестьянству в уравнительное землепользование. И этому ходу жизни нужно не препятствовать, а способствовать. Это и хотят сделать партия соц[иалистов]-революционеров и Совет крестьян[ских] депутатов»⁴.

¹ Борьба с анархией // Народ. 1917. № 78.

² См.: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов / Под ред. А.И. Великоречина и К.Г. Селезнева. Горький, 1957. С. 316, док. № 287.

³ Кутузов М. Передача всех земель в ведение земельных комитетов и противники этой передачи // Народ. 1917. № 78.

⁴ Там же.

Пока революционная элита губернии согласовывала в своей среде и со столичным руководством меры по ликвидации «анархии», на местах с большим трудом удавалось погасить очаги аграрных беспорядков, в основе которых лежало не только влияние «темных личностей и солдат», но и такой мощный негативный стимул, как надвигающийся голод. «На этой почве, – доносил нижегородский уездный комиссар Остафьев губернскому комиссару Сумгину, – в самом непродолжительном времени следует ожидать ряд весьма острых эксцессов, против которых существует единственный способ борьбы: это найти меры к удовлетворению населения хлебом. Угроза голода затемнила совершенно в народонаселении всякий остальной интерес к общественной жизни в смысле домостроительства на началах нового строя, и к деятельности новых органов местного самоуправления население относится по большей части индифферентно. Не интересуется также население и волостное земство. Совершенно не заметна деятельность тех или иных партий в смысле подготовки выборов в Учредительное собрание»¹. Кадет Остафьев не предлагал никаких конкретных мер по предотвращению новой волны «эксцессов» (ему, как либералу, оставалось лишь слабо утешаться тем, что «в области обеспечения личной и имущественной безопасности граждан милицией принимаются самые решительные меры»²), в то время как губернский комиссар эсер Сумгин уже не первую неделю был вынужден раздваиваться между своими должностными обязанностями и партийными убеждениями, направляя для усмирения «народонаселения» в уезды воинские команды, но при этом настаивая на необходимости удовлетворить земельные запросы крестьян³. Сумгин, как будет показано далее, не нашел понимания в лице своих

¹ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. С. 317, док. № 288.

² Там же.

³ Так, 9 октября 1917 г. М.И. Сумгин направил в МВД донесение, в котором звучало требование: «Нужна поддержка от вас [в] двух направлениях: первое, необходимо скорейшее откомандирование на губернию до пятисот кавалеристов, второе, необходимо положительное законодательство, направленное [к] удовлетворению нужд крестьянства, [в] частности, незамедлительная передача всех земель, лесов [в] ведение земельных комитетов, чтобы на местах выступать [в] защиту общих интересов, а не интересов помещиков» (Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. С. 313, док. № 280. См. также другие телеграммы губернского комиссара как в вышестоящие, так и нижестоящие инстанции: Там же. Док. №№ 278, 283, 285, 289, 293, 295).

административных начальников, тем не менее, он мог опереться на поддержку своих товарищей по Нижегородской эсеровской организации и направляемых ею органов народной демократии.

На 15 – 16 октября 1917 г. Нижегородский губернский комитет ПСР созвал очередную губернскую партийную конференцию, обозначив в «порядке дня» следующие вопросы: 1) Отчет о деятельности губернского комитета; 2) Доклад представителей о Демократическом совещании; 3) План предвыборной кампании в Учредительное собрание; 4) Организационный вопрос; 5) Текущие дела¹. Однако, в запланированный заранее расписание работы губернской конференции пришлось внести серьезную коррективу – рассмотреть в первоочередном порядке *земельный вопрос*. Как отмечалось в печатном органе нижегородских левых эсеров, «есть вопрос, не включенный в порядок конференции, а выдвинутый последними событиями – беспорядками в Нижегородской губернии – перед нашей организацией, – это вопрос о *передаче всех земель и лесов в ведение земельных комитетов*».

И решение этого вопроса в такой именно плоскости есть *уже не резолюция*, платоническое пожелание, а *конкретная мера*, которую необходимо *немедленно осуществить* (курсив источника. – В.С.)»².

Нижегородский губернский комитет ПСР, руководствуясь тем, что «тактика партийных организаций в исключительных случаях, властно выдвигаемых железной логикой жизни, интересами партийной организации и трудового народа, должна быть жизненной и подвижной», принял собственное решение и предложил на окончательное рассмотрение губернской конференции радикальную меру – немедленно передать всю землю и леса в ведение земельных комитетов. По инициативе эсеровского руководства этот же вопрос был внесен и на рассмотрение Губернского съезда представителей волостных земских управ, намеченного к проведению в те же дни³.

IV Нижегородская губернская конференция начала свою работу в полдень 15 октября, среди делегатов 57 человек имели решающий голос и 15 – совещательный. Во вступительном слове руководитель губернской эсеровской организации И.И. Калюжнов подчеркнул необходимость в первоочередном порядке обсудить постановление губкомитета ПСР по земельному вопросу, тем не менее, эта пробле-

¹ Народ. 1917. № 78.

² Там же.

³ Народ. 1917. № 78.

ма все-таки не стала первым пунктом повести дня. Сначала по предложению того же Калюжнова делегаты избрали президиум конференции. Этой чести удостоились И.И. Калюжнов (председатель президиума), Р.И. Рабинович (товарищ председателя), И.Ю. Рабинович, Л. Каменомостов, С. Лисиц, Балакин (трое последних – секретари президиума).

Затем с отчетным докладом о деятельности губкомитета выступил его председатель. Говоря об общем состоянии эсеровской губернской организации, И.И. Калюжнов откровенно отметил «все признаки общего упадка настроения, как среди масс, так и среди членов партийных организаций, иллюстрируя эту мысль некоторыми цифрами». Деятельность губернского комитета своей партии докладчик разделил на два вида – организационную в чистом виде, т.е. партийную по преимуществу, и организационно-политическую, которая подразумевала участие комитета в разного рода революционно-политических организациях – от ревкома по борьбе с «корниловщиной» до Демократического совещания. Что касается чисто партийной работы, то, по словам И.И. Калюжнова, «в этом направлении комитет предпринял шаги к установлению и поддержанию тесной связи со всеми уездными, сельскими и деревенскими организациями, а также в первую очередь направил все силы к упорядочению дела распространения литературы». Еще одним источником идейного влияния губернской организации ПСР стала газета «Народ», хотя ее объединение с газетой Совета крестьянских депутатов осложнило финансовое положение губкомитета эсеров. Не без гордости докладчик проинформировал делегатов, что с 20 октября партийный печатный орган будет выходить ежедневно¹.

Проанализировав деятельность своих партийных товарищей в Нижегородской городской думе, И.И. Калюжнов изложил план предвыборной кампании в Учредительное собрание, заверив, что «комитетом приняты меры к увеличению средств для этой цели». В заключительной части своего доклада председатель губернского комитета ПСР остановился на участии эсеровских комитетчиков в разного рода «революционных политических организациях, которые возникали на почве требований момента политической жизни страны». И только после этого началось рассмотрение вопроса о ликвидации аграрных беспорядков в губернии. В ходе обсуждения, судя по всему, не были выявлены противники немедленной передачи зем-

¹ Народ. 1917. № 79.

ли земельным комитетам, прозвучали лишь упрек в адрес эсеровского руководства по поводу запоздалости принятия этого решения (в частности, с такой критикой выступил П.А. Скоропоспешнов). Итогом обсуждения вопроса стало единогласное принятие резолюции, предложенной И. Рабиновичем. «Нижегородская губ[ернская] конференция партии социалистов-революционеров, – заявлялось в резолюции, – учитывая разрастающуюся анархию на местах в области земельных отношений, а также и то, что до настоящего времени Временным правительством не принято никаких мер к осуществлению перехода земли к трудовому народу, постановляет: партия должна провести самую энергичную борьбу за то, чтобы добиться издания до Учредительного собрания декрета Временным правительством о передаче всех земель в ведение земельных комитетов, а до издания такого декрета Временным правительством, партийные организации на местах там, где это является жизненной необходимостью, декретируют этот переход самостоятельно»¹.

Еще одним предметом рассмотрения губернской эсеровской конференции стала подготовка к выборам в Учредительное собрание. С докладом по этому вопросу вновь выступил И.И. Калужнов. Он предложил кандидатам, выставленным Нижегородской организацией ПСР, разъехаться по местам и провести соответствующую агитационную работу с потенциальными избирателями. Кроме того, докладчик подробно высказался об отношении к другим политическим партиям (меньшевикам, большевикам и энесам), но почему-то особенно резкой критике он подверг «кооператоров», которые, по его словам, по сути не являясь политической организацией, лишь в последний момент «состряпали» программу общественных преобразований и выставили отдельный список на выборы в Учредительное собрание².

Первый день работы Нижегородской конференции ПСР закончился внеочередным заявлением губернского комиссара, заставившего делегатов вновь вернуться к злободневному земельному вопросу. «Тов. Сумгин, – говорилось в газетном отчете, – оглашает теле-

¹ Губернская конференция партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Народ. 1917. № 76.

² Кстати, 20 октября газета «Народ» сообщила, что Ф.Я. Анисимов и Ю.А. Тархов были исключены из партии эсеров за нарушение партийной дисциплины, которое выразилось в том, что они выставили свои кандидатуры на выборы в Учредительное собрание по кооперативному списку (См.: Народ. 1917. № 80).

грамму, полученную им от тов. министра внутренних дел Салтыкова. В телеграмме тов. министра Салтыков предостерегает и требует не чинить за месяц до Учредительного собрания самочинных выступлений и отложить до Учредительного собрания. Тов. Сумгин указывает, что передача земель земельным комитетам является жизненною необходимостью, единственным средством прекращения беспорядков и потому от решения передать земли Нижегородской губ[ернии] земельным комитетам он не может отказаться. Конференция единогласно одобряет решение Сумгина и постановляет, что организация должна поддержать тов. Сумгина»¹.

Во второй день своей работы, 16 октября 1917 г., делегаты конференции обсудили отчет о деятельности губернского комитета ПСР и в итоге единогласно ему выразили доверие. Если верить газетному отчету, в связи с обсуждением этого вопроса легкой критике подвергся лишь губернский печатный орган, газета «Народ», распространение которой оказалось недостаточным для «обширной агитации в деревне». В качестве пожеланий кто-то из выступавших предложил печатать список кандидатов от партии в Учредительное собрание печатать в каждом номере газете и уделять больше внимания продовольственному вопросу, а Тяпкин призвал к дружному сотрудничеству всех членов парторганизации в подготовке газетных материалов. Далее конференция вновь занялась предвыборной темой. Было предложено: во-первых, губкомитету эсеров известить местные организации о принятом конференцией плане подготовки выборов в Учредительное собрание и, во-вторых, направить в участковые избирательные комиссии представителей соответствующих партийных структур. Затем прошли выборы делегатов от Нижегородской организации ПСР на IV съезд партии. Делегатами на съезд избрали И.И. Калюжнова, Р.И. и И.Ю. Рабиновичей, П.А. Скоропоспешнова, Ф.Ф. Филиппова и В.Б. Либина. После выборов И.И. Калюжнов поделился своими впечатлениями о работе Демократического совещания (там он был избран членом Совета республики (Предпарламента)). Прежде чем завершить конференцию традиционным пением революционных песен делегаты единогласно приняли резолюцию о «полном сохранении единства организаций и дисциплины партии,

¹ Губернская конференция партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Народ. 1917. № 76.

особенно в то исключительно ответственное время, когда началась предвыборная кампания»¹.

Опубликованный отчет о конференции создает видимость полного идейного и организационного единства нижегородских эсеров, однако, судя по всему, настроение участников событий было далеко от благодушия. «Вначале было бурно, – вспоминал по свежим следам, – были упреки в левизне, правизне, слышались слова недоверия, но, по мере развития работы, настроение становилось глубоким, вздумчивым, – доминирующим было желание сговориться, работать, особенно у приехавших из уездов, деревень. И когда конференция закончилась пением революционных песен, было радостно и грустно»².

В тот же день, 16 октября 1917 г. эсеры перенесли обсуждение вопроса о передаче земли под контроль земельных комитетов на Губернский съезд представителей волостных земств³. С внеочередным заявлением на утреннем заседании указанного съезда выступил И.И. Калюжнов, который рассказал делегатам о соответствующем решении губернской конференции ПСР. Еще одно внеочередное заявление сделал губернский комиссар М.И. Сумгин, который доложил об обстановке в губернии, а также о телеграмме товарища министра МВД Салтыкова, полученной в ночь с 15 на 16 октября. «Я поставлен, – признался Сумгин, – в невозможное положение и если это потребует, то сложу с себя всякие обязанности, когда увижу, что это нужно. Но пока я у власти, я должен стоять на страже порядка. Иного выхода из анархии и погромов нет, и я не вижу, как только в единственной мере, на которую я уже указал». По предложению губернского комиссара М.Н. Кутузов поставил «на баллотировку» вопрос о «немедленной передаче всех земель и лесов в ведение, на учет и охрану под ответственность самого народа в лице его организаций – земельных комитетов». Около двухсот представителей волостных земств проголосовали за это предложение, против – никого, воздержались трое⁴. Под бурные аплодисменты собрания Сумгин и Калюжнов покинули зал заседаний.

¹ Губернская конференция партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Народ. 1917. № 76.

² Р. Мысли // Народ. 1917. № 80.

³ В работе съезда приняли участие около 180 делегатов от 150 волостей Нижегородской губернии (Кутузов М. Мысли и впечатления // Народ. 1917. № 81).

⁴ См.: Народ. 1917. № 80.

Нижегородские эсеры, опираясь на крестьянство или, точнее, следуя воле этого самого крестьянства, фактически легитимизировали аграрную революцию, которая уже полным ходом шла в губернии. Однако им не пришлось воспользоваться плодами своей политической «левизны», поскольку они натолкнулись на неуместную в кризисных условиях медлительность правительственной и партийной элит. Инициативу перехватила та партия, которая имела как волю к власти и решительным социально-политическим преобразованиям в стране, так и волевое партийное руководство, ведущее за собой весьма энергичное меньшинство и обеспечившее себе благожелательный нейтралитет большинства бурлящего российского общества.

Кулегин А.М.

«Петроградский союз защиты Учредительного собрания»: создание и деятельность. По материалам коллекции Государственного музея политической истории России.

5 (18) января 1918 г. в Петрограде начало работу Всероссийское Учредительное собрание, которое по первоначальному замыслу должно было утвердить демократические основы политического строя страны, менее года назад сбросившей монархию.

В фондах ГМПИР находится во многом уникальная коллекция, связанная с организацией и проведением российской Конституанты и насчитывающая свыше 300 документов, листовок, фотографий, плакатов и других музейных предметов.

Тринадцатичасовое единственное заседание Учредительного собрания окончательно подвело черту под всей дореволюционной историей России и ярко продемонстрировало непримиримость противоборствующих сторон: утверждавшей большевистской диктатуры и весьма разнородной, но еще активной и решительной российской демократии. Хотя соотношение политических и военных сил в столице после Октябрьского переворота было явно не в пользу последней, на улицы Петрограда, чтобы оказать поддержку депутатам Учредительного собрания, вышли десятки тысяч жителей города. Инициатором массовой манифестации стал «Петроградский Союз защиты Учредительного собрания». Несмотря на значительный объем исторических исследований, посвященных тематике Учредительного собрания, специальные работы о деятельности этой организа-

ции до сих пор отсутствуют. Отчасти восполнить этот пробел дают возможность материалы, хранящиеся в фондах Государственного музея политической истории России (ГМПИР). В основном они сосредоточены в специальной папке, озаглавленной «Дело “Союза защиты Учредительного собрания”, начатое ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (декабрь 1917 – январь 1918 г.)»¹.

Здесь на 39 листах собраны листовки, телеграммы, протоколы обысков и арестов, проведенных чекистами, а также переписка следственной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, связанная с расследованием деятельности Союза и демонстрации 5 января 1918 г. Значительная часть содержащихся в деле материалов ранее не публиковалась и не становилась предметом источниковедческого анализа.

Во второй половине ноября 1917 г. стало ясно, что большевистское руководство, потерпев поражение на выборах, стало всячески затягивать день созыва Учредительного собрания, назначенный ранее на 28 ноября, а полномочия российской Конституанты стремились поставить в зависимость от лояльности новой власти. В такой обстановке эсеро-меньшевистский ЦИК Советов I-го созыва, продолжавший работу в подполье, принял решение: «Признано желательным создание Союза защиты Учредительного собрания»². 23 ноября 1917 г. представители оппозиционных большевистскому режиму политических сил – партий меньшевиков, эсеров, народных социалистов, городской и районных дум Петрограда, ряда профсоюзов, заводов и нескольких воинских частей «в соединенном заседании» создали новую организацию. Она получила название «Петроградский Союз защиты Учредительного собрания – объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций» (ПСЗУС). Председателем Союза стал эсер Василий Николаевич Филипповский (1882 – 1940), старший лейтенант флота, активный член Петросовета и ЦИК Советов I-го созыва, депутат Учредительного собрания от Юго-Западного фронта³.

Работа «Союза» началась с массового выпуска листовок, обращенных к различным слоям населения Петрограда и солдатам петро-

¹ ГМПИР. Ф. II – 20891.

² Дело народа. 1917. 26 ноября.

³ Протасов Л.Г. 1) Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 269; 2) Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 408 – 409.

градского гарнизона. Уже за первую неделю их было выпущено свыше 200 тысяч экземпляров¹. Ряд таких изданий, собранных чекистами в качестве «вещественных доказательств», фигурируют в деле.

В первом обращении Союза ко «Всем гражданам Петрограда!» от 25 ноября 1917 г. говорилось:

«Граждане! Через несколько дней должно собраться Учредительное

собрание. Идет державный хозяин земли Русской...

Но не с радостными лицами встречаем мы этот день. Уже раздаются из Смольного угрозы, что Учредительное собрание будет разогнано.

...Не посмеют насильники занести свой нож над Учредительным собранием, если будут знать, что за ним стоит поддержка всего народа.

Товарищи рабочие! Всей силой своей поддержите Учредительное собрание! Этого требуют от вас долг перед родиной и ваши собственные интересы!

Товарищи солдаты! Не давайте превратить себя в орудие насилия над всенародной волей. Труженики различных частных, общественных и государственных учреждений, будьте готовы всей силой своей организованности вступить в защиту Учредительного собрания! Против посягательств захватчиков – единый революционный фронт!! Все как один человек на защиту свободы слова и печати!!! Все на защиту Учредительного Собрания!!!». В конце листовки приводился и официальный адрес Союза: «Петроград, Литейный 21, кв. 18»².

Стремление создать для «хозяина русской земли» как можно более широкую общественную поддержку стало в дальнейшем главной целью «Союза защиты». В декабре 1917 г. он провел три рабочих конференции в здании Вольного экономического общества. На самой многолюдной из них 18 декабря присутствовало свыше 250 представителей от оппозиционных партий, профсоюзов, воинских частей, Путиловского и Обуховского заводов. Была принята резолюция о неспособности большевиков справиться с анархией и граждан-

¹ Хесин С.С. Становление пролетарской диктатуры в России: вопросы установления советской власти и складывания пролетарской государственной системы (ноябрь 1917 – март 1918 гг.). М., 1975. С. 172.

² ГМП.ИР. Ф. II – 20891/8.

ской войной¹. «Мы приглашаем вас решительно вмешаться и потребовать от большевистских лидеров немедленного прекращения гражданской войны и подчинения Учредительному собранию, – говорилось в одном из воззваний Союза к рабочим и солдатам Петрограда, – Не ждите, пока кровавые события так разыграются, что их невозможно уже будет остановить...»².

«Союз защиты Учредительного собрания» выпускал массовыми тиражами листовки, в которых ставилась задача донести до жителей Петрограда значение Учредительного собрания для судьбы страны и побудить их выступить на его защиту. Этому были призваны содействовать их краткие и выразительные тексты. Приведем одно из таких воззваний полностью:

«Вся власть Учредительному собранию.

Только в Учредительном собрании – спасение родины и революции.

Только через Учредительное собрание – путь к демократическому миру.

Только Учредительное собрание даст народу землю, хлеб и свободу.

Товарищи и граждане!

Все как один встаньте на защиту Учредительного собрания – хозяина Земли Русской.

Да здравствует Учредительное собрание»³.

Постепенно ПСЗУС стал превращаться во всероссийский центр объединения различных антибольшевистских сил, действовавших под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!». В его адрес прибывали многочисленные письма и телеграммы о поддержке и создании местных организаций. Так, в перехваченной ВЧК телеграмме Саранский «Союз защиты» просил срочно «войти в сношение, прислать директивы, материал, осведомления о моменте». А Новгородский «Союз защиты» сообщал 21 декабря 1917 г.: «По предложению Петроградского Союза по всей России частью образовались, частью образуются Губернские Союзы защиты Учредительного собрания. Образовался такой Союз в Новгороде. В него вошли почти все общественные, демократические, правительствен-

¹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. С. 277.

² ГМП ИР. Ф. II – 20891/10.

³ Там же. Ф. II – 19194/1-2.

ные, профессиональные и политические организации. Новгородский Союз защиты Учредительного собрания... имеет своей целью:

1. Всеми доступными для него средствами способствовать скорейшему открытию Учредительного собрания в составе всех избранных народом членом и

2. Дальнейшую поддержку и приведение в жизнь всех законов, которые будут выработаны Учредительным собранием»¹.

В телеграмме из Нижнего Новгорода, копия которой также хранится в деле, говорилось: «В Нижнем образовался губернский союз. Всех наших шагах будем извещать. Широко информируйте нас. Адрес «Защита». Председатель: Суткевич»².

Вместе с военной комиссией эсеров Союз развернул энергичную пропаганду среди солдат Преображенского, Семеновского полков и 5-го броневое дивизиона, стремясь создать вооруженную опору для выступления в поддержку Учредительного собрания. 12 декабря общее собрание солдат Семеновского полка единогласно приняло резолюцию «Об Учредительном Собрании, гражданской войне и выводе войск из Петрограда». В резолюции, текст которой в виде листовки хранится в Деле «Союза защиты Учредительного собрания», в частности, говорилось: «1. Учредительное собрание, этот полномочный хозяин Земли Русской, должно быть открыто в кратчайший срок. 2. Учредительное собрание должно быть полномочным органом Российской Республики, неприкосновенным и свободным в своей трудной работе по проведению в жизнь всех требований и желаний трудового революционного народа России...3. Всякие попытки, откуда бы они ни исходили, помешать работе Учредительного собрания или откладывания времени его открытия будут рассматриваться нами как вредные делу свободы»³.

Возросшая активность «Союза защиты» вызвала сильную обеспокоенность нового режима. Хотя формальных оснований для его запрещения у советских властей явно не хватало, в ход был пущен вновь организованный репрессивный аппарат в лице ВЧК. Борьба с деятельностью ПСЗУС стала одной из первых задач чекистов с Гореховой, 2. А для прикрытия начала активно раскручиваться пропаганда о его «контрреволюционном» характере. За штаб-квартирой Союза, находившейся, как уже отмечалось, в квартире 18 дома 21 по

¹ Там же. Ф. II – 20891/34; 20891/35.

² Там же. Ф. II – 20891/30.

³ Там же. Ф. II – 20891/7.

Литейному проспекту, было установлено постоянное наблюдение. Один из руководителей Военной комиссии партии эсеров Борис Федорович Соколов (1889 – 1979)¹ вспоминал: «В приемной толпилось несколько подозрительных субъектов... У входных дверей торчали более или менее постоянные филеры. Телефонные разговоры внимательно прослушивались...»². В ночь на 1 декабря 1917 г. в помещении «Союза» явился отряд красногвардейцев и латышских стрелков и произвел там первый обыск³. 16 декабря квартира «Союза» вновь была блокирована отрядом вооруженных солдат, которые предъявили ордер ВЧК, подписанный комиссаром Джугашвили (т.е. И.В. Сталиным – А.К.), в котором предписывалось «как лиц, так и документы, если это окажется необходимым, задержать»⁴. Из хранящихся в деле двух экземпляров подлинников протокола обыска (чернового и окончательного вариантов) следует, что там в это время находилось 26 человек. В их число входили как видные деятели организации – члены ЦК меньшевиков Б.О. Богданов и В.О. Цедербаум (Левицкий), один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии Л.М. Брамсон, активисты «Союза», так и достаточно случайные лица, пришедшие записываться на курсы лекторов, которые планировал открыть ПСЗУС. Оружия чекисты у собравшихся не обнаружили, а «от подписи протокола все присутствующие отказались»⁵. Четырнадцать активистов Союза были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость и другие тюрьмы. Оппозиционные социалистические партии выразили резкий протест против произведенных арестов⁶. Однако репрессии не прервали деятельности «Союза». В конце декабря в Петрограде началось создание районных Союзов защиты, организованных на принципах городского Союза. В частности, они были созданы в Василеостровском и Нарвском районах⁷.

Утром 5 января 1918 г. сторонники Учредительного собрания начали стекаться к десяти сборным пунктам, заранее намеченным

¹ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 386.

² Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. М., 1992. Т. 13. С. 5 – 70.

³ Новый луч. 1917. 3 декабря.

⁴ Там же. 17 декабря.

⁵ ГМП. Ф. П – 20891/3; 20891/4.

⁶ Новый луч. 1917. № 15. 20 декабря.

⁷ Там же. 30 декабря.

ПСЗУС. Колонны должны были соединиться на Марсовом поле и двигаться со стороны Литейного проспекта к Таврическому дворцу. Хотя демонстрация замышлялась как мирная, но организаторы предполагали охранять ее эскортом из 8 – 9 бронемашин, которые вместе с основной массой манифестантов должны были подойти к казармам Семеновского полка у Царскосельского (Витебского) вокзала и увлечь за собой несколько тысяч вооруженных винтовками и пулеметами солдат и тем самым обеспечить демонстрации вооруженную поддержку. Однако этот замысел сорвался, т.к. большинство солдат отказалось выйти на демонстрацию без оружия (эсеровский ЦК накануне официально запретил вооруженное выступление), а рабочие-большевики ночью вывели из строя броневики. Тем не менее, манифестация получилась внушительной, в ней приняли участие до 60 тысяч человек, и состоялась она, вопреки публикациям в большевистской печати, не только из «чиновничье-обывательской публики». Среди ее участников, было много солдат и рабочих, особенно Обуховского завода¹. Большевистское правительство и Петросовет объявили Петроград на осадном положении.

В ходе столкновений манифестантов с отрядами красновардейцев и матросов, охранявших район Таврического дворца, согласно газетным спискам погибло 12 человек, 21 был ранен². По другим сведениям, жертв было гораздо больше. Похороны погибших проходили 9 января 1918 г. в очередную годовщину «кровавого воскресенья» и стали последней крупной акцией, организованной ПСЗУС. В фондах ГМПИР хранится листовка, выпущенная «Союзом защиты и приглашающая жителей столицы принять участие в похоронах «жертв расстрела мирной манифестации в день открытия Учредительного собрания»³.

Существенный интерес как исторический источник представляют находящиеся в деле документы переписки между ВЧК и следственной комиссией при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Следственная комиссия Петросовета 12 января 1918 г. начала следствие и предприняла попытку разобраться в существе обвинений, предъявленных чекистами ПСЗУС и его отдельным членам, направив для этого ряд отношений в ВЧК. Она запросила приложить весь имеющийся материал по делу «Союза защиты», пригласив

¹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. С. 306.

² Там же.

³ ГМПИР. Ф. II – 19196.

сила в качестве свидетелей комиссаров ВЧК, производивших обыски и аресты в помещении «Союза», а также направила 12 января 1918 г. письмо комиссару по делам Учредительного собрания, позднее председателю Петроградской ЧК М.С. Урицкому, в котором просила его ответить на шесть вопросов. Следователей Петросовета интересовало, в частности, что он знает о «Союзе» как о контрреволюционной организации, какова его роль в событиях 5 января 1918 г. и «какие именно «социалистические партии и «демократические организации» вошли в «Петроградский союз защиты Учредительного собрания»¹. В деле хранится и подлинник ответа Урицкого, где он утверждает: «Из попавших в мои руки телеграмм и предоставленных мне ... документов я пришел к следующему заключению. «Союз защиты У[чредительного] соб[рания] – Всероссийская контрреволюционная организация, поставившая себе целью передачу всей власти Учредительному собранию. В задачи «Союза» входило свержение Советской власти, для достижения чего «Союзом» велась широкая устная, письменная и телеграфная агитация... По-видимому, «Союз» сложился из тех же элементов и организаций, которые входили в состав комитетов «Спасения родины и революции» и находился в тесной связи с правыми эсерами и меньшевиками... Демонстрация 5 января была организована «Союзом защиты Учредительного собрания» и правыми социалистическими организациями. Официально демонстрация была мирной. Но среди демонстрантов, по словам доносивших о ходе демонстрации, были вооруженные кадровые офицеры»². Однако чекисты так и не смогли выдвинуть более конкретные обвинения против ранее арестованных членов ПСЗУС. В результате, следственная комиссия при Петросовете и ревтрибунал не смогли собрать достаточный обвинительный материал для организации судебного процесса, а арестованные деятели «Союза» уже во второй половине января 1918 г. оказались на свободе³.

Дело «Союза защиты Учредительного собрания» входит в число самых раритетных экспонатов собрания ГМПИР. Информация о нем была включена в юбилейное издание «Изъятию не подлежит... Хра-

¹ Там же. Ф. II – 20891/37.

² Там же. Ф. II – 20891/38.

³ В частности, 20 января 1918 г. был освобожден из Петропавловской крепости Б.О. Богданов (*Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик*. СПб., 1994. С. 64 (примеч.)).

нить вечно!», посвященное 100-летию коллекции музея¹. В течение 2007 – 2013 гг. оно демонстрировалось на одноименной выставке реликвий ГМПИР.

Калашников В.В. Стратегическая концепция В.И. Ленина в 1917 году: расчет на мировую революцию?

В историографии Русской революции распространен тезис, согласно которому Ленин и большевики в октябре 1917 г. брали власть исключительно для того, чтобы подтолкнуть мировую революцию, и в расчете на ее скорую победу. Из этого тезиса делаются три вывода, которые существенно влияют на всю трактовку истории советского общества.

Первый – о том, что в 1917 году ленинская концепция социалистической революции в России не имела твердого внутреннего основания.

Второй – о том, что большевики были готовы пожертвовать Россией в интересах утопической идеи мировой революции.

Третий – о том, что приход к власти Сталина и его борьба с троцкистами отражали смену интернациональной концепции большевизма на национально ограниченную стратегию сталинизма.

Все эти идеи появились уже в 1920-е гг., долго бытовали в зарубежной историографии. В советской историографии эти идеи отвергались, но не вполне убедительно. Советские историки боялись делать акцент на национальном характере ленинской *концепции* революции в России, полагая, вероятно, что это приведет к выводу о национальной ограниченности *теории* ленинизма². А ленинизм, как известно, трактовался Сталиным и в документах КПСС как марксизм эпохи империализма, выходящий за национальные рамки России. В постсоветский период тезис о ставке Ленина на победу мировой революции получил широкое распространение в отечественной исторической литературе и публицистике.

Для обоснования этого тезиса, как правило, использовались высказывания В.И. Ленина, в которых говорилось об обреченности пролетарской революции в России без наступления революции в

¹ «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!» 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907 – 2007. СПб., 2007. С. 145 – 147.

² Все выделения в тексте, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

Европе, прежде всего в Германии. Вот одно из таких высказываний: «...абсолютная истина, что *без немецкой революции мы погибли...* если немецкая революция не наступит, – мы погибнем»¹.

Однако, на мой взгляд, для того, чтобы правильно понять соотношение внешних и внутренних факторов в политике большевиков, надо исходить не из отдельных высказываний Ленина, а из сути созданной им концепции проведения социалистической революции в России и реальной практики ее претворения.

На начальном этапе истории российской социал-демократии В.И. Ленин разделял ортодоксальный марксистский взгляд на революцию в России, разработанный Г.В. Плехановым. В первой программе РСДРП (1903 г.), написанной Плехановым, отмечалось, что Россия стоит перед буржуазно-демократической революцией, а о переходе к социализму не говорилось ни слова².

Однако уже в период подготовки Программы Ленин и Плеханов разошлись в одном важном вопросе, хотя это расхождение никак не повлияло на итоговую версию Программы. Напомним, что в Программе ничего не говорилось о *революционном потенциале* крестьян даже на этапе демократической революции. Это не было случайностью. Поворот Плеханова от народничества к марксизму являлся реакцией на провал кампании «хождения в народ», вследствие чего русский марксистский социализм с самого начала нес на себе печать разочарования в крестьянстве и уверенность в быстром отмирании общины в ходе развития капитализма³. Ленин занимал другую позицию. В работе «Проект программы нашей партии» (1899 г.) он отметил: «Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России – еще нет». Ленин положительно ответил на вопрос о том, «способно ли хоть отчасти наше крестьянство на *революционную* борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом»⁴.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 15.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 7-е. М., 1953. Ч. 1. С. 37 – 43.

³ См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. М., 1956. Т. I. С. 259 – 279.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 4. С. 227.

Первая русская революция показала ошибку Плеханова: крестьянские выступления были массовыми и радикальными, и именно община выступила инструментом их организации. Поведение крестьян произвело сильное впечатление на Ленина, показав недостаточность и его позиции. Ленина поразило отраженное в многочисленных крестьянских наказах негативное отношение крестьян к самому принципу частной собственности на землю. Как следствие, Первая конференция РСДРП (декабрь 1905 г.) приняла ленинскую резолюцию о необходимости включить в программу РСДРП требование «конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетской и частновладельческой земли»¹.

Очевидно, что это требование было не совместимо с рамками буржуазной революции. Однако Ленин еще не решается сделать какие-либо кардинальные выводы из столь радикальных требований крестьян. Напротив, он пытается трактовать их как требования общедемократического характера.

В период мировой войны Ленин обдумывает уроки первой русской революции и те новые особенности, которые несла эпоха империализма. И приходит к известному выводу о том, что в современном мире мировая революция будет целой эпохой. В ней переплетутся революции разного типа (демократические, национально-освободительные и пролетарские) и победа пролетарской революции вначале произойдет в одной отдельно взятой стране – слабом звене². Ленин не говорит о том, что этим звеном будет Россия. Но в работе «Несколько тезисов» (1915 г.) он допускает возможность прихода в России к власти партии пролетариата в ходе «теперешней войны» и формулирует для нее задачи ведения революционной войны, поднимая угнетенные народы на Востоке и социалистический пролетариат на Западе³.

Как будто бы здесь заложена именно идея взятия власти в России только для подталкивания мировой революции. Однако это не так. Взгляд Ленина на роль России становится очевидным в марте 1917 года. Как только Ленин получает известие о победе Февральской революции, он сразу же выдвигает задачу перехода ко второму пролетарскому этапу и указывает цели такого перехода, ориентированные именно на Россию.

¹ КПСС в резолюциях. Ч. 1. С. 100.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 354 – 355.

³ Там же. Т. 27. С. 50. Выделения в тексте цитаты сделаны В.И. Лениным.

Рассмотрим этот сюжет подробнее. В мартовских «Письмах из далека» Ленин неожиданно для своих сторонников заявляет, что: «**В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем**». И формулирует главное условие победы пролетариата: «*поддержка его со стороны большинства крестьян*», при условии того, что «*аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства*»¹. Как известно, аграрная программа 104-х депутатов I Государственной думы фактически была направлена на ликвидацию *частной собственности на землю*. Иными словами, Ленин обусловил возможность взятия власти рабочей партией в русской революции, прежде всего, *внутренним фактором: позицией русского общинного крестьянства, которая объективно выводила русскую революцию за рамки буржуазной*.

Зачем партия пролетариата должна взять власть? Только для того, чтобы подтолкнуть мировую революцию? Ленин считает это важной задачей, но не единственной. В этом же письме он пишет: «В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с *беднейшей* частью крестьянства, шаги, направленные к *контролю* производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы *переходом к социализму*, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер»². Итак, переход к социализму в России «*насуточно-необходим*» и «*вполне осуществим*» через ряд переходных шагов.

Уже сама быстрота формулировки новой стратегии, отличной от стратегии 1905 г., говорит о том, что мы имеем дело с результатом заранее проделанной работы. А степень новаторства показывает тот факт, что соратники Ленина в Петрограде, в лице Сталина и Каменева не публикуют полностью его мартовских писем в «Правде», полагая, что Ленин, находясь под впечатлением от быстрой победы Февральской революции, оторвался от реальности.

Вернувшись в Россию, Ленин развивает свою мартовскую позицию в «Апрельских тезисах» и последующих работах, уделяя огромное внимание разработке стратегии переходных шагов к социализму.

¹ Там же. ПСС. Т. 31. С. 56.

² Там же.

В этом – суть ленинской стратегической концепции развития революции в условиях России.

Такое понимание задач революции нашло горячую поддержку наиболее передовых и организованных отрядов рабочего класса, особенно фабзавкомов, которые стремятся к реализации лозунга «фабрики – рабочим», а не к экспорту революции на Запад. Видя позицию рабочих, другие руководители партии большевиков быстро принимают новый стратегический курс, хотя не все из них дают ему одинаковую трактовку. В августе 1917 г. VI съезд партии большевиков утверждает программу переходных шагов, в основе которой лежат требования национализации земли, банков, синдикатов, транспорта, а также развития рабочего контроля «в полное регулирование производства»¹. Это программа прямо ориентирована на захват ключевых экономических рычагов и коренную перестройку экономики России, она явно не совместима с рамками буржуазной революции и рассчитана на долгий период строительства социалистического общества. При этом съезд не связывает успех реализации этой программы с помощью со стороны победившего пролетариата в Европе.

В сентябре, на фоне очевидного общенационального кризиса, Ленин пишет брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в которой обосновывает необходимость осуществления переходных шагов к социализму не только для преодоления кризиса, но и выдвигает более масштабный тезис: переход к социализму необходим как средство для решения той кардинальной задачи, которую история поставила перед Россией в начале XX века: *догнать развитые страны Запада или погибнуть*². По сути дела, эта задача и является главной, определяющей всю ленинскую стратегию русской революции: *социализм как средство ускорения развития России, ликвидации губельного отставания от Запада*.

Сразу после прихода большевиков к власти Ленин прилагает все усилия не для того, чтобы развязать революционную войну, а для того, чтобы заключить мир. И он понимал, что мир будет сепаратный. Наивно думать, что Ленин осенью 1917 г. хоть на минуту верил в то, что Антанта примет его предложение о заключении мира без аннексий и контрибуций.

Моментом истины стал Брестский мир. Именно он показал то, как Ленин на практике расставлял приоритеты между национальни-

¹ КПСС в резолюциях. Ч. 1. С. 376 – 379.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 198.

ми и интернациональными задачами. Троцкий и большая часть членов ЦК партии большевиков на тот момент исходили из приоритета задачи стимулирования мировой революции, а Ленин считал главным сохранить Советскую власть на территории России. В статье «Странное и чудовищное» Ленин так отвечал своим оппонентам: «Может быть авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война... ? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. ... На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помогала этой революции, *но форму помощи избирала соответственно своим силам*»¹.

В резолюции о войне и мире, принятой 8 марта 1918 г. на VII экстренном съезде РКП (б), утвердившем Брестский мир, прямо говорилось, что «социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми ... средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран», но съезд не принял тезиса «левых коммунистов», выступавших за приоритет интернациональных задач российского пролетариата перед национальными².

Заклучив Брестский мир, Ленин пожертвовал теми частями Российской империи, которые было невозможно удержать (Польша, Финляндия и Прибалтика), смирился с временной потерей Украины, но получил мирную «передышку» и сохранил русское ядро бывшей империи, что позволило ему впоследствии восстановить многонациональное государство в форме Союза ССР³.

На VII съезде РКП (б) Ленин, получив согласие на мир с Германией, сформулировал главную задачу партии внутри страны: «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение *всего государственного экономического механизма в единую крупную машину*, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы *сотни миллионов людей руководились одним планом*»⁴.

¹ Там же. Т. 35. С. 403.

² Там же. Т. 36. С. 35 – 36.

³ Тем, кто так много говорит о «позорном» Брестском мире, предлагаю сравнить границы РСФСР по этому договору с современными границами России.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 7.

Иными словами он ставил задачу создания плановой государственно-регулируемой экономики. Пути решения задачи были намечены в апрельской брошюре «Очередные задачи Советской власти»¹. Читая ее, трудно избежать вывода о том, что Ленина более всего беспокоили проблемы внутреннего развития, а не мировой революции.

Осенью 1918 г., когда вспыхнули революции в Австро-Венгрии и Германии, СНК всерьез не рассматривал задачу организации революционного похода в Германию, хотя в ноябре главная военная опасность внутри страны в лице Комуча и чехословаков была ликвидирована. Та же сдержанность была проявлена и в 1919 г. на фоне венгерской революции и локальных революционных взрывов в Германии. В период советско-польской войны 1920 г. Ленин приветствовал марш Тухачевского на Варшаву. Но когда это не получилось, он немедленно пошел на компромисс с Польшей, отдав ей западные районы Украины (в которых преобладало население с антироссийским менталитетом) с тем, чтобы избежать продолжения войны в условиях тяжелого внутреннего кризиса в стране. Иными словами и в этом случае задача укрепления Советской власти в России рассматривалась как приоритетная. Таковы были реальная практика, реальные действия вождя пролетарской революции.

Анализ истории русской революции показывает, что Ленин создал и реализовывал на практике концепцию перехода к социализму с опорой на внутренние условия России, на ее национальную специфику, которая была, прежде всего, обусловлена готовностью большинства крестьян ликвидировать частую собственность на землю. Ни одна другая политическая партия в России, в том числе и эсеры, которые формально поддерживали крестьянские требования, оказались не готовыми осуществить их на деле. Это и открыло большевикам путь к власти и создало возможность на фоне радикальной крестьянской революции начать переход к социализму.

Однако осуществление такой концепции было возможно лишь при определенных внешних условиях. Общеευропейская революционная ситуация создала необходимый минимум таких условий: позволила большевикам устоять в условиях враждебного внешнего окружения, не допустить масштабной иностранной интервенции. И в этом смысле Ленин оказался прав: без революции в Германии ино-

¹ Там же. С. 184 – 192.

странная интервенция могла принять более активные формы, и власть Советов в России могла бы погибнуть. Таким образом, и не победившая европейская революция была фактором, который позволил советской республике выстоять. Однако эта победа в условиях внешнего враждебного окружения не могла считаться окончательной. И именно так Ленин оценивал роль мировой революции в судьбе русской революции уже с марта 1918 г., когда в резолюции VII съезда РКП (б) роль «международной рабочей революции» была определена как **внешняя гарантия** «закрепления социалистической революции, победившей в России»¹.

Что касается, многочисленных высказываний Ленина о скором приближении и победе революции в Европе, то их оценка должна проводиться со строгим учетом контекста и обстоятельств, в которых они были сделаны. Накануне Октября Ленин ссылками на приближение мировой революции убеждал себя и своих товарищей в необходимости сделать отчаянно смелый шаг: взять власть в наиболее критический момент развития революции. После Октября, он убеждал опять же и себя и других, что эта власть будет удержана, и все трудности внутреннего развития будут преодолены. Вера в успех дела – необходимая предпосылка успеха. Естественно, в том случае, когда кроме веры, есть еще и иные социальные, экономические и политические предпосылки для победы.

Реализация ленинской стратегии привела к созданию великолепного инструмента ускоренной модернизации России: в советский период Россия единственный раз в своей истории в разы сократила отставание от передовых стран Запада по всем основным социально-экономическим и культурным показателям. В то же время, как показали события конца XX века, победа социализма в России не была окончательной. Поражение социализма в России не было результатом прямого военного давления капиталистических стран. Безопасность СССР от внешней агрессии была гарантирована могучим оборонным потенциалом. СССР был разрушен в результате поражения в психологической войне, ошибок руководителей правящей партии и государства. Это поражение не было результатом изначальной ошибочности ленинской стратегической концепции.

Последующие почти четверть века постсоветского развития показали, что новая модель российского капитализма по всем основным показателям уступает даже той несовершенной модели совет-

¹ КПСС в резолюциях. Ч. 1. С. 405.

ского социализма, которая была создана в тяжелейших условиях отсталой страны. И это объективно ставит на повестку дня задачу поиска новых путей, на которых будет возможным преодолеть слабые стороны как советской, так и постсоветской модели развития России. И решение этой задачи предполагает правильную постановку вопроса о соотношении внешних и внутренних факторов развития.

Иванов А.А.

«Мы всецело присоединяемся к требованиям народников...» О требовании правыми сепаратного мира в 1917 г. (по материалам газеты «Гроза»).

В годы Первой мировой войны со стороны оппозиционного лагеря, как известно, регулярно звучали обвинения правых в германофильстве, целью которых было дискредитировать своих политических оппонентов. Правые, в свою очередь, не оставались в долгу и в публичных выступлениях, равно как и на страницах своих изданий, отвечали либералам и левым той же монетой, доказывая, что настоящими (хотя и невольными) германофилами являются представители оппозиции, своим натиском на власть способствующие успехам Германии и поражению России. Но поскольку в информационном плане либеральный лагерь, контролировавший подавляющее большинство печатных периодических изданий, оказался значительно сильнее охранителей, ярлык «германофилов», якобы ищущих сепаратного (читай – позорного) мира с немцами, был прочно наклеен на правых.

О том, что в этом распространенном мнении было гораздо больше лжи, чем правды уже писалось¹. Отметим лишь, что на деле представители правого лагеря, действительно не желавшие военного конфликта с Германией, в которой видели близкое по духу государство и важного экономического партнера, приняли Первую мировую войну с полным пониманием необходимости выполнить свой долг перед Отечеством и монархом до конца. Собственно говоря, никакого германофильства, если понимать под ним какое-то особенное чувство к немцам и Германии, перевешивающее любовь к своему наро-

¹ *Иванов А.А.* 1) «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1 (3). С. 202 – 212; 2) Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914 – 1917). М.; СПб., 2013.

ду и России, у правых не было и до войны. Вместо него был трезвый расчет, далекий от «слюнявой сентиментальности» (выражение В.М. Пуришкевича¹). Поэтому нет никаких сомнений в том, стоявшие всегда на патриотических позициях правые желали победы России над Германией куда больше, нежели заключения сомнительного и позорного мира.

И, тем не менее, в крайне правом сегменте черносотенного движения, представленного сторонниками А.И. Дубровина, уже с 1915 г. стали раздаваться отдельные голоса, говорившие о возможности сепаратного мира с Германией (т.е. русско-немецкого мирного договора, заключенного без согласия союзников). Напомним хотя бы, что видный правый деятель П.Ф. Булацель, возмущаясь тем, как выполняет свой союзнический долг Англия, требующая при этом от русских чуть ли не взятия Берлина, возмущался тем, что «нашему многострадальному народу и нашему доблестному воинству г. Асквит (премьер-министр Великобритании – А.И.) и его “товарищи”, очевидно, вменяют в обязанность воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы признают себя сломленными и согласятся на выгодный и почетный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русскими штыками»². По мнению правого публициста, только «охватившим теперь почти все народы Европы нравственным помешательством можно объяснить дикую проповедь, навязывающую России недостойную роль воевать до бесконечности, до полного истребления всего соседнего вооружен-

¹ В 1909 г. заявляя о том, что во внешней политике симпатии правых на стороне Берлина, и основаны они на верности монархическому принципу, «наиболее полное проявление коего сейчас наблюдается в Германии», В.М. Пуришкевич вместе с тем подчеркивал: «...Не чувство симпатии к Германии говорит во мне и вызывает строки этого письма; я русский националист до мозга костей и не способен руководствоваться слюнявой сентиментальностью в вопросах исторических судеб моего народа. Для меня, как и для бесчисленных моих единомышленников в России – все нации – чужие, и близкой может быть, как сейчас Германия, только та близость, которая выгодна моему отечеству... <...> Нет, скажу я, мы чужды “дипломатических предрассудков”, как назвал эти мотивы в свое время Бисмарк. Мы ищем только своей выгоды» (*Пуришкевич В.М.* Политические дальтонисты. Статья из германской «Kreuz Zeitung» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10 – 11. С. 6 – 7).

² *Булацель П.Ф.* Дневники // Российский гражданин. 1916. № 29. 31 июля. С. 13 – 14.

ного германского народа»¹. Однако, как не трудно заметить, Булацель, говоря о необходимости закончить войну с Германией тогда, когда это будет выгодно России, а не англичанам, руководствовался отнюдь не «германофильскими» чувствами (в чем его, кстати, тут же обвинили оппозиционные издания), а исключительно русскими интересами (так, как он их понимал).

Но открыто призывы к сепаратному миру зазвучали в крайне правых кругах уже после Февральской революции. В этом плане очень примечательной является серия публикаций ультраправой газеты «Гроза», которая продолжала выходить в свет практически до самого конца 1917 г.

Отмечая, что после вынужденного отречения императора Николая II от престола Россия оказалась «в крайне неопределенном положении безгосударственности», чем сразу же воспользовались деструктивные левые силы, «Гроза» била тревогу в связи с тем, что «рабочие уже вошли в переговоры с немцами и объявили условия мира со стороны России: отказ от целей войны – завоевания Константинополя для свободного прохода кораблей из Черного моря в Средиземное и от присоединения Галиции и Буковины с русскими людьми, стонущими под польско-немецким игом»².

Продолжая эту тему в другом номере, издание отмечало: «Война ведется уже около трех лет: погибли, изувечены, осиротели и разорились миллионы людей в одной России; около двух миллионов томятся в тяжком плену; народ измучился от недостатка продовольствия, одежды, обуви, и болеет; страна обеднела и опутана огромным долгом — при таких условиях желание мира стало стихийным»³. Но уже вместо возмущения стремлением народа к миру, «Гроза» подходила к реалиям революционного времени уже прагматично. Напоминая, что император Николай II категорически отвергал возможность сепаратного мира с Германией, черносотенная газета объясняла это необходимостью выполнить четыре «величайшие задачи», «к разрешению которых Россия стремилась уже тысячу лет», поставленные царем «войску и народу»: «1) сломить силу немецкую как вечную угрозу мирного жития царской России; 2) завоевать Царьград у турок для прохода русских судов в Средиземное море; 3) освободить русских людей в Галиции и Буковине от венге-

¹ Там же.

² Гроза. 1917. 26 марта.

³ Гроза. 1917. 2 апреля.

ро-польско-немецкого гнета присоединением этих исконных русских земель к России и 4) объединить поляков Австрии и Германии с нашими для образования самоуправляющейся под властью России Польши»¹.

Однако, продолжала далее «Гроза», с падением самодержавия и установлением власти Временного правительства ситуация принципиально изменилась. Уставший от войны и разагитированный левыми вооруженный народ не желает более воевать, в то время как Временное правительство, настойчиво требующее продолжения войны до полной и безоговорочной победы союзников, во-первых, не пользуется у солдат популярностью, а во-вторых, не стремится достичь тех целей, ради которых Россия в эту войну вступала. Первая царская цель – сломить немецкую силу – не может быть выполнена уже хотя бы потому, писала «Гроза», что подавляющее большинство солдат просто не желают продолжать войну. Что же касается других целей, то новая власть показала свое полное равнодушие к их осуществлению – от Константинополя она готова отказаться, присоединять к России Галицию и Буковину вроде как не стремится, а уж об объединении всех поляков под русской властью речи тем более не идет. Следовательно, все те цели, ради которых война начиналась, исчезли, а значит продолжать войну только ради того, чтобы выгоды от нее получил кто угодно, только не русский народ, нет никакого смысла. В связи с этим, отмечало издание, «раз только народ русский отпускает от себя поляков, литовцев, латышей и эстонцев, земли которых занимают сейчас немцы, то было бы глупым для русского народа ценою своей жизни отвоевывать еще для них от немцев эти земли. Пусть займутся этим сами поляки, эстонцы, латыши, тем более, что из них уже образованы боевые силы, а русскому народу проливать за них свою кровь нет смысла. Таково мнение большинства русского народа, весьма ярко определяемое рабочими и солдатскими газетами»².

«Войну большинство солдат согласны вести лишь для обороны страны от намерения восстановить царскую власть, но немцы уже объявили, что они этого совершенно не желают, и потому отпадает последнее препятствие к началу мирных переговоров», – продолжала правая газета³. «Однако, – говорилось далее, – министры совер-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

шенно не желают исполнить волю народа и солдат, изложенную в переданных им постановлениях солдат фронта, и гарнизонов, и рабочих, и не приступают к переговорам о мире с одной стороны потому, что главные свергатели царской власти командующее фронтом генералы Алексеев, Рузский, Брусилов и Гурко желают поспорить с немецкими генералами в военном искусстве и поиграть в войну еще, и с другой, союзницы наши Англия, Франция, Италия, Румыния, Сербия и Черногория настаивают на продолжении войны, а Япония только под этим условием согласна иметь дело с нынешними министрами. Само же Врем[енное] Прав[ительство] разошлось в этом вопросе: министры Керенский и путей сообщения Некрасов поддерживают мнение народа о ведении войны только для самозащиты, а остальные — помещики, банкиры и купцы, настаивают на ведении войны для победы над Германией, с целью завоеваний и в угоду союзникам»¹.

В сложившихся условиях, резюмировали «Гроза», продолжать войну исключительно в интересах капитала и союзников по Антанте, умножая «число вдов, сирот и калек на новые миллионы» и обрекая Россию на «окончательное обнищание», является преступлением против народа. Поэтому правительству необходимо срочно начинать переговоры о мире, пока разложившаяся армия окончательно не разбита немцами, «после чего сносного мира добиться уже невозможно»².

А поскольку, продолжала «Гроза», к переустройству России уже приступили сами массы, начавшие передел земли, то солдаты и офицеры стремятся скорее попасть домой, чтобы либо поучаствовать в переделе собственности, либо постараться защитить ее и обеспечить безопасность своих семейств. «Поэтому, мы всецело присоединяемся к требованиям народников немедленно начать переговоры о мире», — заключала «Гроза».

Впрочем, был у «Грозы» и еще один аргумент в пользу сепаратного мира. Напоминая, что цвет мужского населения России в возрасте от 20 до 44 лет преимущественно находится в окопах, газета задавалась логичным вопросом: каким образом новое демократическое правительство собирается осуществлять «волю народа», если этот самый народ в условиях войны лишен возможности какого-либо волеизъявления, иначе как путем вооруженного бунта против власти,

¹ Там же.

² Там же.

если разочаруется в действиях последней. «20-миллионное войско в окопах лишено возможности спокойно обсуждать дела и производить выборы с наказом в Учред[ительное] Собр[ание]. Поэтому, скорейшее прекращение войны выдвигается для блага страны на первую очередь, без чего невозможно приступить к государственному переустройству», – заключало издание¹.

Однако Временное правительство следовать требованиям, как ультралевых, так и ультраправых не собиралось. В связи с этим к маю 1917 г. тон «Грозы» в вопросе войне и мире стал гораздо резче. Сообщая, что солдаты, не дождавшись мира от правительства, начали заключать его с немцами сами, устраивая братания с недавним противником, «Гроза» так передавала солдатские настроения: «сами министры под обстрелом не находятся и потому им посылать людей на бойню легко; ответа же за напрасно погибший народ перед Богом, как имел его Царь, они не несут, и потому им решительно все равно, сколько русского народа ни было бы перебито; также и всем генералам, которые командуют за несколько верст от мест сражений». «Не ощущают, – добавляла уже от себя “Гроза”, – министры и генералы также и нужды: за хлебом в очередях не стоят, жалования получают по две тысячи рублей в месяц и даже социалисты из них занимают огромные и богато убранные казенные помещения с большим числом даровой прислуги. Иное дело народу: в качестве солдата он всегда впереди в окопах, под огнем и под ударами врагов, и если раньше питался, хотя только чечевицей с рыбой, да хлебом вдосталь, то ныне недостает у него и хлеба; в качестве же рабочего народ голоден, бос и оборвался. Ранее такой нужды не было, а теперь бумажными деньгами хоть пруд пруди, а купить на них нечего. Народ стал нищим и ждет окончания войны во что бы то ни стало. Нет ему никакого дела ни до англичан, ни до французов. Занятая немцами русская земля, все равно, отдана уже Врем[енным] Правительством инородцам – латышам, полякам, эстонцам и литовцам, военные министры Гучков и Керенский уже составили из них полки для защиты их земель от притязаний русских черносотенцев и отвоевывать для инородцев эти земли от немцев ценою собственной жизни народу русскому удовольствия не составляет. Требование мира становится все настойчивее и громче, и если ради англичан и французов воевать

¹ Гроза. 1917. 2 апреля.

надлежать еще 2 года, то это приведет всех в отчаяние и раздражение – таков всеобщий отзыв русских людей о войне»¹.

Отсюда следовал и вывод: «воевать, при нежелании вести войну со стороны большинства солдат и народа, есть безумие или преступление: потерпевшие поражение войска и обезумевший от нашествия врага народ потребуют тогда всех самозванных правителей к ответу, почему они не исполнили народной воли вовремя, когда еще можно было мир получить почетный, – и суд народный над губителями Родины будет жесток и беспощаден»².

Что же касается неминуемого возмущения со стороны союзников любой попыткой со стороны России завершить войну с Германией двусторонним соглашением, то, полагала «Гроза», на это у Антанты нет никаких причин. «Англичане и японцы получили уже свое захватом в Африке и Китае богатейших германских колоний и война до слома немцев им нужна для удержания приобретений, но мы отказались от чужих земель и сламывать во что бы то ни стало немецкую силу для удержания чужого нам нет надобности. <...> Французы же и итальянцы, еще 1 марта, до отречения Царя, признали новую власть в России, и правительства их содействовали перевороту <...> следовательно, они не могут не сочувствовать миру, так как знали цель переворота у русских народников – прекратить войну. Что же касается мелких союзников, то народники добровольно дают разным племенам самоуправление, расчленяя тем Россию на части, и умаляя тем ее до крохотных размеров Великороссии: почему же Россия должна истощать себя до небытия в бесплодной для себя войне, что бы только помочь бельгийцам, сербам и румынам сохранить свои государства! Нельзя же настаивать на исполнении Царских обещаний, когда еще более существенные Царские решения о Польше и Финляндии, даже в согласии с народом вынесенные, отменены новою силою не только без всякого протеста со стороны союзниц, но при их одобрительном ликовании. Своя рубашка ближе к телу: спасать других, утопая сами – в политике считается глупым. Ныне англичане и французы одолели немцев и гонят их из Франции; в помощь им выступила Америка, которая по своему богатству и силе может вполне для них заменить Россию. Теряется, поэтому последний смысл для русского народа жертвовать собою на благо других и на погибель себе – пусть продолжается война с немцами ради слома

¹ Гроза. 1917. 7 мая.

² Там же.

немецкой мощи и в благоденствие Англии, Франции, Италии, Румынии, Сербии, Черногории и Бельгии с Америкой, но только помимо России, у которой настала необходимость устраивать собственные дела, а чужими заниматься уже некогда: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»¹.

Таким образом, подчеркивало издание, союзники пожинают лишь плоды своих же трудов: царская Россия делала со своей стороны все возможное, чтобы облегчить их участь в войне и сокрушить немцев, но с государственным переворотом, которому со стороны Англии и Франции оказывалось сочувствие и содействие, ситуация кардинальным образом поменялась. Союзники «хорошо знали, что русский христоробивый воин бился до смерти за три святыни: “за Веру, Царя и Отечество”, написанные на ополченском кресте и строго чтимые всем русским народом. Ныне эти святыни у него похищены: Отечество заменено международным братанием, Вера отменена приказом о необязательности молитвы Богу, а Царя нет благодаря тем же англичанам и французам. <...> Следовательно, исключение Царя из святынь, за которые только и готов русский народ идти на смерть, отвечает желанию Франции и Англии, и потому они должны примириться со всеми вытекающими отсюда последствиями. <...> Первыми криками бунтарей были “хлеба” и “долой войну”, и, похваливая их, послы Англии и Франции одобряли тем и цели бунта – т. е. прекращение войны»².

Напоминая далее союзникам, что именно преданный ими русский царь спас от немцев Париж в 1914 г., «уложив в Пруссии цвет гвардии», «Гроза» заключала, что именно французы и англичане «своим непрошенным вмешательством расстроили дух народа и войска, и негодовать на Россию они не вправе: при их же ведь одобрении и помощи власть перешла в руки противников войны». «В своем слепом увлечении германскою интригою, они не заметили, что войну вели устойчивые русские слои, а не левые, которые примкнули к ней ради лишь наживы и подстрекательства в войсках против Царской власти. Поддерживая левых, союзники отстранили от себя правых – широкую народную массу, не имеющую ныне, ни целей войны, ни святынь, за которые стоило бы жертвовать своею жизнью и благосостоянием. Правые круги не мешают войне, но и не помогают ей, а за ними отстранился от войны и народ: и никакая сила не

¹ Гроза. 1917. 2 апреля.

² Гроза. 1917. 18 июня.

в состоянии сдвинуть его с точки полного равнодушия к участи союзников», – заключала монархическая газета¹.

Таким образом, позиция относительно дальнейшего участия России в Первой мировой войне, занятая после свержения монархии черносотенной «Грозой», оказалась довольно близка к установкам левых партий, также требовавших мира. В связи с этим нельзя не напомнить, как еще в 1912 г. председатель одного из региональных отделов Союза русского народа, депутат III Государственной думы Д.П. Гулькин заметил, что «крайний правый – этот тот же социал-демократ, только с другого конца»² и события 1917 г., как видно на примере публикаций «Грозы», это утверждение отчасти подтвердили. Другое дело, что, сходясь с «народниками» на почве бессмысленности и бесперспективности участия России в войне, крайне правые исходили из принципиально иных мотивов и установок, ведь если для крайне левых «империалистическая война» была неприемлема с самого начала, то для редакции «Грозы» «Великая война» утратила свой смысл лишь после крушения самодержавия.

Стогов Д.И.

Князь М.М. Андроников и революционные события 1917 года

Князь Михаил Михайлович Андроников³ (1875 – 1919) – чиновник, издатель журнала, общественный деятель, организатор право-монархического салона, известный политический авантюрист пред-революционного периода. Судьба князя М.М. Андроникова после февраля 1917 г., прежде неразрывно связанного с право-консервативным движением, с одной стороны, весьма типична среди других лидеров правых (черносотенных, националистических) организаций, однако, с другой стороны, имеет и существенные отличия.

¹ Там же.

² Цит. по: *Ромов Р.Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907 – 1912): Дисс. ... к. ист. н. М., 2003. С. 227. Автор ссылается: Крестьянские депутаты 3-ей Гос. Думы о современном положении России. Д. П. Гулькин // Журнал для всех. 1912. № 3. Стб. 522.

³ В источниках (прежде всего, мемуарах, дневниках, письмах) и историографии часто встречается написание этой фамилии с двумя буквами «н» («Андронников»), однако во всех дореволюционных официальных документах князя, в том числе в формулярных списках, фамилия князя пишется с одной буквой «н».

Отметим, что в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой – уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя»¹.

Наиболее последовательной и активной частью русского монархического движения были черносотенцы. В России конца XIX – начала XX вв. они выступали за сохранение незыблемого традиционного самодержавия, и в этой связи термин «черносотенцы» для того времени фактически являлся синонимом слова «монархисты». Черносотенцы ратовали также за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания великороссов, малороссов и белорусов, которые рассматривались ими как составные части триединого русского народа.

К правым организациям с некоторой долей условности можно отнести националистов², в частности, Всероссийский национальный союз (ВНС) – крупнейшую организацию русских националистов, стоявшую в политическом спектре чуть левее черносотенных организаций.

Рассмотрим основные вехи биографии князя М.М. Андроникова.

По отцу, ротмистру князю Михаилу (Мимуши) Абеловичу Андроникову (1852 – 1882), адъютанту великого князя Михаила Николаевича, он был грузинским князем. По матери, Софии Агнес Эве (1852 – 1884), дочери генерала от кавалерии барона Леонгарда Карловича Унгерн фон Штернберга, он принадлежал к старинному балтийскому баронскому роду³. М.М. Андроников являлся чиновником

¹ Правые партии. Документы и материалы. 1905 – 1917 гг. Т. 1 – 2 / Публ. Ю.И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 5.

² См. об идеологических различиях между националистами и черносотенцами: Иванов А.А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92 – 101.

³ Катин-Ярцев М.Ю. (с дополнениями С.В. Думина и Ю.К. Чиковани). Князья Андрониковы и Эндриковны (Андроникашвили) // Дворянские роды Российской империи / Авторы-состав.: С. Думин, Ю. Чиковани, П. Гребельский, М. Катин-Ярцев, А. Шумков. М., 1998. Т. 4. С. 125.

при МВД (1897 – 1914), «одним из главных агентов Распутина»¹, редактором журнала «Голос России», чиновником особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода (1914 – 1915).²

23 января 1917 г. высочайшим приказом по Гражданскому ведомству за № 5³ он был уволен со службы на основании статьи 149 Уложения о службе гражданской, Т. III, издания 1896 года, с должности чиновника особых поручений⁴.

Поскольку увольнение князя М. М. Андроникова со службы случилось буквально за несколько недель до Февральской революции 1917 г., рассмотрим его причины и фактическую сторону событий более подробно. Причины увольнения князя обстоятельно раскрываются в докладной записке В.И. Яцкевича: «Князь Андроников ни разу не являлся в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода и совершенно неизвестен чиновникам центральных учреждений Святейшего Синода и со времени его назначения не несет никаких обязанностей по службе и ни одного поручения на него возложено не было». На полях записки карандашом сделана приписка, очевидно, рукою обер-прокурора Синода: «Да и я его ни разу не видел»⁵.

В.И. Яцкевич, неисполнения М.М. Андрониковым своих обязанностей, согласно распоряжению тогдашнего обер-прокурора Святейшего Синода в должности егермейстера высочайшего двора А.Д. Самарина письмом от 17 сентября 1915 г. за № 9281 передал князю Андроникову предложение подать прошение об увольнении от службы по Духовному ведомству⁶. Но князь не только не подал соответствующее прошение об отставке, но и вообще никак не ответил на письмо Яцкевича. По утверждению директора канцелярии обер-прокурора Синода, А.Д. Самарин намеревался уволить князя Андроникова без прошения, но не осуществил своего намерения вследствие своего скорого оставления должности обер-прокурора⁷. Также В.И. Яцкевич в докладной записке отмечал, что «в некоторых столичных газетах появились статьи с разоблачением деятельности кня-

¹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора / Под ред. С.И. Лукомской. СПб., 1992. С. 21; Шишкин О.А. Убить Распутина. М., 2000. С. 85.

² Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. С. 126.

³ Правительственный вестник. 1917. 2 февраля.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 84. 1 отд. 1 ст. Д. 176. Л. 8 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 17 – 17 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 22 – 22 об.

⁷ Там же. Л. 17 об.

зя Андроникова», а также, что «имеются и частные слухи, не лестные для Андроникова».

В заключение записки директор канцелярии обер-прокурора утверждал, что Андроников состоит издателем газеты «Голос Руси»¹ (на самом деле – журнала «Голос России»; газету «Голос Руси» издавали члены Государственной думы С.Н. Алексеев и М.П. Дмитриев). Журнал «Голос России», по уверению анонимного автора заметки в либеральной газете «Утро России», получил субсидию в 40 000 руб. из особых средств Государственного казначейства по распоряжению И.Л. Горемыкина, незадолго до отставки премьера². Однако по другим, документированным, а, значит, достоверным сведениям, размер этой субсидии составлял 15 000 рублей, и она была получена от Главного управления по делам печати не незадолго до отставки И.Л. Горемыкина, а позже, в 1916 г., когда, собственно говоря, и был налажен выпуск журнала³. Кроме того, говорилось в газете «Утро России», вскоре после назначения М.М. Андроникова чиновником по особым поручениям Святейшего Синода (газета «Утро России» уверяла, что это было за несколько недель до войны; на самом же деле Андроников был назначен на эту должность уже после начала войны, в декабре 1914 г.), «он уехал в Берлин и оттуда прислал в Главное управление по делам печати ходатайство о разрешении издавать немецкую газету», и «это ходатайство было уважено». Однако, уверяла газета, «объявление войны помешало выходу газеты»⁴. Если отмеченное газетой «Утро России» событие и имело место, то оно могло состояться в то время, когда князь еще не был чиновником особых поручений при Синоде.

Издававшийся Андрониковым журнал «Голос России» следовательно Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Ф.П. Стимсон (в тексте документа – Симсон) охарактеризовал как «расходившийся в ничтожном количестве экземпляров черносотенный журнальчик»⁵.

¹ Там же. ЛЛ. 17 об. – 18.

² С. Князь М.М. Андроников // Утро России. 1917. 6 февраля.

³ Искандеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 329, 344; Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. «Боже, храни Своих!». М., 2009. С. 382.

⁴ С. Князь М.М. Андроников // Утро России. 1917. 6 февраля.

⁵ Постановление (копия) следователя ЧСК Ф.П. Стимсона о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влияние их на Николая II в области управления государством // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479. Л. 35 об.

Итак, приведенные факты проясняют некоторые обстоятельства службы князя М.М. Андроникова. Можно сделать вывод о том, что главными причинами его обоих увольнений (из МВД и из канцелярии обер-прокурора Синода) явилось неисполнение служебных обязанностей, а, проще говоря, практически полное отсутствие на службе.

М.М. Андроников в последние предреволюционные годы проживал по адресу: Петроград, Фонтанка, 54 (телефон 132 – 45)¹. В этом доме² проходили салонные собрания у князя, в которых участвовали видные государственные деятели Царской России: А.Д. Протопопов, А.Н. Хвостов, С.П. Белецкий, А.И. Спиридович, а также архиепископ Варнава, Г.Е. Распутин и многие другие.

О личности и характере князя М.М. Андроникова писали многие – как его друзья и компаньоны, так и враги. Весьма подробное описание жизни и деятельности князя оставил товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда В.М. Руднев, лично допрашивавший Андроникова после Февральской революции 1917 г. Руднев отобрал при обыске на квартире князя, проходившем в течение двух дней марта 1917 года, огромное количество разного рода документов. Из квартиры Андроникова Руднев перевез в Зимний дворец, в помещение ЧСК, огромный архив на двух автомобилях. «При этом надо отдать полную справедливость князю Андроникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные министерства, которые, в свою очередь, распались на департаменты. Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андроникова за их движением»³, – писал далее В.М. Руднев.

По представлению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства с 23 марта по 11 июля 1917 года Андроников находился в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Департамент общих дел МВД направил 21 апреля 1917 г., вследствие требования состоящего при ЧСК А.А. Спичакова-

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 84. 1 отд. 1 ст. Д. 176. Л. 1.

² См. подробн.: *Колотило М.Н.* Толстовский дом. Квартира князя-чекиста / Под науч. ред. Н.И. Крайневой. Альбом-монография. СПб., 2013.

³ *Руднев В.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина / Предисл., сост. А. Кочетов. М., 1990. С. 288.

Заболотного, переданного им лично начальнику I Отделения Департамента общих дел, архивное дело князя М.М. Андроникова (1907 г.), а также дела других арестованных в ЧСК, которые, «по минованию в них надобности», должны были быть возвращены обратно в Департамент¹.

Аморфность политических убеждений князя, а также его желание обелить себя перед лицом новой революционной власти демонстрирует прошение М.М. Андроникова начальству Трубецкого бастиона Петропавловской крепости от 31 мая 1917 года. М.М. Андроников, за несколько месяцев до того клявшийся в верности самодержавию, просил дать возможность «принести присягу на верность Новому Правительству, чтобы послужить нашей дорогой Родине, наконец, освобожденной от гнета произвола и насилия и выведенной на светлый путь правды, свободы, братства и любви»². Позже в прошении в ЧСК князь заявлял, что всегда был «поборником свободных начал государственного строя»³. Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в августе 1917 года направили прошение, в котором говорилось о том, что М.М. Андроников в 1905 году хлопотал об их освобождении из-под ареста⁴.

По словам А. И. Путилова, председателя правления Русско-Азиатского банка, лично знавшего Андроникова, «в его (М.М. Андроникова – Д.С.) голове весьма странно, но совершенно свободно укладывались самые консервативные идеи наряду с самыми либеральными». И те и другие воспринимались им от разных лиц, и он просто копировал их. Его легко было в течение десяти минут убедить в противоположном тому, что он только что высказывал. Тех, кто был с ним мил и любезен, он расхваливал, а тех, кто ссорился с ним, он повсюду дискредитировал⁵.

Тем временем, продолжалось расследование «дела» М.М. Андроникова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. В фонде канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сохранилось письмо из ЧСК от 22 апреля 1917 г. с требованием вы-

¹ Дело о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А.Д. Протопопова (борьба с революционными организациями, недопущение оснований обществ и союзов, введение предварительной цензуры и т. д.) // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 450. Л. 68.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 167. Л. 1.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Последний временщик последнего царя // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 99.

слать формулярный список князя М.М. Андроникова¹. В ходе расследования «злоупотреблений по должности» А.Д. Протопопова бывшего министра внутренних дел пытался шантажировать некто председатель Центрального комитета организации, название которой скрывалось под аббревиатурой «ОЭЛ», П.И. Дубосарский, который сообщил Протопопову в письме из Одессы от 25 марта 1917 г., что о роли князя Андроникова ему и его организации известно (не раскрывая при этом, в чем, собственно, заключалась эта роль, но, видимо, речь шла о каких-то фактах, связанных с якобы имевшим место участием князя в шпионской деятельности в пользу Германии). При этом Дубосарский угрожал, что в случае, если Протопопов будет продолжать «запираться», то он опубликует имеющиеся в его распоряжении документы². Впрочем, дальнейшее расследование, целью которого было выяснить, что это за организация – «ОЭЛ», где проживает П.И. Дубосарский и, по возможности, допросить его, не увенчалось успехом. Ни о самой организации, ни о Дубосарском никакими сведениями власти Одессы (в том числе Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов и представителей Армии и Флота) совершенно не располагали³.

В отличие от других заключенных, допрошенных ЧСК, князь М.М. Андроников, пожалуй, как никто иной пытался не просто опровергнуть наличие в прошлом контактов с Распутиным, императрицей Александрой Федоровной и ее фрейлиной А.А. Вырубовой, но и откровенно поносил их: «Это две истерички, глубоко несчастные женщины, которые верили в этого Распутина как в посредника между ними и Господом Богом. Дальше этого человек идти не может»⁴.

По словам В.М. Руднева, М.М. Андроников вел себя на допросах ЧСК весьма неискренно; попросту говоря, он много и откровенно лгал: «При допросе кн[язь] Андроников старался о многом умолчать или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но, будучи уличен мною, на основании письменных документов. В заведомо ложном освещении событий, заявил мне: «Вы моя совесть» и дал мне клятвенное обещание в дальнейшем не лгать. Однако через

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 84. 1 отд. 1 ст. Д. 176. Л. 31.

² Дело о злоупотреблениях по должности бывшего министра внутренних дел А.Д. Протопопова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 450. Л. 117 об.

³ Там же. Л. 115–146.

⁴ *Искандеров А.А.* Закат империи. С. 315.

несколько минут допроса он был мною вновь изобличен в том же искажении истины; тогда князь обратился ко мне с просьбой сообщить ему мое имя; я исполнил его просьбу и при следующем его допросе князь мне заявил, что спрашивал мое имя для того, «чтобы записать в воспомянунице и молиться, как за святого человека»¹.

В ходе расследования Чрезвычайной следственной комиссии обвинения в адрес М.М. Андроникова в пользу Германии не были доказаны, и князь 11 июля 1917 г. был выпущен из тюрьмы Трубцего бастиона Петропавловской крепости. Далее на протяжении нескольких месяцев о нем мы не располагаем никакими сведениями. Скорее всего, он в этот период времени не проявлял политической активности, занимая выжидательную позицию.

После Октябрьской революции, в 1918 г., князь М.М. Андроников служил в ЧК. Об этом свидетельствует письмо В.И. Ленина, датированное 10 июля 1919 г., следующего содержания: «Тов. Зиновьев. Прошу назначить исключительно партийных, опытных, абсолютно надежных и беспристрастных – товарищей для расследования поведения... б[ывшего] князя Андроникова (друга Распутина, Дубровина и т. д.), служащего в Чека в Кронштадте»². По утверждению советских исследователей, Андроников даже являлся начальником Кронштадтской ЧК³. Обстоятельства этого назначения до конца не ясны.

В 1999 г. в американском издании «Вестник» появилась публикация Гарри Любарского из Чикаго, в которой он объясняет произошедшее следующим образом: «... Князь Андроников при всех своих пороках был неглупым человеком и, заметив раньше других, что зашаталась «устои». Тайно переметнулся на службу к большевикам, которым нужны были его положение и связи. Именно квартира князя служила тем укрытием, где скрывался по указанию Ленина перед октябрьским переворотом Дзержинский и где он наметил первые контуры печально известной организации, которую впоследствии назвали «карающий меч революции»». Также Любарский утверждает, что на высокую должность начальника Кронштадтской ЧК князь

¹ Руднев В. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина / Предисл., сост. А. Кочетов. М., 1990. С. 290.

² Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917 – 1922). М., 1975. С. 226 – 227; РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10545. Копия.

³ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 1. С. 287.

М.М. Андроников был назначен «по рекомендации Ленина и Дзержинского»¹. Однако, поскольку автор материала не ссылается на источники, непонятно, откуда он почерпнул столь сенсационные сведения. Если они являются достоверными, то, пожалуй, перед нами – уникальный и, пожалуй, по-настоящему единственный в своем роде пример так называемого «черносотенно-большевистского симбиоза», о котором писали и пишут отдельные историки².

Находясь на должности начальника Кронштадтской ЧК, князь М.М. Андроников занимался организацией денежного потока для представителей бывших имущих классов, желавших откупиться от тюремного заключения, или для намеревавшихся выехать из Советской России. «Князь Андроников, плоть от плоти этой среды, знал, как надо подойти к своим «клиентам» и успешно справлялся с поставленной перед ним «архиважной задачей». [...] Доверие к нему было настолько велико, что сам Дзержинский ездил на пару с ним в Швейцарию для размещения крупных денежных сумм. Рассказывают, что М.М. Андроников состоял в близких отношениях с «банкиром большевиков» знаменитым Парвусом»³, – пишет все тот же Г. Любарский. Приведенные сведения настолько сенсационные, что, в виду отсутствия в нашем распоряжении источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть их, мы вынуждены оставить эти факты без каких-либо комментариев. Вместе с тем поскольку автор статьи пересказывает различные слухи, не имеющие подтверждений в других источниках и не выдерживающие никакой критики (тайное исповедование Андрониковым лютеранства, презрение к русским святыням, дружба с основателем Союза русского народа А.И. Дубровиным), рискнем предположить, что и приведенная Г. Любарским информация, связанная с сотрудничеством князя с советской властью, также относится к разряду непроверенных сомнительных слухов.

Как пишет далее автор заметки, вскоре князь М.М. Андроников был пойман с поличным на крупных взятках (о взятке в 2 000 000

¹ Любарский Г. Указ. соч.

² См., напр.: Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому 1913 – 1918 / Публ. С.В. Шумихина // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 347; Ферштман В. С. Большевистско-черносотенный симбиоз? 1917 год. Попытка исторического расследования [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Fershtman1.php>

³ Любарский Г. Князь Андроников и пан Дзержинский // Вестник. 1999. 3 августа. № 16 (223).

рублей золотом от великого князя Александра Михайловича и его жены Ксении Александровны узнал заместитель председателя ВЧК Г.И. Бокий)¹. Подробности, связанные с арестом и последующим расстрелом князя, в достоверности которых, однако, также ручаться трудно, сообщает все тот же Г. Любарский: «Князь был взят под наблюдение и схвачен за руку. В Швеции и Норвегии спецкурьеры-следователи обнаруживают три секретных счета на имя Андроникова. Следует тайный арест на заседании губкома партии, секретный суд, приговор к расстрелу»².

Однако судили князя М.М. Андроникова не за получение взятки. «До начала августа 1919 года» (по утверждению Д.Л. Голикова, в июле 1919 г.)³ князь был арестован в связи с делом «национального центра» по обвинению в участии в подпольной антисоветской организации и в «шпионаже в пользу Германии»⁴ и расстрелян. При этом само обвинение в обоих случаях доказано не было. Если верить Г. Любарскому, «не спасли его (князя М.М. Андроникова. – Д.С.) в последний момент и спрятанные у надежного человека компрометирующие документы на Ленина и Дзержинского; чекисты выбили у него адрес этого человека, забрали документы и расстреляли его вместе с Андрониковым»⁵.

На наш взгляд, вопрос о сотрудничестве М.М. Андроникова с ЧК и обстоятельства, связанные с расстрелом князя требуют дальнейших архивных изысканий. После нашего обращения 30 декабря 2013 г. в архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, нами была получена справка за № 10/25-С-3639/11, из которой следует, что сведениями в отношении М.М. Андроникова архив не располагает. Также нам удалось переговорить по телефону с Г. Любарским, однако он не смог дать четкого ответа на вопрос о том, какими источниками пользовался при написании статьи о князе Андроникове и «пане Дзержинском». Автор публикации заявил, что не помнит, какие источники он использовал, но, судя по всему, это «какие-то книги по истории советских спецслужб, изданные в конце 1990-х гг.».

¹ Там же.

² Там же.

³ Голиков Д.Л. Указ. соч. С. 287.

⁴ Кутузов В.А. и др. Чекисты Петрограда на страже революции. Партийное руководство Петроградской ЧК: 1918 – 1920 гг. Л., 1987. С. 317.

⁵ Любарский Г. Указ. соч.

Так или иначе, вопрос о службе М.М. Андроникова в ЧК и о его расстреле остается пока не проясненным.

Нельзя сказать, что деятельность князя М.М. Андроникова в послефевральский период совершенно нетипична. Отметим, что, как и Андроников, весьма многие правые фактически (по крайней мере, на словах) приняли Февральскую революцию. Так, весть о падении самодержавия была воспринята идеологом «монархической государственности» Л.А. Тихомировым, по сути дела, с радостью: «...Можно надеяться, что Временное Правительство поддержит порядок и защиту страны, – писал он в своем дневнике 2 марта 1917 года. – Если это будет так, то нужно признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно [...] Династия, видимо, сгнила до корня...»¹. В целом Л.А. Тихомиров радостно приветствовал февральско-мартовские события 1917 года, о чем неопровержимо свидетельствуют записи в его дневнике за 1917 год. Мало того, известно, что сразу же после падения самодержавия он дал подписку о полном признании нового правительства².

А вот каким образом высказался по данной проблеме считавший себя ранее убежденным монархистом националист М.О. Меньшиков: «... Подавляющее большинство из монархов были слишком невыдающиеся, слишком заурядные люди. И вот в руки этих-то слабых и неумных (выделено в тексте источника. – Д.С.) людей, очутившихся в вихре лести и измены, попала историческая судьба великого народа...»; «Боже, до чего прав я был, чувствуя задолго до войны глубокое возмущенное и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан...»; «При жизни Николая II, – писал М.О. Меньшиков в дневнике уже после расстрела царской семьи, – я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения [...] Ничтожный был человек в смысле хозяина...»³.

¹ Цит. по: *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. М., 2006. С. 308 – 309.

² *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2006. С. 43.

³ Цит. по: *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). С. 314 – 316.

В этой связи современный исследователь правомонархического движения А.А. Иванов справедливо полагает: «Конечно, подавляющее большинство правых повело себя иначе (о чем в книге также говорится), но данные примеры (особенно Меньшикова, который сегодня нередко преподносится как убежденный монархист), несомненно, заслуживают внимания»¹.

Заметим, приведенные цитаты из Л.А. Тихомирова и М.О. Меньшикова взяты из их дневниковых записей, и, следовательно, этих деятелей в данном случае нельзя заподозрить в конъюнктурности их суждений. По-видимому, они высказывались вполне искренно. И, таким образом, князь М.М. Андроников в своих словесных симпатиях к «новому строю» среди прочих монархистов был далеко не одинок. Однако его последующая судьба (служба в ЧК) заметным образом выделяется на фоне судеб других лидеров монархического движения.

Румянцев А.Г.
«Шлю анафему проклятому 1917-му году» – первые
месяцы Советской власти глазами тихвинского
историка и краеведа И.П. Мордвинова

Данная работа посвящена изучению восприятия Советской власти и образа революционного Петрограда в российской провинции, представленных через призму дневников известнейшего тихвинского краеведа, педагога и литератора начала XX в. Исаакия Петровича Мордвинова (1871 – 1925 гг.). Выходец из крестьянства, он представлял собой классический тип интеллигента-общественника – историк, археолог и преподаватель, руководитель краеведческого музея в Тихвине, инициатор внешкольного образования в Тихвинском уезде и организатор антиалкогольного движения. Имел И.П. Мордвинов также солидный багаж политической деятельности. Активный участник Первой русской революции, одно время являвшийся членом партии эсеров, он провел полтора года в Венденской (ныне – г. Цесис в Латвии) тюрьме. Его земляк и младший современник, известнейший советский археолог, профессор ЛГУ и член-

¹ *Иванов А.А.* «Консервативные представления о переустройстве России». О новой книге А.В. Ренникова [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2007/01/12/konservativnye_predstavleniya_o_pereustrojstve_rossii/

корреспондент АН СССР В.И. Равдоникас характеризовал И.П. Мордвинова как «беспартийного социалиста»¹.

В основе нашего исследования лежит анализ документов лично-го фонда И.П. Мордвинова (фонд 2253), хранящегося в Центральном Государственном Историческом Архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Они включают в себя 15 дел, являющихся дневниками автора за 1897 – 1925 гг. В них нашли отражение такие события как революция 1905 г., Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война и период НЭПа. Интересующие нас события конца 1917 года включены во второй дневник. Посвященный событиям с 15 (28) октября 1917 г. по 30 января (12 февраля) 1918 г.², он позволяет проанализировать восприятие жителями Тихвина как предгрозовой ситуации осени 1917 года, так и самой Октябрьской революции и первых мер Советской власти.

К анализу деятельности И.П. Мордвинова как общественного и культурного деятеля отечественные исследователи обращались неоднократно. В числе первых работ об авторе дневников стал труд уже упоминаемого В.И. Равдоникаса. Среди более поздних публикаций следует отметить работу Н.Н. Жервэ, посвященную изучению Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древности, в рамках которой автор касается биографических данных об И.П. Мордвинове³. Впоследствии эти материалы послужили основой для статьи В.Н. Кутузова⁴, а среди новейших исследований отметим упоминание о И.П. Мордвинове как участнике I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, проходившем в начале 1910 г. в С.-Петербурге⁵. При этом, большинство исследователей ограничивались изучением биографии и рассмотрением отдельных сфер общественно-культурной деятельности И.П. Мордвинова. Собственно же дневниковый материал, несмотря на то, что уже в 80-е гг. XX

¹ *Равдоникас В.И.* Исаакий Петрович Мордвинов. Очерк жизни и деятельности (1871– 1925 гг.). Тихвин, 1926.

² ЦГИА СПб. Ф. 2253 (Мордвинов Исаакий Петрович, археолог-краевед в г. Тихвине). Оп. 1. Д. 2.

³ *Жервэ Н.Н.* Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (1913 – 1929 гг.) // Тихвинский сборник (по материалам историко-географической конференции): Сб. статей / Под ред. Г.С. Лебедева. Тихвин, 1988. Вып. 1. С. 31 – 38.

⁴ *Кутузов В.Н.* Первый редактор «Тихвинца» // Тихвинец. 1990. № 1. С. 3 – 4.

⁵ *Гусев Г.В.* История обучения и воспитания трезвости в православном образовании: Дисс. ... к. пед. н. М., 2007. С. 106 – 109.

века вошел в научный оборот, широкой общественности, за исключением тихвинских краеведов, остается неизвестным.

Как показывают дневниковые записи И.П. Мордвинова, осенью 1917 года на фоне разочарования в «революционных надеждах» жителей провинции охватили пессимизм и апатия. В этой связи октябрьские события в Петрограде были восприняты как естественный, завершающий этап в процессе перерождения революции в диктатуру и не вызвали особой реакции среди населения Тихвина. Что касается самого И.П. Мордвинова, то он встретил Октябрьскую революцию со смешанными чувствами недоумения, раздражения и равнодушия. Негативную роль в формировании образа новой власти в провинции сыграло навязывание диктатуры пролетариата и проникновение «низовой культуры» во все сферы жизни страны. Налицо было культурное отторжение новой власти. Подобно многим представителям интеллигенции, рассматривавших события в Петрограде как переворот и «историческую несурязицу»¹, автор дневников не верил в легитимность новой власти и ее эффективность.

Впрочем, нельзя сказать, что все интеллектуальное окружение И.П. Мордвинова негативно восприняло приход к власти большевиков. «Левые» представители тихвинской интеллигенции приветствовали Октябрьскую революцию и связывали с ней надежды на улучшение в жизни страны. Так, один из знакомых автора дневников, будущий глава большевистского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов И.И. Васильев, заговорил о необходимости образования воскресных школ при начальных школах уезда². Показательно, что вопрос об их учреждении теперь тесно связывался с борьбой с кулаками, поскольку последние фактически контролировали органы местной власти³. Однако сам И.П. Мордвинов, несмотря на свою должность инструктора по внешкольному образованию, никак не отреагировал на идею открытия воскресных школ. Также остался неотмеченным в дневнике призыв наркома по просвещению А.В. Луначарского от 15 ноября 1917 г. к интеллигенции оказать помощь трудовому народу⁴. Все это весьма симптоматично – теперь

¹ Искендеров А.А. Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 79.

² ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917 (1918). № 5. Приложение I-е «От народного комиссара по просвещению ко

все возможные новшества напрямую связывалась с принятием новой власти.

Из дневниковых записей следует, что общей тенденцией последних месяцев 1917 года стало снижение восприимчивости жителей Тихвина к событиям в Петрограде и переклочение их внимания на решение местных проблем. Продолжавшаяся война, разрыв хозяйственно-экономических связей и угроза голода накануне зимы сочетались с ростом анархических и погромных настроений. Будоражившие на первых порах провинцию известия о событиях в Петрограде, касающиеся выступления юнкеров и наступления войск Керенского-Краснова вскоре стали восприниматься большинством населения Тихвина вполне буднично и обыденно.

Так же апатично реагировал на события в Петрограде конца октября 1917 г. и сам И.П. Мордвинов. Свидетельством тому является реакция автора дневников на слух о том, что Керенский, якобы, застрелился: «я устал возмущаться, но не могу и работать. Руки опускаются»¹. Гораздо больше И.П. Мординова волновал вопрос об установлении в России гражданского мира. Однако провал наступления Керенского-Краснова, в сочетании с победой революции в Москве, означали для него продолжение смуты и начало Гражданской войны. И хотя он не употребляет этот термин, фактически именно об этом идет речь в дневниковой записи от 5 ноября 1917 г. Говоря о том, что «Москва и московский округ, за исключением Калуги, в руках большевиков», И.П. Мордвинов добавляет: «железнодорожный союз заявляет, что [А.Н.] Каледин двигается с 20 тысячами войска»². Это не означает, что автор дневников всерьез симпатизировал сторонникам нарождавшегося «белого» движения – скорее, с ним он связывал возможность установления стабильной государственной власти. На тот момент, как показывают дневниковые записи, ни старая, ни новая власть не внушала их автору большого доверия. Комментируя сообщения «Правды» о Керенском как предателе и корниловце, он замечает: «Черт с ним, с Керенским. Но борьба впереди, и новое правительство будет сметено достаточно быстро... Так говорят уроки коммуны 71 года»³. Не имея устойчивых полити-

всем учащим». С. 79 – 80. Без номера статьи. Опубликовано в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» (1917. 15 ноября).

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

² Там же. Л. 43.

³ Там же. Л. 32.

ческих пристрастий и ярко выраженной гражданской позиции, в круговороте событий И.П. Мордвинов тщетно искал элементы какой-либо стабильности. Именно поэтому, когда прибывший в последних числах октября 1917 г. из Петрограда сочувствующий большевикам И.В. Кудрявцев сообщил, что в столице «удивительный порядок», он отреагировал следующим образом: «если да, то только можно похвалить правителей, хотя их имена весьма сомнительны»¹.

В целом, при оценке Октябрьской революции в Петрограде И.П. Мордвинов, как и значительная часть его окружения, находилась под влиянием преимущественно эсеровской прессы. Поэтому неудивительно, что автор дневников дискутировал с вышеупомянутым И.В. Кудрявцевым, который возмущался, что в поступающих в Тихвин газетах «“буржуи” недостаточно обрисованы с вредной стороны»². Неприятие новой власти было связано с разочарованием автора дневников в самом революционном процессе. Так, он фактически согласился с мнением своего знакомого А.Г. Остроумова в том, что революционные аппараты, в частности, советы, можно сравнить с граммофонами: «меняются пластинки, а напев всюду тот же»³.

Как представляется, для И.П. Мордвинова, как и значительной части его окружения, идеалом российской государственности являлась некая демократическая власть, опиравшаяся на широкую социальную поддержку. Именно поэтому подавляющая часть тихвинской интеллигенции восприняла события Октября 1917 г. как поражение русской революции. Одновременно, страх перед народными массами толкал И.П. Мордвинова к поддержке какой-либо устойчивой государственной власти, способной обеспечить сохранение памятников культуры, а также его собственный труд как общественно-политического деятеля. Однако существование такой власти в реалиях надвигающейся Гражданской войны было практически невозможно.

Показателем краха политических иллюзий И.П. Мордвинова стала кампания по выборам в Учредительное собрание, на которое весной 1917 года он так уповал. Проводившаяся в Тихвине и Тихвинском уезде в период с 12 по 14 ноября 1917 г., она, в отличие от

¹ Там же.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 42.

Петрограда¹, прошла достаточно активно². Это позволяет скорректировать вывод О.Н. Знаменского о том, что «осенью 1917 г. в обстановке общенационального кризиса и дальнейшей поляризации классовых сил идея Учредительного собрания встречала в народных массах весьма незначительную поддержку»³. Однако результаты выборов в Учредительное собрание, в ходе которых в Тихвине победили эсеры, лишний раз убедили автора дневников в низком уровне политической культуры народных масс.

Впрочем, еще 28 октября (10 ноября) 1917 г. он прозорливо отметил грядущую судьбу Учредительного собрания: «выпущены новые законы – о земле, о передаче власти Советам на местах, о мире и перемирии... Учредительного собрания, следственно, не надо: – мазурики все сделают без народных представителей»⁴. В момент выборов он записывает в дневнике: «"День" обещает, что Учредительного собрания может и не быть. Это я давно думал: мы повторяем Испанию 1873 года»⁵. И последующие записи о попытках созыва Учредительного собрания не вызывали у автора особо радужных надежд. 28 ноября (11 декабря) 1917 г. он сообщает: «сегодня – Учредительное собрание; в школах не учили; служили молебны; но у нас – ни радости, ни надежды. Чуется, что дело свободы погребло, ибо народ дик и темен»⁶. Подобные же мысли высказывали и представители столичной интеллигенции. Так, будущий профессор Московского университета С.Б. Веселовский в своей записи от 30 ноября (13 декабря) 1917 г. отмечал: «Теперь уже несомненно, что Учредительное Собрание будет сорвано, дискредитировано и разогнано. Это – вопрос нескольких дней, самое большее – двух-трех недель⁷. Показательно, что впоследствии, в записях за январь 1918 года И.П. Мордвинов даже не упоминает о созыве и разгоне Учредительного собрания.

¹ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 297.

² ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 45 – 49.

³ *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988. С. 309.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 54. Речь идет об одном из эпизодов Испанской революции 1868 – 1874 гг., связанной с провозглашением в 1873 году республики и проведением выборов в Учредительные кортесы.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

⁷ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915 – 1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 97.

«Народ дик и темен»¹ – вот главный показатель по И.П. Мордвинову выборов в Учредительное собрание.

Можно предположить, что в восприятии автора дневников после Октябрьской революции в России практически исчезла государственная власть. Осознание отсутствия реальной альтернативы большевикам сочеталось у И.П. Мордвинова с ожиданиями конца новой власти. Еще 23 ноября (6 декабря) 1917 г. автор дневников о удовлетворением отмечал оценку своего петроградского знакомого А.И. Гуляева ситуации в столице в конце ноября 1917 г.: «рассказывал о большевизме в Питере. В общем, уже идет начало конца»². А 8 (21) декабря 1917 г. он записывает: «в Питере уже гласно ругают Ленина, Троцкого и жидов!»³. Действительно, в декабре 1917 г. значительная часть населения Петрограда предпочитала «увидеть на углах шуцманов вместо проклятых красногвардейцев»⁴. Негативно были встречены И.П. Мордвиновым и реформы большевиков в культурной сфере. 7 (20) декабря 1917 г. он записывает: «большевики отменили праздники Рождества, Нового Года и Крещения; вводят новый стиль и объявляют 25 декабря 7 января. Глупо и забавно»⁵.

Однако наиболее болезненно И.П. Мордвинов воспринял известие о начале мирных переговоров с Германией. 11 (24) ноября 1917 г. он записал в дневнике: «большевики заключают мир, требуют отвода войск и предадут Россию немцу. Отделились от России Бессарабия, Украина (тяготеющая к Австрии) и Кавказ. Позор неслыханный. Россия, в сущности, окончила свое существование. Погибла от темноты, невежества, пьянства, алчности, воровства... Крышка»⁶. Как известно, в своей оценке мирных переговоров с Германией И.П. Мордвинов был не одинок. 25 ноября 1917 г. Российская академия наук выступила с резолюцией о поддержке Учредительного собрания и недопустимости заключения сепаратного мира, которую поддержали многие столичные учебные заведения⁷. Заключение Брестского мира для большинства представителей интеллигенции стало символом национальной катастрофы, и до момента его денонсации

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Л. 85.

⁴ Петроград на переломе эпох. С. 213.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

⁶ Там же Л. 54.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 436 (Петроградский женский медицинский институт). Оп. 1. Д. 15031. ЛЛ. 30 – 31.

это обстоятельство препятствовало ее сотрудничеству с большевистской властью.

Очевидно, начало мирных переговоров с Германией серьезно повлияло на умонастроения И.П. Мордвинова, которые из апатичных переросли в апокалипсические. Без какой-либо эмоциональной окраски он реагирует на политические события в России, будь то известия об убийстве генерала Н.Н. Духонина и бегстве генерала Л.Г. Корнилова, или слухи об удушении или бегстве Николая II¹. Его общественно-политическая позиция проявляется в другой фразе от 30 ноября 1917 г., когда он с горечью констатировал: «между русскими войсками идет сражение под Белгородом»² – очевидно, речь идет об одном из этапов «эшелонной войны», когда отряд красных войск под командованием Р.Ф. Сиверса ликвидировал части белых, стремившихся уйти на Дон³. В записи от 11 декабря 1917 г. И.П. Мордвинов подводит черту под русской революцией: «Разложение России идет к концу. Наступает голод. Приходит новая жизнь – полного рабства, принижения, м[ожет] б[ыть], вымирания нации, кот [орая] когда-то обещала быть великой»⁴.

Впрочем, говоря о событиях в стране и в столице, автор дневников остается верен себе. Как популяризатор трезвого образа жизни он уделяет большое внимание пьяным погромам, прокатившимся в Петрограде в конце 1917 года. Для И.П. Мордвинова погромы прочно ассоциировались с новой властью, поскольку, как он отмечал в одной из своих записей, «с пьяными красногвардейцами не могут справиться сами большевики-правители»⁵. Так, 30 ноября (13 декабря) 1917 г. он записал: «передают о боях под Зимним дворцом. Охрана нашла в погребах (взломав перегородки) большие запасы вина. Солдаты перепились. На смену пьяных прислали трезвых, но перепились и те. И так восемь смен. Вокруг дворца, во дворах и в коридорах лежали груды пьяных и горы битых бутылок; набежали тысячи народу и раскупали старый коньяк по 5 р. за бутылку. Понадобилось разгонять толпу силой. Начался бой. Пустили против пьяных броневик с пулеметом, но пьяные взяли его штурмом, положив много народу. Вскоре около дворца уже легли кучи мертвых (уби-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 69, 73, 79.

² Там же. Л. 76.

³ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 159.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.

⁵ Там же. Л. 41.

тых). Наконец – подвалы затопили водой. Но и по горло в воде солдаты искали бутылки с вином»¹. И делает вывод: «Петроградский гарнизон деморализован настолько, что большевикам с ним уже не справиться»². Как представляется, погром, описываемый И.П. Мордвиновым, имел место 25 ноября (7 декабря) 1917 г., когда толпа лиц, одетых в солдатскую и матросскую форму, начала грабить винные запасы Зимнего дворца, после чего подвалы были затоплены водой³. В связи с этим новой властью был создан Комитет по борьбе с погромами во главе с В.Д. Бонч-Бруевичем⁴, который в начале декабря 1917 г. в столице ввел осадное положение⁵. Известие об этом И.П. Мордвинов встретил с нескрываемой брезгливостью: «Питер объявлен на осадном положении. Какой позор!»⁶. Лишь в начале 1918 года пьяные погромы в Петрограде пошли на убыль⁷.

Ту атмосферу, в которой жила столица в первые месяцы существования новой власти, ярко демонстрирует приводимый в дневнике 18 декабря 1917 г. рассказ знакомого И.П. Мордвинова, известного тихвинского и псковского краеведа и библиотекаря С.А. Цвылева, об условиях работы в Смольном. Последний, являясь в то время служащим в конторе по закупке хлеба для армии при Министерстве земледелия, был вынужден отправиться в Петроград в связи с хищениями на его складе муки. Автор дневников пишет: «часть ломовиков была задержана и направлена в комиссариат; мука пропала и была отправлена в Смольный. С.А. Цвылев вместе с М.В. Аверьяновым поехали туда для объяснений. Всеми делами полицейскими ведал делопроизводитель совета народ[ных] комиссаров [В.Д.] Бонч-Бруевич: – все делает сам до последнего протокола. Человек обалдел от непрерывного писания: пропускает фразы, пишет несуществующие слова... Логика у него особливая (логика сумасшедших). Выслушав явившихся, он их же обвинил в симуляции кражи и послал автомобиль за сторожами склада, открывшими хищение: их посадили как организаторов кражи (сидят до сих пор). Протокол сочинялся 3 часа, наконец, заявителей отпустили. Смольный загажен до неве-

¹ Там же. ЛЛ. 76 – 77.

² Там же. Л. 77.

³ Петроград на переломе эпох. С. 78 – 79.

⁴ Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 73.

⁵ Петроград на переломе эпох. С. 213.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 85.

⁷ Петроград на переломе эпох. С. 79.

роятия. На столе у Бонча битые бутылки, ящички с сахаром и чаем; карманы набиты печатями. Никому доверять их нельзя: как дашь, сейчас учинят подлог. Бонч заведует и домами терпимости: дамы у него бывают часто, и он с ними весьма любезен. С.А. ждал у себя обьска. Чем закончилось дело – неизвестно»¹.

Действительно, в первые месяцы своей деятельности Советское правительство боролось за выживание, ради чего в спешном порядке предпринимались решения для «латания дыр», а принципиальные решения откладывались «на потом»². Фактически, в конце 1917 года большевики имели весьма узкую социальную опору и держались на силе штыков. Влияние новой власти распространялось на крупные промышленные центры, тогда как в уездных городах и в деревнях начался хаос. Как справедливо пишет В.Б. Аксенов, «многим казалось, что она [Россия] уже не выйдет из анархии, пьяных погромов, бесчинств озверелых толп»³.

Таким образом, лейтмотивом настроений И.П. Мордвинова как представителя русской интеллигенции являлось ощущение гибели России, боязнь радикальных перемен и связанной с ними общей культурной деградации. В способности большевиков справиться с хозяйственно-политическим кризисом практически никто не верил, а их первые шаги вызвали культурное отторжение. Свое расставание с революцией И.П. Мордвинов отметил в следующей записи: «Шлю анафему проклятому 1917му году и, с верой в мир, но с разбитыми мечтами и убеждениями перехожу в 1918й год, – для какой задачи, – не знаю. Сказка о великой и могучей России окончена. России нет. Народ не хочет государства: – хочет жить. Все равно, говорит, кому подчиняться. Немцу, так немцу. Все вытравилось и выброшено, как ненужная ветошь: патриотизм, даже простое понятие об отечестве, желание общественной работы и совершенства. Осталось животное желание жить. Это – последнее слово русского народа, который считался загадочным. Конец...»⁴. Ему вторил С.Б. Веселовский в своей записи от 30 ноября 1917 г.: «установилась диктатура пролетариата.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 101.

² *Искендеров А.А.* Первые шаги Советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 78.

³ *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дисс. ... к. ист. н. М., 2002. С. 58.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

Последняя, видимо, вырождается в хозяйничанье немцев и монархически-черносотенных организаций»¹.

Впрочем, основную ответственность за гибель России И.П. Мордвинов возлагал на старую власть, а также на непросвещенность, «дикость» народа, тогда как большевики в изображении автора дневников выступают в большей мере катализатором накопившихся анархических и погромных настроений. Потерпели крах его иллюзии на бескровное развитие революционного движения; произошло переосмысление им национальных качеств русского народа. Отойдя от его идеализации, автор дневников ударился в другую крайность, отрицая имевшийся потенциал развития народа. Осознавая факт гибели России как государства, он не видел возможности ее возрождения, равно как национальной идеи и той политической силы, которая была бы способна сплотить страну.

Лысенко Е.А.

«Накануне» об интеллигенции и русской революции: от «вех» к «сменовеховству»

В одном из номеров журнала «Новый град» можно встретить воспоминания кадета, описывающего настроения рядовых членов своей партии, находящихся в дни октябрьских событий 1917 г. в Москве. Основное настроение передано следующей фразой: уже никто не спрашивал «Что делать», всех мучил вопрос «Что будет?». Попытка идеологической консолидации была предпринята, в частности, к весне 1918 г. так называемой «группой» «Накануне», которая попыталась ответить, прежде всего, на второй из поставленных вопросов – предугадать дальнейшее развитие политической ситуации в стране и оценить характер большевистской власти с точки зрения исторической перспективы. Группа объединила единомышленников вокруг еженедельника «Накануне», первый номер которого вышел 7 апреля 1918 г. Всего вышло 7 номеров этого журнала, имеющего газетный формат, благодаря чему в ряде библиотек он каталогизирован именно как газета.

Впервые интерес со стороны историков к этому изданию и его идеям был проявлен М. Агурским в книге «Идеология национал-большевизма». Сам М. Агурский не был знаком с материалами журнала и опирался в рассуждениях о его значимости на воспоминания

¹ Веселовский С.Б. Дневники. С. 97.

и отзывы тех политико-философских деятелей русской эмиграции первой волны, которые в нем публиковались, прежде всего, идеолога сменовеховства и национал-большевизма Н. Устрялова. При этом М. Агурский назвал «Накануне» «местом встречи идейных поколений, первым систематическим опытом интеллектуального преодоления большевизма»¹. Сегодня, изучив материалы, публиковавшиеся в еженедельнике, составив представление о политической платформе «группы» «Накануне», мы можем констатировать, что это издание формулировало идеологические основы определенного направления антибольшевистских сил (ряд ее участников в том же 1918 году присоединились к «белому движению»), а также стояло у истоков сменовеховского движения, изначально рассчитывавшего на перерождение советской власти в имперско-националистическом ключе.

Издание планировалось как еженедельное и первые два номера выходили с указанием точной даты выхода – число и месяц. С 3 по 7 номер указан только месяц выхода, т.к. журнал стал выходить нерегулярно, что было обусловлено целым рядом факторов, среди которых как финансовый, так и кадровый: значительная часть авторов, давшая согласие на публикацию своих новых произведений в «Накануне», вскоре покидают Москву.

Поводом к изданию «Накануне» послужило желание молодого инженера и фельетониста-любителя, а в дальнейшем одного из авторов сборника «Смена веков», Ю. Потехина, вложить имеющиеся у него личные средства в создание еженедельника. Ю. Потехин хотел видеть «Накануне» «правокадетским». Н. Устрялов так описывал начальную идею журнала и ту обстановку, в которой он создавался: «В кадетских кругах тогда уже густо проявились тенденции “пересмотра идеологии”, и напечатанная под этим заглавием в «Русских ведомостях» статья А. Белоруссова пользовалась широкой популярностью. Шла ревизия “керенщины”, приобретающая неизбежно характер общеинтеллигентского идейного кризиса <...> Ближайшей идеей атаки служил “учредилловский”, формально демократический комплекс настроений и идей»². Кроме того, журнал собирался продолжить традицию «Вех», дав оценку роли интеллигенции в революции, с учетом новых исторических реалий.

Среди предполагаемых участников журнала в первом его номере были заявлены Н. Ануфриев, К. Бальмонт, Н. Бердяев, В. Брю-

¹ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

² Устрялов Н.В. Былое – революция. (1890-е гг. – 1919 г.). М., 2000. С. 221.

сов, С. Булгаков, И. Бунин, А. Белоруссов, Л. Виноградов, П. Долгоруков, Н. Епанешников, С. Кечекьян, А. Кизеветтер, Ю. Ключников, А. Коровин, С. Котляревский, С. Лесгилье, П. Новгородцев, В. Погосский, Ю. Потехин, Л. Сельский, Л. Столица, П. Струве, В. Устинов, Н.В. Устрялов, М. Фельдштейн, Н. Фиолетов, Г. Чулков, С. Яблоновский. Состав довольно пестрый, при этом его анализ дает возможность говорить о встрече на страницах журнала двух поколений русских общественно-политических деятелей, придерживающихся взглядов на грани либерализма и консерватизма. Знаковые фигуры политико-философской мысли П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, А. Кизеветтер, С. Котляревский выступили в журнале в качестве «учителей». Продолжив свою деятельность уже в эмиграции, тот же Н. Устрялов признавался, что исповедуемая им идеология национал-большевизма и сменовеховства родились под огромным влиянием идей прежде всего П. Струве¹, а вклад преподавателя Московского университета С. Котляревского в процесс формирования взглядов будущих сменовеховцев, прежде всего их главного идеолога Н. Устрялова, просто огромен².

Именно выпускники московского университета, однокашники, все примерно 1890-го года рождения, стали главными идеологами журнала «Накануне». Следует подчеркнуть, что если Струве, Булгаков некоторым образом представляли в издании сборник «Вехи», ставший одной из первых исповедей русской интеллигенции в отношении своих антигосударственных пороков, то такие молодые философы и публицисты как Кечекьян, Потехин, Ключников, Устрялов, Фиолетов и др. стояли у истоков идеологии «Смены вех». Журнал «Накануне» стал для них той площадкой, на которой они начинают формировать свою собственную, исходившую из новых исторических реалий, концепцию пути русской революции, и, что немало важно, свое понимание развития демократии и права. Они молоды, им 27 – 28 лет. Они совсем недавно вступили в кадетскую пар-

¹ Там же. С. 111.

² Сохранилась характеристика на Н. Устрялова от преподавателей Пермского университета, куда он бежал от преследования большевиками в том же 1918 г. Цитата из нее: «Как государствовед, г. Устрялов не является партизаном ультра-нормативизма <...> на него сильное влияние оказал политико-морфологический метод проф. С.А. Котляревского с одной стороны (см.: Котляревский, «Конституционное государство», «Правовое государство», «Власть и право») – и московская философская школа с другой» (ГАПО. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 375. ЛЛ. 10 – 10 об.).

тию. Они начинают разочаровываться в идеях народоправства. Эволюция их взглядов идет стремительно. Спустя несколько месяцев Ключников и Устрялов – ведущие авторы «Накануне» – станут идеологами диктатуры А. Колчака; в 1919 г. Устрялов заявит о рождении идеологии национал-большевизма, указывая при этом, что ее корни уходят в московское «Накануне». А в 1920-е гг. именно так – «Накануне» – сменовеховцы назовут свою берлинскую газету, активно поддерживаемую большевиками.

Таким образом, анализ политической платформы данного журнала в отношении перспектив русской революции дает возможность не только оценить характер взглядов части антибольшевистских политиков на события октября 1917 г., но и проследить трансформацию этих взглядов в идеи белого движения с дальнейшей эволюцией в сторону апофеоза советского строя.

Журнал, имея политическую направленность, также предполагал отразить взгляд литераторов на революцию. Он задумывался как «Еженедельник политики, литературы и общественной жизни». Нижняя треть полосы отводилась под литературно-художественные фельетоны. На его страницах печатались и стихи. В «Накануне» 1918 г. были запланированы публикации крупных литераторов, таких как И. Бунин, К. Бальмонт, В. Брюсов, но так и не появились на страницах журнала. Из известных литераторов свои стихи публиковали С. Соловьев и В. Амфитеатров-Кадышев – сын известного писателя А. Амфитеатрова. Позднее, во время гражданской войны на Юге России, В. Амфитеатров-Кадышев работал в ростовской газете «Жизнь», сотрудничал в других белых газетах. Интересно, что его отца в 1921 г. пытались привлечь к сотрудничеству со сменовеховскими изданиями, но тот категорически отказался, осуждая примиренцев. Сын же, относящийся к одному поколению со сменовеховцами, был, как и они, осужден эмиграцией за свои политические взгляды, которые стремительно «правели». В эмиграции он стал ведущим публицистом газеты русских нацистов «Новое слово». Полностью разочаровавшись в либеральных ценностях, он воспевал тоталитарные режимы Европы. Следует подчеркнуть, что автор передовиц «Накануне» - Н. Устрялов так же восхищался фашизмом как альтернативой демократического пути развития современных ему государств. Взгляды его были очень далеки от поздней позиции В. Амфитеатрова (Устрялов осуждал нацизм), но судьба молодых авторов «Накануне» показательна – все они, начиная с 1918 г., неуклонно

отвергают идеи либерализма. И начинается этот процесс с попытки оценить русскую революцию на страницах ежедневника.

Хотя официально редактором «Накануне» являлся М. Концевич, редколлегию фактически составляли Н. Устрялов, Ю. Потехин и Е. Коровин. Ю. Потехин не отличался большим публицистическим даром и опубликовал в журнале только одну статью в двух частях¹. Е. Коровин печатался более активно, но по глубине и силе статей явно уступал Н. Устрялову, который стал главным выразителем идей еженедельника. «На меня выпала задача писания руководящих политических статей»², – вспоминал он в эмиграции.

Первый номер «Накануне» открывала статья Н. Устрялова «На перевале», которую автор в дневниках назвал «программной». Она «была правильно учтена большевистской и анархической прессой: “артиллеристская подготовка реакции”»³, и последовательно продолжала курс «Вех», критикуя интеллигенцию за ее пагубный революционный романтизм, а также анализируя опыт новой революции.

Статья призывала интеллигенцию отказаться от вредных революционных мечтаний и перейти в своей идеологии к политическому реализму, свободному от утопий. Русские демократы, говорил автор, обнаружили в процессе революции очень мало политического чутья и упустили власть. И это не было случайностью, т.к. в основе идеологии интеллигенции, которая фактически подготовила революцию, лежали антигосударственные настроения. Н. Устрялов подчеркивал, что интеллигенции нужно «некоторое покаяние и соответствующее исправление». «Слишком жестоко наказана наша интеллигенция за свои мечты, чтобы не расстаться с ними, и за дела свои, чтобы их не осудить»⁴. Идея крепкого государства, основанного на уважении национальных интересов России и патриотизме должна лечь в основу новой идеологии русской интеллигенции. Таким образом, Н. Устрялов призвал «сменить вехи», положив первый камень в фундамент будущего сменовеховского течения.

В журнале выдвигались идеи о воссоздании сильного государства на основе идеи нации: «В настоящем периоде мировой истории заслуживают бытия лишь те народы, которые <...> отстаивают свой

¹ Потехин Ю.Н. 1) Идеинные корни 1917 года. I. // Накануне. 1918. № 3. С. 5 – 6; 2) Идеинные корни 1917 года. II. // Накануне. 1918. № 6. С. 3 – 5.

² Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 221.

³ Там же. С. 161.

⁴ На перевале // Накануне. 1918. № 1. С. 1.

национальный образ. На теперешней ступени развития человечества нация есть условие возможности культуры, а следовательно и прогресса. В силу этого должна быть категорически осуждена всякая социалистическая линия русской революции, как явление антинациональное, антипатриотическое, антикультурное и по существу реакционное»¹.

В этой передовице «Накануне» антисоциалистические высказывания тесно переплетены с националистическими и антидемократическими. Пример революции, по мнению «Накануне», показал неготовность страны к демократии, и от ее идей следует отказаться, признав, что «торжество государственного начала немислимо без наличности твердой сильной *принудительной* государственной власти»². Эта власть должна сделать из России мощное государственное образование. Предоставление самостоятельности народам бывшей Российской империи следует признать преступным путем революции, т.к. на современном историческом этапе только великая и многонациональная Россия, подчиненная единому центру, может прийти к возрождению и мировому признанию.

Передовица первого номера «Накануне» завершалась символично: «Мы накануне <...> радостной эпохи!», – объясняя к тому же и смысл названия нового журнала.

Важнейшей темой журнала, в традиции «Вех», была критика русской интеллигенции. Анализ политических качеств интеллигенции и тесно связываемого с ней большевизма поднималась в целом ряде статей. К пересмотру интеллигенцией своего мировоззрения («если нам не суждено исчезнуть, быть годными на что-либо, кроме разрушения»), призвал в статье «Взгляд на себя»³ А.С. Белоруссов. Наследниками интеллигенции называл большевиков И. Веревкин, писавший: «Большевизм победил нас потому, что он есть мы, он наше лицо, отраженное во вне, наши чаяния, претворенные в дело <...> Враг – наша бывшая воплощенная мечта»⁴. Н.А. Бердяев звал русских интеллигентов дать народу «противоядие» от яда своих собственных (интеллигентских – Е.Л.) идей⁵. П.Б. Струве требовал от интеллигенции: «Культура нации должна отплатить государству и

¹ Там же.

² Там же.

³ Белоруссов А. Взгляд на себя // Накануне. 1918. № 1. С. 2 – 3.

⁴ Веревкин И. Большевики и мы // Накануне. 1918. № 2. С. 2 – 3.

⁵ Бердяев Н. Оздоровление России // Накануне. 1918. № 6. С. 1 – 2.

государственности великий исторический долг <...> Русские культурные люди должны осознать себя собирателями русской земли»¹.

Тема кризиса демократии обсуждалась не менее активно. В частности, профессор В. Устинов поместил в «Накануне» статью «Русская демократия», тезисы которой подтверждали «программу» Н.В. Устрялова. «Монтескье, как известно, – писал В. Устинов, – истолковывал нужную для прочности демократии добродетель как смысл любви к родине, и так как в России этого необходимого цемента для сооружения демократической государственности не оказалось, то наспех сложное здание нашей демократии <...> грозит развалиться окончательно»². Следует отметить, что авторы «Накануне» не считали идею народного волеизъявления чуждой России. Отказ от демократической формы правления они подразумевали только на данном историческом этапе, в момент «болезни» страны, которой считался как большевизм, так и вся революция в целом. Перспективы развития демократии в России, по их мнению, были, но они отодвигались на неопределенный срок.

Вообще же тема будущего России в журнале была очень востребована. Активнее всего ее поднимал Н. Устрялов. В этом контексте интересна его статья «Мнимый тупик», в которой ставился «вопрос о дальнейшем политическом бытии России в связи с очевидным завершением обанкротившейся, выродившейся, “умершей революции”»³. Н. Устрялов, «прославившийся» в 1920-е гг. в большевистских кругах как «певец термидора», впервые именно со страниц «Накануне» призывает общественность вспомнить об этом этапе французской революции, который стал результатом страшной усталости от террора и жажды порядка. Ставя вопрос о том, как термидор начнется в России, Устрялов писал: «Спросят и спрашивают: – «Так где же *новые* люди?» Но все дело в том, что каких-то неслыханно *новых* людей и не нужно. Изменится атмосфера, переродятся сердца <...> Уже перерождаются, раз некоторые социалисты без особой ненависти пишут о диктатуре <...> Напрасны интеллигентские жалобы. В умах и сердцах, в «душе» страны зреют благие возможности <...> Худший момент, вероятно, уже пройден <...> И

¹ Струве П.Б. Государственность и культура // Накануне. 1918. № 7. С. 2.

² Устинов В. Русская демократия // Накануне. 1918. № 1. С. 3.

³ Устрялов Н. Мнимый тупик // Накануне. 1918. № 2. С. 5.

лишь грозовые тучи с Запада, действительно зловещей тенью ложатся на русскую землю...»¹.

Главным условием удачного завершения русского термидора Устрялов считал невмешательство в него иностранных держав. Тема внешней политики (проблема ориентации) и верности России союзникам была одной из ключевых в «Накануне». Пожалуй, именно она очень скоро привлекла к журналу внимание кадетской партии.

В «Накануне» вопросы внешней политики курировал Е. Корвин, но о международных проблемах писали также С.А. Котляревский и Ю.В. Ключников. Статьи были проблемные и отражали метафизику «Накануне» в вопросе «ориентации».

Основная идея статей будущего сменовеховца Ю.В. Ключникова развивала «программные» установки журнала, сформулированные Устряловым. «Великая Россия нужна потому, что этого требует международный, всечеловеческий прогресс»², – писал Ключников в работе «Наша внешняя политика». Будущий колчаковец, а в конце жизни советский дипломат, Ключников выступал за усиление влияния России на международной арене и поэтому ему были близки мысли Устрялова о царствостроительстве и великодержавии, которые находили отклик в ряде антибольшевистских политических течений того времени.

Иная ситуация сложилась вокруг взглядов С.А. Котляревского, которые во многом разделял тот же Устрялов, но которые были чужды ряду авторов «Накануне». Взгляды эти отвергала и партия кадетов, членами которой было большинство печатавшихся в журнале. С.А. Котляревский выступал за отказ антибольшевистских сил от «верности союзникам» и призывал к «ориентации свободных рук». Он разместил в «Накануне» только одну статью, которая называлась «Культура Германии»³. Она стала первой осторожной попыткой фактического редактора Устрялова донести до общественности взгляд журнала на проблему «ориентации». В статье, вышедшей в период острейшей германофобии, говорилось: чтобы быть патриотом и мечтать о Великой России не обязательно «закрывать глаза на всемирное значение современной германской культуры»⁴. Осторожность высказываемых в статье мыслей была максимальной.

¹ Там же. С. 6.

² Ключников Ю.В. Наша внешняя политика // Накануне. 1918. № 1. С. 5.

³ Котляревский С.А. Культура Германии // Накануне. 1918. № 2. С. 3 – 4.

⁴ Там же. С. 4.

Эта заметка Котляревского, по мысли Устрялова, должна была подготовить читателя к восприятию более откровенной статьи в поддержку «ориентации свободных рук». Такой статьёй стала публикация «Союзники и мы»¹, напечатанная без указания имени автора. В ней заявлялось, что если страны Антанты не окажут России поддержки в борьбе с большевизмом, то она вправе обратиться к Германии. Не назывались конкретные виды помощи. Отдельно оговаривалось только одно – неприемлемость интервенции.

Антибольшевистская общественность обвинила «Накануне» в германофильстве. Даже И.А. Ильин, морально поддерживавший журнал и удовлетворительно отзывавшийся о его «веховском» и великодержавном характере, сказал Устрялову при встрече: «Упаси Вас Боже впасть в этот соблазн. Ни-ни! Нельзя. Собьетесь с пути»². Реакция некоторых авторов журнала тоже была категоричной. К примеру, В.Н. Муравьев, не дожидаясь публикации статьи Котляревского, но зная о настроениях в редакции, прекратил сотрудничество с «Накануне» из идейных соображений.

Нельзя сказать, что молодая редакция журнала пришла к позиции «зондировки почвы» и политике свободных рук в деле «ориентации» простым путем и без постороннего влияния. Вопрос этот много раз обсуждался не только в тесном кругу молодых политиков-издателей, но и выносился на редакционное совещание «Накануне», где присутствовали П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.А. Котляревский³. Струве высказывался за верность союзникам, но не переубедил Устрялова, которому были ближе убеждения Котляревского. Это совещание проходило, по-видимому, в апреле 1918 г., о чем можно сделать вывод, сопоставив дневниковые записи Н.В. Устрялова с характером внешнеполитических статей в «Накануне».

А 27 – 29 мая 1918 г. в Москве состоялась конференция партии Народной свободы, где обсуждался вопрос об ориентации. Самым ярким выступлением стал доклад М.М. Винавера в защиту «верности союзникам». Прежде чем быть зачитанным на конференции, он обсуждался в комиссии иностранных дел при ЦК партии. На обсуждение был приглашен и Н.В. Устрялов, а также еще двое активных участников «Накануне» – Ключников и Коровин, которые высказа-

¹ Союзники и мы // Накануне. 1918. № 6. С. 1.

² Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 224.

³ Там же. С. 222.

лись против ориентации на Антанту и отстаивали «политику свободных рук». «Из четырех членов комиссии (Винавер, Астров, Кишкин, Новгородцев – Л.Е.) нашу точку зрения, в общем-то, разделяет лишь Новгородцев», – писал Н.В. Устрялов в дневнике¹. 27 мая он выступил на конференции и практически никем не был поддержан. Устрялов единственный проголосовал «против» тезисов доклада Винавера², т.к. его соратник Ключников не смог получить мандат и не присутствовал на конференции.

Журнал «Накануне» к моменту летней конференции 1918 г. был уже известен кадетской общественности. Взгляды его редакции воспринимались как относительно единая и не всегда совпадающая с кадетским ЦК платформа. Кадет, депутат III и IV Государственной думы Н.Н. Щепкин, вступив в спор с Устряловым на конференции, называл сформировавшуюся вокруг журнала группу «молодыми учеными из журнала «Накануне», которые, вместо того, чтобы помочь партии, только вносят в нее путаницу»³.

Конечно, между ЦК партии и «наканунцами» были расхождения во взглядах, но редколлегию журнала нельзя назвать полностью отошедшей от идеологии кадетизма группой. А такая попытка была предпринята М. Агурским. Он писал: «Самое важное то, что группа “Накануне” начала отход от безусловной концепции правового государства, что было краеугольным камнем мировоззрения кадетов»⁴. С этим утверждением следует поспорить. Проблема права, действительно, поднималась на страницах журнала, но не была одной из основных. Напрямую ее затронул только А. Кизеветтер в статье «Социализм и правовое государство»⁵. Идея права в ней противопоставлялась социалистическому учению. Автор выражал уверенность в том, что скоро Россия неминуемо оставит в стороне «социалистические грезы» и оценит по достоинству природу правового государства. Таким образом, можно предположить, что М. Агурский ставил знак равенства между отказом «Накануне» от идеи права и критикой журналом демократии. Некоторые историки перенесли оценку журнала, сделанную Агурским в свои исследования⁶, другие увидели в

¹ Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 163.

² Кроть Л.А. За три года. Владивосток, 1921. С. 46.

³ Цит. по: Устрялов Н.В. Былое – революция. С. 164.

⁴ Агурский М.А. Идеология национал-большевизма. С. 66.

⁵ Кизеветтер А. Социализм и правовое государство // Накануне. 1918. № 3. С. 2 – 4

⁶ См., напр.: Омельченко Н.А. «В поисках России». СПб., 1996. С. 387.

«Накануне» только издание, печатавшее «яркие антибольшевистские филиппики»¹. Нам кажется, что такое поверхностное мнение о журнале является неверным.

В «Накануне» были авторы, которые стояли в некотором смысле особняком, используя страницы издания для трансляции своих мыслей относительно тех сфер жизни общества, затронутых революцией, которые волновали именно их. Яркий пример представляет С. Булгаков, поднявший вопрос о судьбе православной веры на данном историческом витке развития России. Он утверждал, что революция призвана показать силу православия, как фарисейский тупик Ветхого Завета показал вечность религии Авраама, и на смену пришел Новый Завет. Революция, несущая разрушение и хаос, антирелигиозная, ужасающая, имеет «свой религиозно-исторический коэффициент». Можно сказать, что в 1918 г. со страниц «Накануне» С. Булгаков изложил свой взгляд на будущее России и Церкви, представив их в качестве умирающего в конвульсиях революции зерна, которое должно дать росток. И в этом он видел причину для радости, пытаясь донести до читателя: мир стоит накануне возрождения, необходимого обновления. Он писал: «Оскудело пророческое воодушевление. Страх осаждает. Смятение испуга оковывает. Таково самочувствие. Нет буйства и безумия священного, мало радости. Но что же означает этот кризис? Не есть ли он прямое свидетельство о неиссякающей силе православия? Не есть ли это попущенное изнеможение лишь приготовление к грядущему торжеству брачного часа, тьма, сгущающаяся пред зарею? Ведь и Ветхий Завет сверху донизу покрылся кожей фарисейского законничества и, казалось, омертвел именно тогда, когда в недрах его зрело откровение Нового, и кризис ветхозаветной религии свидетельствовал лишь об ее силе и жизненности»².

Участие С. Булгакова в «Накануне» было, несомненно, символическим для идеологов журнала – будущих сменовеховцев. Ведь именно приемниками «Вех» они себя ощущали уже в 1918 г. Статья С. Булгакова, кроме того, прямо соответствовала основной идее еженедельника, отраженной в ее названии и в программной статье первого номера. «Мы накануне радости!», восклицали создатели

¹ См.: *Сергеев С.* От составителя // *Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. М., 2003. С. 13.

² *Булгаков С.* Накануне (Отрывки из непроизнесенной речи) // Накануне. 1918. № 5. С. 5 – 6.

«Накануне». Именно об этом писал и С. Булгаков. Статья религиозного философа, тем не менее, является исключительной для «Накануне». Тема судьбы православия и Церкви в период революции поднималась в журнале кроме этого случая лишь дважды. В апреле 1918 г. Н. Фиолетов, юрист и богослов, друг и однокашник Н. Устрялова, опубликовал статьи «Церковь и декреты» и «Новые церковный закон о разводе и декрет о гражданском браке»¹. Они были скорее политическими, чем богоискательскими. Интерес к церковным вопросам той группы, которая консолидировалась вокруг «Накануне», был слабый и сугубо прагматический: церковь виделась как институт, способный воссоздать сильную государственность.

Комплексный анализ публиковавшихся в «Накануне» материалов, а также отслеживание дальнейшей судьбы молодых авторов, выступивших инициаторами и главными идеологами журнала, показывает, что это издание, которому по большому счету уделялось крайне мало внимания в историографии, обладало значительным идеологическим весом в деле перехода части интеллигенции от идей вех к сменовеховству. Изучение материалов «Накануне» помогает увидеть истоки зарождения особого понимания русской революции представителями нового поколения изначально либеральных политиков, которое зарождалось в России в предреволюционные годы. «Накануне» – начало эволюции их взглядов, которая привела к полному отказу от идей демократии и либерализма.

¹ *Фиолетов Н.* 1) Церковь и декреты // Накануне. 1918. № 2. С. 5; 2) Новые церковный закон о разводе и декрет о гражданском браке // Накануне. 1918. № 3. С. 4 – 5.

Сведения об авторах

(на ноябрь 2013 г.)

Алексеев Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, главный советник отдела образовательных программ и проектов Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики;

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Гордеев Пётр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, докторант кафедры русской истории РГПУ;

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Калашиников Владимир Валерьянович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ;

Канатчиков Михаил Анатольевич – магистр образования, выпускник аспирантуры по кафедре русской истории РГПУ;

Колышницына Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦГИА СПб;

Кулегин Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий редакционно-издательским отделом ГМП ИР, заслуженный работник культуры РФ;

Лысенко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая экскурсионным отделом ГМП ИР;

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН;

Надсадный Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры русской истории РГПУ, ведущий архивист ЦГИА СПб;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ;

Островский Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор СПбГУТ;

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб;

Сапон Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России НГПУ;

Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и краеведения исторического факультета НГУ;

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий менеджер ГЭ, докторант кафедры русской истории РГПУ;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭГУ, докторант кафедры русской истории РГПУ.

Тарасов Константин Андреевич – аспирант СПб ИИ РАН, слушатель ЕУ СПб;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ.

Список сокращений и аббревиатур

- АН СССР** – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик;
- АРО ГЦТМБ** – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина;
- Б/а** – без автора;
- Б/г** – без года;
- Б/м** – без места;
- Б/н** – без названия;
- БМЭ** – Большая медицинская энциклопедия;
- ВЗС** – Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам;
- ВНС** – Всероссийский национальный союз;
- ВКГД** – Временный комитет Государственной думы;
- ВРК** Военно-революционный комитет;
- ВСГ** – Всероссийский союз городов;
- ВЦИК** – Всероссийский центральный исполнительный комитет;
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации;
- ГАПО** – Государственный архив Пермской области;
- ГМПИР** – Государственный музей политической истории России;
- еп.** – епископ;
- ЕУ СПб** – Европейский университет в Санкт-Петербурге;
- к.-д.** – конституционные демократы;
- ЛГУ** – Ленинградский государственный университет;
- МВД** – Министерство внутренних дел;
- МИДв** – Министерство императорского двора;
- МНП** – Министерство народного просвещения;
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан;
- НГПУ** – Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина;
- НГУ** – Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;
- ОВ при ИКУ** – Общество врачей при Императорском Казанском университете;
- отд.** – отделение;
- прот.** – протоиерей;
- ПВО** – Петроградский военный округ;
- ПСЗ-2** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе;

ПСЗУС – Петроградский Союз защиты Учредительного собрания – объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций;

ПСР – партия социалистов-революционеров;

ПСС – Полное собрание сочинений;

РВСР – Революционный военный совет Республики;

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства;

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия;

РКП (б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков);

РПЦ – Русская Православная церковь;

РТО – Русское театральное общество;

РОКК – Российское общество Красного Креста;

РЦХИДНИ – Российский государственный архив социально-политической истории;

СДПФ – Социал-демократическая партия Финляндии;

СПбГУТ – Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича;

СПбГЭТУ – Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет;

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

ст. – стол;

ЦВПК – Центральный военно-промышленный комитет;

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области;

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЧСК – Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств Временного правительства.

Содержание

От составителя	3
Селезнев Ф.А. К вопросу о формировании правой контрэлиты вокруг генерала Л.Г. Корнилова: биография ординарца В.С. Завойко до Февральской революции	8
Алексеев И.Е. «Лекарственный голод» при «новом строе» (1-й Всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом в Казани). 17	
Канатчиков М.А. К вопросу о разгроме военно-морских судов на Балтийском флоте в дни Февральской революции	33
Николаев А.Б. Клубные дельцы перед Временным судом (Петроград, 1917 год)	38
Тарасов К.А. Большевизм стихийный, шкурный, идейный. Новый взгляд на политическую самоидентификацию солдат Петроградского гарнизона в 1917 г.	62
Островский А.В. Генерал Н.М. Потапов и большевик М.С. Кедров (К вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде)	68
Надсадный Д.В. Городские попечительства о бедных в Петрограде и солдатские жены в 1917 году	76
Фруменкова Т.Г. Постановка вопроса о преобразовании сиротских учреждений в Петроградском воспитательном доме в 1917 г.	89
Фруменкова Т.Г. Доктор И.А. Климов и Петроградский воспитательный дом в 1917 г.	97
Колышницына Н.В. Петроградский историко-филологический институт в 1917 г.	110
Гордеев П.Н. Февральская революция в московских императорских театрах	120
Бажанов Д.А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорской военно-морской базы в марте-мае 1917 г.: повседневность и политика	146

Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие в Финляндии и финляндские национальные и социальные движения в 1917 году: история изучения и перспективы исследования	155
Мусаев В.И. Православная церковь на окраинах России в 1917 г. ...	164
Соколов А.В. Депутация Поместного Собора в Московском военно-революционном комитете 2 ноября 1917 года	172
Сапон В.П. Нижегородские эсеры осенью 1917 года.....	186
Кулегин А.М. «Петроградский союз защиты Учредительного собрания»: создание и деятельность. По материалам коллекции Государственного музея политической истории России.....	196
Калашников В.В. Стратегическая концепция В.И. Ленина в 1917 году: расчет на мировую революцию?.....	2044
Иванов А.А. «Мы всецело присоединяемся к требованиям народников...» О требовании правыми сепаратного мира в 1917 г. (по материалам газеты «Гроза»).	2122
Стогов Д.И. Князь М.М. Андроников и революционные события 1917 года	2200
Румянцев А.Г. «Шлю анафему проклятому 1917-му году» – первые месяцы Советской власти глазами тихвинского историка и краеведа И.П. Мордвинова	2310
Лысенко Е.А. «Накануне» об интеллигенции и русской революции: от «вех» к «сменовеховству»	2412
Сведения об авторах	2533
Список сокращений и аббревиатур	2555
Содержание	2577

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды.

Сборник научных статей

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Билеуш

Издание распространяется по подписке.
Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 27.10.2014
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cug.
Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 16,25
Тираж – 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в издательстве «ЭлекСис», СПб., Новочеркасский пр., д. 1.